Виталий Иванов

ИСПОВЕДЬ

Книга 2, часть 2

Любить?

Или...

Ненавидеть?

Санкт-Петербург
2019

Виталий Иванов

ИСПОВЕДЬ

Книга 2, часть 2

Любить?
Или…
Ненавидеть?

Санкт-Петербург
2019

Книга публикуется в авторской редакции.

ИСПОВЕДЬ. Книга 2, часть 2. Любить? Или… Ненавидеть? / Виталий Иванов. – СПб.: Серебряная Нить, 2019. – 174 с.

Виталий Иванов - петербургский философ, поэт, действительный член, профессор Академии «Русской словесности и изящных искусств (АРСИИ)» имени Г.Р. Державина, состоит в Российском Межрегиональном Союзе писателей.

Автобиографическая книга воспоминаний о первом моем браке с Еленой Ивановой, в девичестве Рягузовой. События 1977 – 1984 годов.

В книге также рассказывается о встречах с Борисом Довлатовым, Валерием Грубиным.

© В.А. Иванов, 2019

Предисловие

Это вторая часть Книги второй «Исповедь». В первой приведены документальные записи - дневник и переписка.

Прошу считать это повествование полуфантастическою историей. Воспоминания пишутся через 40 лет после событий. И, конечно, многое позабылось, или, возможно, представляется в кривом свете. Имена некоторые могут не совпадать, а даже если и правильные, возможна путаница по годам и по действам.

Решаюсь записывать и публиковать только лишь потому, что практически все упомянутые персонажи давно уже умерли. Страшною смертью. И вот это для живых, послужит предостережением. Может быть…

Мне надо рассказать всё. Я это чувствую. Не потому что хочу удивить общество еще одним изложением невозможной грязи нашего бытия и похвалиться в ней собственною выносливостью. Отнюдь. Мне не нравится, когда это делают иные, особенно в отношении не себя, а других. И еще что-то додумывают.

Я пишу о себе. Пусть останется не одно лишь хорошее, но и плохое; не только добро, но и зло. Чтобы зло напрасно не повторялось…

Простите меня, ушедшие! Если можете…
Я думаю так. И делаю теперь так, как думаю.

Это страшная повесть…
Мне безмерно жаль всех потерянных жизней…

Виталий Иванов

1976 – 06.1977 Виталий Иванов. Стихи перед свадьбой

26 ноября 1976 г. На свадьбе Сергея Немакина и Людмилы я познакомился с Еленой Рягузовой.

На фото: Сергей Немакин, Чайковский Ростислав (Рост) и Лена.

Лена и Сергей Воронцов

Ростислав Чайковский и Лена

Вор

Мне бы губы твои украсть,
спрятать ото всех
и целовать их,
когда очень-очень плохо…

Мне бы, наглому вору,
глаза твои выкрасть,
чтобы они смотрели
только на меня одного,
любимые!

Руки унести твои ласковые,
чтобы они обнимали меня
нежно,
когда совсем
грустно-грустно…

И не думать о том,
что любовь твою -
не украсть!..

19 декабря 1976

Игра сочинителя

1.

Шла девушка в зелёненьком пальто.
Как выдумка. Как дверца неземная
В волшебный мир…
Как ключик, как восторг…
Я ждал, я знал!..
Слова слетались в стаю!

Глаза - как джокеры. Как первая игра
На новенькой, некноконной колоде.
Какая здесь удача шулерам!
Но я в любви - не шулер… До утра
Писать стихи я буду… о погоде.

2.

Погода тихая была,
И пыль нигде не вилась,
Когда, как звёздочка, светла,
Ты чудно появилась.

Зажглась в очах моих, как свет
Зари любви прекрасной.
Тебе послал душой привет,
Но ждал ответ - напрасно!..

Поднялся ветер. Пыли флаг
Взвился до небосвода.
И незаметно как-то так
Испортилась погода…

И ты - прошла. И на меня,
Увы, не посмотрела.
Но как душа полна огня -
Чуть-чуть не подгорела!

13 января 1977

Великая любовь в королевстве лжи

В королевстве лжи
жил-был принц,
у которого глаза
не умели обманывать.

Однажды он встретил
прекрасную девушку,
и они полюбили друг друга.

Но тут умер старый король.

Народ взбунтовался…
Он не хотел жить с принцем,
который не умеет лгать
для своего государства.

Тогда девушка
выколола принцу глаза,
потому что
очень любила его…

И свою Родину!

13 января 1977

Твердыня любви

Как волна крутые скалы,
Ты меня любила.
То ласкала, обнимала,
То, как буря, била.

Целовала жарко, страстно -
Сердце отбирала…
В наслаждениях опасна,
Разума не знала!

Я любил твои волненья
И твои порывы,
Но ценил уединенье
Мудрости и силы.

И змеилась под скалою
Трещина сомненья -
Не мешают ли покою
Счастия мгновенья?

31 января 1977

Ностальгия в любви

Вы говорите: «Раньше вы любили…»
А я вам лгу, что «и сейчас люблю…»
И думаю, - какая ностальгия!..
И по Любви, как Родине, скорблю.

8 марта 1977

*** * ***

Ты – чудная, а я – смешон;
Ты – гениальна… я – тупица.
Как глупо, я в тебя - влюблен…
Не мудрено ж глупцу – влюбиться!

22 марта 1977

*** * ***

Понятно - не красавица!
Так что же мне так нравятся
Глаза твои и волосы,
Движенья, звуки голоса?..

8 апреля 1977

Четыре стихотворения для любимой

1. Философское

Я каждый день пишу стихи,
Все мысли - только о тебе.
Как велики мои грехи,
Ведь я дарю стихи - тебе!..

Ты завладела мной, как бред.
Вся жизнь теперь моя в тебе.
Ты – обретенной веры свет,
Вся философия - в тебе!

Ты - в солнце, ветре и весне;
Весь бесконечный мир - в тебе!
Во всем встречаешься ты мне,
И все встречаю я в тебе.

Как благодарен я судьбе,
Моей судьбе – тебе, Тебе!..

2. Шутка

Я каждый день пишу стихи -
Не странно ль? – только о тебе.
Стихи, конечно же, плохи,
Но я их подарю - тебе!

Я подарю влюбленный бред.
Наверно, подарю - тебе…
Кому ж дарить еще? Поэт,
Как тяжело, порой, тебе!

Быть может, дело все в весне?
Какая разница тебе?
Весна весной… Что делать мне?..
Несу опять стихи - тебе!

Как благодарен я судьбе:
Есть ты, дарю стихи - тебе!

3. Уничижительное

Я каждый день пишу стихи,
Представить страшно - о Тебе!
Отпустишь ли мои грехи,
Когда я принесу тебе

Вот этот бред?.. Убогий бред,
Что не понравится тебе!..
Ты – из другой Вселенной свет,
Нет в мире Слова о тебе!

О солнце знаю, о весне…
Но о тебе? - Нет, о тебе
Слов нет! Лишь буквы… Как их мне,
Сложить, чтоб поднести тебе?

Я отдаюсь своей судьбе…
Пишу? – Нет, я молюсь тебе!

4. Бред

Я каждый день пишу стихи,
Рубаю вирши о тебе.
Легко заметить, как плохи
Стихи, что я дарю тебе.

Все это превратилось в бред,
Весь год я брежу о тебе
И думаю, что я – поэт…
Зачем с ума сходить тебе?

А если дело все - в весне?
Весенний бред… Нет, о тебе
Писать всегда приятно мне.
Всегдашний бред мой – о тебе!

Как благодарен я судьбе:
Я брежу только о тебе!..

8 апреля 1977

* * *

Я грелся у костра любви,
Пододвигал в кострище душу…
Как сказку в детстве, жадно слушал
Слова любовные твои!

14 июня 1977

03.1977 Елена Рягузова. Его я встретила нежданно

На стих В. Иванова

Я повстречал тебя нежданно
Среди кричащей пустоты.
Глаз голубая панорама
Дарила синие цветы.

Кругом - заношенные лица…
А ты - любила, ты - жила!
И я решил в тебя… влюбиться.
Пока решался… Ты – прошла!

В. Иванову посвящается

Его я встретила нежданно
Средь поэтичной пустоты.
Его поэзьи панорама
С глухой тоской ждала цветы.

И, осветив скучавших лица,
Его поэзья свет лила.
В неё не можно не влюбиться,
Хоть мимо нас она прошла.

Первый Ценитель, 09.03.1977 г.

1977 Виталий Иванов. Стихи после свадьбы

* * *

На водопадах глотку рвёт вода,
Над облаками – звёздные просторы…
Мне всё равно. Ты знаешь, н и к о г д а
Я не уйду в Сиреневые горы!

Прокурен воздух, вымучен и мёртв.
Прошедший день - зачёркнут и отброшен.
Я снова делаю себе аборт,
Заветных мыслей вырывая ношу.

Я говорю, что я тебя люблю,
И повторяю все твои названья…
Как будто сон!.. Я про себя таю
Несбыточных желаний очертанья.

Неясных грёз, видений череда,
Прекрасных стран волшебные просторы…
Мне всё равно. Ты знаешь, ни-ког-да
Мне не уйти в Сиреневые горы!

Я пью вино. Бутылка на столе,
Полупустая пачка «Беломора» …
Какая тайна в заоконной мгле,
Туманной цели бесконечных споров?

Искать себя? Я выдохся в пути…
Я оказался робок и послушен…
Идти вперёд? Не ведая, - идти?..
Нести всю жизнь пылающую душу?

Зачем?!.. Кому ?!!.. Пускай ревёт вода,
Сверкают в небе звёздные просторы…
Мне не дойти… Ты знаешь, НИ-КОГ-ДА
Мне не попасть в Сиреневые горы!

13 августа 1977

Сон Елены Рягузовой, записанный с её слов

Бывают сны - крики души,
на пределе ума,
с таким напряжением
мыслей и чувств,
что переворачивают
всю жизнь наяву.

_____

Толпа народа.
Почему-то пытаюсь всем доказать,
что я счастлива.
Но никто мне не верит…
Надо мною смеются!
Повторяю снова и снова,
что живу
в самой лучшей стране,
красивейшем городе;
у меня любимый муж,
замечательные друзья…
Я – счастлива!
Объясняю,
убеждаю,
доказываю…
И срываюсь на крик,
потому что вижу -
не верят!
Мне - не верят!!
Надо мною смеются!!!

И я начинаю
сама во всём сомневаться…
Что живу
в замечательной стране,
прекраснейшем городе;
у меня любимый муж,
преданные друзья…
сомневаться в том,
что я - счастлива!..
И это,

собственное сомнение -
самое страшное…
Точно схожу с ума,
или кругом –
одни сумасшедшие…

_____

Просыпаюсь с чувством
ужасающего одиночества!

21 сентября 1977 г.

* * *

Зачем ты любишь так жестоко?!
Зачем бездумно говоришь
Слова случайные упрёка
И вдруг обиженно молчишь?

Зачем ты ссоришься со мною,
О каждом споря пустяке?
И вдруг становишься чужою,
И держишь зло на языке?

Зачем бываешь равнодушной?
Зачем казаться хочешь ей?
И почему с тобою скучно,
Когда ты всех других родней?..

Зачем меня не понимаешь?
Зачем не хочешь ты понять?
И горько плачешь, и страдаешь…
И хочешь ты зачем страдать?!..

4 ноября 1977

Не забывай обо мне!

Я написал тебе стихи.
Пустые… Так, о чём-нибудь…
Конечно, глупые стихи.
Ты прочитай их и забудь…

Я так люблю тебя, поверь!..
И всё прощаю… На двоих
Не делится число потерь,
Пускай тебе – поменьше их.

Не хочешь, вовсе не читай…
Не им, а нам с тобою – жить.
Ты обо мне не забывай,
Стихи же можно и… забыть!

12 ноября 1977

Циничные стихи

Оставим все сомненья!-
Наивная мура.
Жизнь – фокус, развлеченье,
Забавная игра.

На кон её поставим,
Пусть не дрожит рука!
Давай в любовь сыграем,
На картах, в дурачка.

Кто выиграл, проиграл кто -
Не всё ль равно для нас?
На жизнь и смерть считалка
Веселья дарит час!

30 декабря 1977

Дурной сон

Эта женщина в постели -
Как взволнована она!
Сколько силы в хрупком теле,
От любви и от вина!

Сколько жадности и страсти,
Прямо адского огня.
Упаси же от напасти,
Боже мой, спаси меня!

Слышу сладкий голос Боже.
- Чёрт пускай тебе поможет!
В вечных муках, на огне
Будешь ты молиться мне.

- Боже! Я не виноват,
Что приятен мне разврат.
И к тому же я – женат…

Вдруг другой я слышу голос.
- Наплевать, женат иль холост!
Хитроумный, лживый Боже
Вам, товарищ, не поможет.
Но спасёт наверняка
Ваша крепкая рука!

- Чёрт! - Скорей, скорей к жене!
Сон дурной приснился мне…

30 декабря 1977

1977-1978. Осень, зима. Отступление

Во ВТУЗ я восстановился на 3-ий курс, с которого и ушел из Политеха, - на престижный факультет Турбостроения, в самую сильную группу. Доздавать мне надо было только техническое черчение. А так.. как потом выяснилось, общие предметы – математику, физику и другие, безусловно, лучше было изучать в Политехе, а специальность, если турбостроение, – во ВТУЗе при ПО ЛМЗ. Тут двух мнений не возникало.

Учиться после ЛПИ было легко, требования совершенно другие. Это не как Тихомиров на практике по математике задавал нам по 100 сложнейших примеров на интегралы, дифференциалы и через пару дней спрашивал. По сути, я так же, как в Политехе, готовился только к экзаменам. Но сдавал их легко, на пятерки и сразу стал получать повышенную стипендию - 46 рублей! Для семейной жизни было не густо. И вообще жить на такие деньги я не привык. Поэтому иногда, раз в неделю подрабатывал в карты. Преферанс с Мариком, Шуриком. А потом и с отцом Марика. Маститым евреем.

С Мариком мы были давно знакомы, приезжали к нему в Ялту, стройотряд, где он работал. Я об этом писал. Получалось за вечер рублей 10 – 20. Обычно. Но не всегда. Через какое-то время, я понял, против меня стали сламить, да еще и замешивать. Кто-то научил отца Марика этому делу. Но я нашел контр ход. Снимал определенное число карт, и хорошая карта после чужого замеса приходила ко мне.

Не буду об этом долго рассказывать. Тем более всё равно всё закончилось через полгода.

Вторые, четные семестры годовой учебы во ВТУЗе мы работали и учились. Как на вечернем. То есть учились вечером, а работали в три смены. В этом были плюсы и минусы. Причем на 3-ем курсе так же, как первые два (до моего поступления), работали в цехах.

Плюсы в том, что мы получали зарплату – от 100 рублей. А бывало и 150. Зависело от закрытия нарядов мастером, как ты себя проявил.

Минусы, понятно, для семейного человека в том, что дома практически удавалось лишь спать, и не так много часов.

Неделю работали в первую смену, с 7 до 16, неделю во вторую с 16 до 24, третью - с 0 до 7.

А вечерами надо было учиться. За посещаемостью довольно строго следили, прогуливать особенно не получалось. Отчисляли лег-

ко! Второй раз мне этого уже не хотелось. Четыре года беспорядочной жизни несколько утомили меня.

При этом Лена не раз будила перед утренней сменой, часа так в два-три или четыре ночи. Только забудешься после ВТУЗа и ужина сном беспробудным, а тебя уже тормошат, надо поговорить, выяснять отношения. Сильно ли я люблю её? Или не очень? - Срочно! Вопросы жизни и смерти! Любви! И обижаются страшно на непонимание, сонное невнимание.

Да. Кроме этого, я почти всё сам делал по дому. Покупал продукты, готовил. Лена была во многом не от мира сего.

Но сейчас не об этом.

Эта экзальтация потом прослеживалась во всём.

Позже мне рассказала Наташа Левитская, доброхот, родная старшая сестра Лены, что незадолго до моего с ней знакомства Лена состояла на учете в психоневрологическом диспансере, её усиленно кормили лекарствами, чем-то даже кололи. И она с трудом вырвалась из этой петли. Только после совершеннолетия, наотрез отказавшись принимать дальше лекарства.

Надо сказать, она была весьма неглупа.

А диагноз был что-то типа психопатии, чрезмерной возбудимости и т.д. Может быть, и неправильный.

Я, конечно, ничего об этом не знал. До свадьбы. И долго после неё.

Немного расскажу о работе. Во 2-ой семестр 3-его курса направили меня в 21-ый цех Ленинградского Металлического Завода (ПО ЛМЗ), при котором и был ВТУЗ (Высшее техническое учебное заведение).

Колоссальный цех с уникальным парком станков. Станки просто огромные! На них обрабатывались колеса и патрубки, конструкции паровых и гидротурбин для крупнейших электростанций страны и на экспорт. Две 6-ти метровые карусели и 19-ти метровая. Последних в стране было лишь две, ещё одна на Урале. И другие соответствующие станки.

Меня поставили подручным на 6-ти метровую карусель. Обязанности заключались в поливании режущего инструмента эмульсией, для охлаждения. Я стоял рядом с резцом и поливал его белой жидко-

стью из тонкого шланга. Второй обязанностью было убирать стружку и третьей – мелкие поручения. Последних особенно не было.

В общем, работа была нельзя сказать, что тяжелая, но утомительная и нудная. Занимала, правда, время не всё. Пока снимали или устанавливали деталь, налаживали инструмент, можно было поспать. Мне показали хорошее место - сам бы не догадался! - под столом моей 6-ти метровой карусели. На «столе» обрабатывали детали размером 5-6 метров в диаметре, высотой несколько меньше - огромным резцом, который с диким визгом выгрызал всё ненужное. Между столом и полом, тоже металлическим было пространство высотой меньше метра, и там в темноте навалены тряпки, промасленные старые ватники, ветошь… Оказалось, очень уютно, все условия для желанного отдыха в любую из смен. Особенно, понятно, в ночную. Из-за постоянного недосыпа работа станка совершенно мне не мешала, отключался мгновенно. А просыпался на голос рабочего, когда надо было эмульсией поливать. На удивление, я его различал среди страшного грохота.

Еще было два просторных железных шкафа, где тоже можно было поспать. Но мне это было не надо, за мной закрепилось законное рабочее место. Тем более, как я знал, в этих шкафах пару раз закрывали и забывали открыть. Шкафы надо было на ключ закрывать снаружи. Неприятный случай произошел, когда один наш товарищ не мог выбраться из шкафа более суток.

В цеху стоит такой грохот, расслышать что-либо почти невозможно, на беду в тот день шкаф никому не был нужен, закрывший ушел, понадеявшись на кого-то, и вот бедолага в шкафу кричал, стучал, пробовал даже изнутри перевернуть шкаф, всё бесполезно. Открыли его только когда кому-то тоже захотелось поспать. Или снова на работу вышел закрывший товарища, точно не помню уже.

Еще хорошо было спать в больших металлических ящиках с ветошью. Но в них часто заглядывали. Или бросали, всё что угодно.

В 21-ом цеху работало несколько человек из нашей группы. В том числе Сергей Соловьев, или Жестокий. В цеху мы с ним ближе и познакомились.

Работал он на 19-ти метровой карусели. Вращающийся круг для детали 19 метров в диаметре! Станок в несколько этажей!

И вот однажды на Жестокого с площадки третьего этажа упала металлическая болванка. В несколько килограмм. Чудом только слег-

ка задела одежду! Болванка (или чушка, не важно) подпрыгнула невысоко и только чуть придавила ногу Сергея. Он потом долго хромал. В общем, всё обошлось. Случай этот, конечно, гласности не был предан. Такие публичные истории никому не нужны. Даже не выяснилось, как болванка сумела упасть.

Работал я в цеху всего месяца четыре, потом экзамены. И вот к концу срока я заработал в месяц целых 158 рублей! Очень просто. Мастер попросил убрать из прохода накопившуюся за долгое время стружку. И я это сделал! Надо сказать, металлическую стружку, наматывающуюся пружинами, не так просто взять. Но у меня получилось собрать в несколько больших ящиков, 1,5 на 1,5 метра, наверное. С машину. О деньгах я особо не думал, просто попало под настроение. Видимо, выспался хорошо. И мастер заценил это.

Потом экзамены. Сдачу каждого экзамена, понятно, мы хорошо отмечали. Обычно у пруда, в садике рядом со ВТУЗом. Или же в чебуречной. В те времена конца 70-х проблем с местом пития не было.

Брали по фугасу на брата, и вперед!

Скучно нам не было.

Стихов уже совсем немного писалось.

01-06. 1978 Виталий Иванов. Стихи

Желание

Я хочу, чтоб меня расстреляли
У высокой-высокой стены;
Чтоб вокруг часовые стояли,
Но своей я не ведал вины.

Чтобы рядом берёзки шумели,
Свежий ветер глаза мне слезил;
А в груди тонко струны звенели,
От избытка желаний и сил!

Чтоб мгновенья годами казались
И природы понять голоса;
Чтобы ласково мне улыбались
Издалёка любимой глаза.

Чтоб весёлая песня звучала,
И горячая капала кровь…
И чтоб было сто жизней мне мало,
Чтобы жизнью насытиться вновь!

13 декабря 1976 - 1978

* * *

Я знаю, что я гениален!
От слов нет покоя ни дня,
Что ждут на моем пьедестале,
Когда похоронят меня!

27 января 1978

Непогода души

Когда один и кажется, что нет
Родной души… Нужна ли жизнь - уродина?
Ты ласково притронешься ко мне,
Моя Мечта, моё спасенье - Родина!

Раскрыв окно в промозглый полумрак,
Смотрю, как будто, всё мне не знакомо…
Я знаю, что давно живу не так,
Ведь хочется жить как-то по-другому.

Как тянет груз обманчивой тоски
В болото жалких неурядиц быта.
Где даже строк любимых огоньки
В тумане повседневности размыты.

Мне скажет ветер, в комнату вводя
Огромной Родины взволнованные звуки,
Тревожа, будоража и будя
От лености, от пошлости и скуки,

Что надо - жить… И, верно, навсегда
Поверить в мудрость тёмную природы.
А настроений всяких чехарда -
Капризы нашей внутренней погоды…

27 января 1978

* * *

Какая-то белиберда!
Погаснет «вечная звезда»,
И «вечная» - взойдет другая…

Вот так и в жизни иногда:
Любовь приходит «навсегда»,
И «незаметно» - умирает!

11 марта 1978

Расставание, которое не заканчивается никогда

Уносят друзей и любимых года.
Но вдруг, по неясным законам,
Всё то, что, казалось, ушло навсегда,
Становится снова знакомым!

И полузабытые лица влекут
К мечтам дорогим возвратиться…
Но только лишь пять драгоценных минут
Даны нам опять - чтоб проститься!

8 апреля 1978

* * *

О, страшный равнодушья гнёт,
Кромешное всесилье лени!..
Но если строчка вдруг сверкнёт
Звездой счастливой откровенья,
Я ощущаю вновь Судьбу,
Благословляю провиденье -
Лежал, как будто бы, в гробу,
И воскресило – вдохновенье!..

8 апреля 1978

06.1978 Пародилки Елены Ивановой

Виталий Иванов. «Я знаю, ты всё шла ко мне!..»
http://stihi.ru/2002/02/03-312

* * *

… Я очень долго шла к тебе,
Я всё в толпе тебя искала…
Ты не топи меня в вине!
Я ж из толпы! Я так устала!..

* * *

… Идём вдвоём, нас не догнать!
Но быт настиг в одно мгновенье.
Теперь попробуй-ка узнать
Меня в порыве вдохновенья!..

* * *

Год не прошёл, но ты уж стал
Совсем чужой, ненужный, шалый…
Я понимаю, ты устал,
Я слишком часто возникала…

Виталий Иванов. Документальное кино
http://stihi.ru/2002/02/23-261

* * *

… Теперь – жена, да скоро – мать…
Хоть похороним быт в воронке,
Он через год взойдёт опять
В кричащем маленьком ребёнке…

Виталий Иванов. Стихи о рыбе
http://stihi.ru/2002/03/05-551

* * *

… Надо проще жить, надо проще…
Не отдаться сей жизни грохоту.
Вспомни вот: в апельсиновой роще
Ананасы идут на охоту….

Виталий Иванов. Странность
http://stihi.ru/2002/03/10-297

* * *

… Я всё ещё шизую стоя
И мне стареть не хочется.
Чего-нибудь я тоже стою,
Чтоб и за мной охотиться!?..

Виталий Иванов. «Ночами снятся сексуальные сны…»
http://stihi.ru/2002/02/11-321

* * *

Мир наш – удача для женщин
Карманы набивать поцелуями разными.
Вот у меня был нулик поменьше,
А целовал он крепче гораздо!..

* * *

… Пусть снятся тебе вещие сны.
И мыслей остатки чуть взбороня,
Подумай, может, не лучший ты,
А так, одна сплошная …

Виталий Иванов. «Придёт спокойствие и к нам…»
http://www.stihi.ru/2002/04/13-360

* * *

… Обдумай, милый, не спеша,
Не торопи приход разлуки.
В любви ж нужны не только руки,
Но хоть немножечко душа…
Обдумай это не спеша…

Виталий Иванов. Сиреневые горы
http://www.stihi.ru/2002/04/04-269

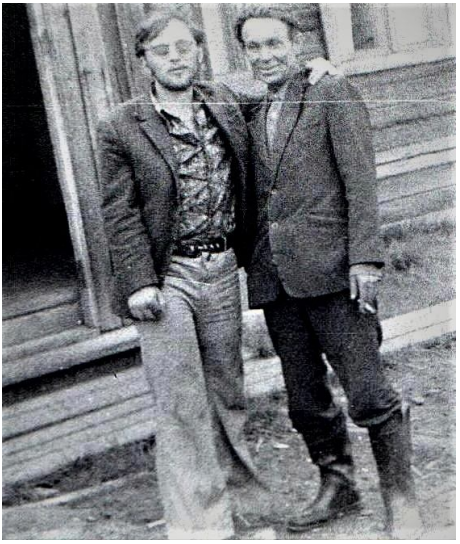
* * *

… Смотрю с тоской в любимые черты…
Зачем опять ненужные раздоры?
Одно я твёрдо знаю. Скоро ты
Один уйдёшь в Сиреневые горы…

. . . . . .

Июнь 1978 г.

07-08.1978 Малошуйка



Виталий Иванов и мастер Аполлон Александрович

С машинистами мотовоза у Конторы железной дороги.
В центре - Виталий Иванов

У Конторы железной дороги. Виталий Иванов, Шура Изотов, Сергей Соловьев (Жестокий, Командир), Шура Смирнов

У вагона мотовоза. Верхний ряд: Юра Иванов, Боря Головкин
Второй ряд: Шура Изотов, Юра Абакумов, Серей Соловьев, Повариха
Нижний ряд: Виталий Иванов, Валера Каминский, …

Наша база

Встретили нас действительно дружески. Василий, начальник железной дороги, яркий брюнет с усиками лет тридцати пяти/сорока и мастер – Аполлон Александрович, поджарый, невысокого роста, неопределенного возраста, видимо, ближе к пятидесяти, отнюдь не красавец, в противовес звучному имени.

Достали привезенную с собой водку. Нам с командиром сразу налили по граненому стакану, 200 грамм. И так три раза, почти что без перерыва, без закуси и запивки. Второй Серёга, вроде бы, пропустил, или третий.

Я выпил, конечно, всё. Для знакомства. Командир, кстати, и говорил при выборе заместителя, нужен человек для пития, пить с местным начальством. Пока он будет оформлять наши дела.

Через некоторое время мне поплохело. До того разговор был живой, интересный. Но в моей памяти не задержался.

А потом я часа два ходил вокруг какого-то фонаря. Или сидел, держась за него. Пока не очнулся.

После чего мне было сказано командиром, еще один такой случай, и он найдет себе другого помощника.

Целыми стаканами больше не пили. Только по половинке. При знакомстве была проверка, на «неслабо», которая, кстати, сразу установила доверительные отношения с руководством узкоколейки, на которой нам предстояло работать.

До Малошуйки на поезде добрались нормально. Серега Соловьёв, командир (между собой мы его звали Жестоким, это сложилось, не знаю уж почему, еще до моего восстановления во ВТУЗ на 3-й курс) сказал, пить в шабашке не будем. Разве что по выходным. Едем все за деньгами.

И действительно, никто из бойцов больше не пил. За исключением банных дней, их у нас было два, если память не изменяет. Все-таки прошло 40 лет.

В бригаде было человек 18, двое до конца не доработав, по личным причинам, уехали. Ребята, в основном из нашей втузовской группы и одна девушка – повариха. Наша ровесница, довольно таки симпатичная, с прекрасной фигурой. На удивление, обошлось без любовных интриг и разборок. Возможно потому, что народ был в целом правильный и на работе сильно все уставали.

Ехали на 50 дней. Поездом в плацкартном вагоне. На второй день командир нас собрал в одном из купе, моем в частности, обсудить основные вопросы.

Предложил выбрать себе помощника. В качестве кандидатов назвал Валеру Каминского и меня. Мотивируя тем, что мы несколько старше и опытнее. Действительно, мы на 4 года были постарше товарищей, в основном поступивших в институт после школы, в шабашку ехавших первый раз. Валера заканчивал Политех, я с ним вместе учился, но из института ушел, точнее, был отчислен «как прекративший посещение учебных занятий». Вместе с академкой набежала разница. Об этом я рассказывал в Книге 1 «Исповедь. Детство и юность»).

Были среди нас, правда, трое отслуживших в армии и поступивших в институт после неё, то есть почти наши ровесники. Но мы с Валерой два раза ездили в стройотряды и не только, подрабатывали по-разному.

Валеру никто не знал. Это я его пригласил с нами поехать. А мне, кстати, незадолго до отъезда предложил Сергей Соловьев. До

того я и не знал ничего. Учился первый год с мужиками, восстановившись после четырехлетнего перерыва на третий курс.

Да. Так вот, после некоторого общего замешательства, минуты молчания, я предложил на пост Заместителя Командира кандидатуру свою.

И народ меня поддержал. После чего я слез со второй полки, на которой лежал до этого, и совещанье продолжилось.

Мы неплохо подготовились к поездке. Закупили несколько ящиков тушенки, мешков макарон, 10 бутылок водки – для представительства. Вся водка была у меня в рюкзаке.

Тушенки потом уходило две банки в день, на всех. На завтрак, обед и ужин – макароны с тушенкой, точнее ее запахом. И чай с хлебом по выдаче.

Как мы работали.

После первых двух дней на устройство, получение необходимого для жилья – кроватей, одеял, подушек, посуды для кухни, инструмента для работы – лопаты, лома, домкраты поднимать рельсы и прочее - мы выехали на место нашего жительства. Это оказалось километров 40 от Малошуйки, по узкоколейке, которую мы и должны были поднимать, выравнивать, укреплять.

Предполагалось, что мы должны были поднимать рельсы на 10 – 20 сантиметров домкратами, менять сгнившие шпалы, подсыпать щебень на те же минимум 10 см., утрамбовывать, потом опускать домкраты. Да так, чтобы рельсы в итоге лежали ровно, не проседали под мотовозами, не перекашивались.

Мне это показалось утопией. Таким образом мы ничего бы не заработали. Нам был нужен объем – километры, а не пару рельс в день. Как, кстати, и выходило у местной бригады, состоящей из пожилых женщин пенсионного возраста.

И я предложил делать всё по-другому.

Мы поднимали рельсы домкратами и подсыпали, утрамбовывали только под стыками. Насколько поднимать определял я, чисто на глаз, отходя на некоторое расстояние, работал смотрящим, руководил в целом. Мой способ ребятам понравился, тем более что таким макаром довольно быстро мы приноровились проходить несколько сот

метров в день. Что и позволило нам в результате отремонтировать, не помню уж сколько точно, но больше 15-ти километров.

Работу нашу оценивали мотовозники машинисты. И весьма положительно. Я делал так, что после нашей бригады стыки рельс были чуть выше полотна остального. При прохождении мотовозов они несколько оседали и вставали на место, в один уровень с рельсами, лежащими на многолетне утрамбованной насыпи. Дорога получалась практически идеальной, до того даже, что поезд по стыкам почти не стучал.

Как мне удавалось без какого-либо опыта подобных работ определять высоту, на сколько поднимать стыки, - тайна и для меня, до сих пор. Но так было.

Интересно, что, не помню, при закрытии второго наряда, меня не было на рельсах три дня. Руководил подъемом Валера Каминский. Сделали много, километра полтора. Но! Мотовозники были весьма недовольны и почти всё пришлось переделывать. Мы потеряли день или два.

После этого меня с рельс уже не отпускали. Собственно, и нужды не было, потому что третий, последний наряд мы закрывали с командиром уже после окончания всех работ, перед самым отъездом.

Кстати, весёлая получилась история.

Закрыли мы без проблем, нормально. С арифметикой у меня хорошо, расписал все работы по максимуму. Тем более был прототип второго наряда работ, расценки известны. Надо было указать лишь объемы. По-честному, но в нашу пользу. Не сложно.

Получилось однако так, что всё подписать, получить подписанное всем начальством, в том числе из районного центра, удалось только лишь поздно вечером. В день отъезда. Точнее, поезд наш мимо Малошуйки проходил ночью.

Касса леспромхоза, где деньги давали, уже закрылась давно. Пришлось идти домой к кассирше, уговаривать её выходить на работу. Пошла-таки нам навстречу.

Привела в какой-то совершенно темный барак. В Малошуйке с освещением вообще плохо, практически нет, открыла и запустила в темную дверь, совершенно черное помещение. Закрыла. Сама ушла открывать с другой стороны.

Потом загорелось маленькое окошечко, и в нем что-то зашевелилось. Стали возникать пачки денег. Серега их брал и складывал в

холщевый мешок, который держал я. В какой-то момент одна пачка упала мимо мешка, на пол, в кромешную тьму. Как потом выяснилось 25-ти рублевок. То есть 2,5 тысячи (2500 рублей).

Если кто не знает сегодня, скажу. Стипендия у меня - повышенная! – была 46 рублей. В месяц.

Да. Выдав все положенные нам деньги, тысяч 16, окошко закрылось, наступила полная тьма. А мы стали искать упавшую пачку. Рядом не оказалось. Мы облазили на карачках всё помещение. В полной тьме, спички быстро закончились.

- Смотри, - говорю, Серега, - как бы и мешок не пропал!

Он только ругался. Пришла кассирша, открыла дверь. Слава богу, у нее оказался фонарик. Мы уже искали, наверное, с час. Отчаялись совершенно… Но со слабым светом фонарика обнаружили прямо под кассой оторванную или ломанную узкую половицу.

Половая щель! В которую провалилися наши деньги!

Пачка упала на землю, довольно таки глубоко, мне было до земли не достать. И, в общем, мы ее вытащили с трудом, чисто на ощупь, кончиками пальцев Сереги. У Жестокого - длинные руки! И он щель немного раздвинул… Только это спасло.

До поезда оставалось уже в притык. И мы по ночной Малошуйке, без фонарей, в полном мраке, в начале одни, потом окружённые лающей стаей диких собак, явно голодных, почти бежали с нашими тысячами с лишком три километра. По безлюдным, грязным улицам между разваливающихся хибар и бараков.

Хорошее приключеньеце!

Бойцы нас заждались, конечно. И денег, которые мы тащили в мешке по ночной Малошуйке, вовсе не безопасной, Тем более, местные пьяницы и бандиты знали, что шабашники должны были получать крупную сумму.

Успели на поезд в последний момент. Обошлось.

Работа была довольно однообразная, вспоминать особенно нечего. Шли - рельс за рельсом, поднимая стыки, утрамбовывая под ними щебень. Сами рельсы поднимали чуть ли не единственный раз. Одно место было совсем низкое, заболоченное, ручей протекал через дорогу. Пришлось повозиться. Мотовоз высыпал целую платформу песка, и мы поднимали самый низкий рельс чуть ли не на метр выше и остальные по сторонам от него соответственно, чтобы выровнять с полотном лежащим нормально.

Потом подсыпали щебенку, всё утрамбовывали. Это заняло целый день. Продвинулись минимально. Хорошо еще по моей инициативе организовали круговую цепочку, перекидывали или носили лопатами, не мешая друг другу. В общем, справились.

На узкоколейке. Подсыпка грунта. Виталий Иванов – 4-ый слева.

Случались и приключения. Мы возвращались с командиром на базу после закрытия второго наряда. Все были, понятно, навеселе, машинист тоже. Набрал хорошую скорость, и мы даже не заметили как, но зато хорошо почувствовали как мотовоз колесами застучал вдруг по шпалам. Тук-тук-тук. Тук-тук-тук… Подпрыгивая. Но не так, чтобы резко с надрывом. Мотовоз плавно сбавил ход и, съехав с невысокой насыпи - она везде была невысокая, до полуметра, а там её почти не было - оказался в молодом березнячке, выросшем вдоль дороги.

Мы были от базы недалеко. Все живы. Собрали с Жестоким вещички и скоро добрались до дома. А машинист остался ждать помощи. Через какое-то время, довольно быстро, надо сказать, его вытащили. В этот же день.

И еще один раз мы упали на мотовозе.

Жестокий предложил покататься. Дело было к концу рабочего дня, ребята уже могли доделывать без меня. А мы «поехали по делам».

Сергей, оказывается, научился водить мотовоз. Мотовоз это небольшой тепловоз, практически настоящий, только для узкоколейки. Не маленькая машина. Зверь!

Мотовоз на узкоколейке.
Стоит Сергей Соловьев, справа Володя Васильев.

Машинист был уже сильно пьян, Сергей держался нормально. Мне налили штрафную, ещё.. и мы погнали. Сергей – за рычагами. Машинист, очнувшись, предложил установить рекорд скорости. Дорога, конечно, была не очень, мы ее не ремонтировали еще.. тем не менее, Жестокий выжал из мотовоза 60 километров, это было много для узкоколейки. Потом еще… но сколько, мы зафиксировать не успели. Мотовоз резко вильнул и свалился с порядочной насыпи. Она там была. Удар, потом тишина.

Открыв глаза, я увидел перед собою, выше, над головой ноги Жестокого, который вылезал в дверь, оказавшуюся на потолке. А я лежал и смеялся. Сергей подтягивался, сучил ногами и быстро довольно вылез. Видно, ситуация прибавила сил и сноровки.

Надо отдать ему должное, он скоро вернулся, поняв, что взрыва не будет, заглянул в дверь-окошко, увидел внизу меня и стал уговаривать вылезать.

Что я и сделал, не торопясь.

Потом вылез и машинист, капитан мотовоза.

Перевернувшийся, откатившийся мотовоз лежал метрах в десяти от дороги. На примятых березках.

Чудом мы отделались практически без синяков.

До Малошуйки, как сказал машинист, 18 км. Жестокий говорит: «Что ж, пошли». Ему надо было туда.

В Малошуйке Сергей познакомился с женою Василия, начальника железной дороги. Красивая женщина! Я её пару раз видел. Даже останавливался, ночевал у Василия, когда закрывали наряды. Помню, читал ей стихи на крыльце. Ну, а Жестокий, видимо, ночевал там частенько. Понятно, ничего конкретного не рассказывал, у нас это не принято, но… можно понять молодую женщину, тоскующую в глуши, черт знает где, среди одних пьяных морд, можно сказать. Сергей на этом фоне был просто орел. Высокий, статный, уверенный в себе крепкий мужчина.

А Василий частенько был пьян, вусмерть, как говорится.

Об Аполлоне вообще лучше не говорить… все 50 дней нашей шабашки Сергей держал его в постоянном сильном подпитии. Так что Александрыч полностью нам доверял, мы сами составляли наряды, он только подписывался каракулями. А потом и Василий.

Но совесть нас вовсе не мучила, мы были молоды, да и работу свою все-таки делали... с некоторою пользой для леспромхоза.

Жестокий из Малошуйки не вылезал, бойцам сообщал - «выстраивал отношенья».. с начальством. Никто его не осуждал, потому что работа была налажена, шла хорошо. И закрывались наряды тоже отлично! Делу не мешало.

Собственно, о жене Василия, кроме меня, никто ничего и не знал.

Да. Ну, и вот мы с Жестоким шли по рельсам 18 километров, ночью, среди вырубок и болот, где бродят медведи. В полной тьме.

Ни звезды, ни огня. И тишина. Только изредка непонятные звуки по сторонам. Странные…

Дошли часов через пять, протрезвев совершенно и завалились на пол в каморке при станции.

Баня. Вторая.

Запомнилась она тем, что после неё были танцы. В местном клубе, барачного типа.

Конечно, все выпили. Танцевать особенно было не с кем. Но Валера умудрился найти себе пару. И исчезал пару раз за клубом минут на 15.

Поделился со мною успехами и впечатлениями. И как-то так получилось…

Мы взяли ее с собою… на мотовоз, который терпеливо нас ждал. Привезли на базу. Она переночевала у нас. Женщина лет 25-ти – 30-ти, не помню ни имени, ни лица.

Детали этого вечера все-таки я лучше не буду рассказывать. Да и забылись они уже…

Помню только, как машинисты смеялись, когда утром с нашей базы ее с подарками забирали и подсаживали в мотовоз.

Ну вот, наверно, и всё.

Больше нечего вспомнить о Малошуйке.

Подумалось вот. Леса в этом леспромхозе я ни разу не видел.

Да. Мы хорошо заработали, рублей по 700-800. При стипендии в 46 это была мощная поддержка семейного бюджета.

Мы с Леной купили телевизор, небольшой, но хороший. И комната была у нас небольшая, как раз для нее. Что-то из одежды.

И, конечно, появились деньги на детскую кроватку и все что нужно при рожденье ребенка.

09.1978 Елена Иванова. Моё чудовище

От любимой жены.
Последнему из спившихся российских литераторов посвящается.

_____

На стихотворение Виталия Иванова «Море и я»

Эпиграф 1. *Виталий Иванов. Море и я*

Оно бушевало,
Оно волновалось;
Но робким казалось
И мелким казалось.
Оно подползало,
И вновь уползало.
И, ползая, море
Мне ноги лизало!

Эпиграф 2. *Виталий Иванов*

А иногда… иногда…
Такая тоска!..

_____

В пол первого ночи
Оно появлялось,
Но робким казалось –
Вину сознавало.
В кровати же лёжа,
Оно подползало,
Но вновь уползало…
И ползало рядом,
И пьяно икало…

13 сентября 1978 г.

09.1978 После Малошуйки

По приезде в Ленинград из Малошуйки Лена меня встретила на вокзале. Конечно, первые впечатления были трогательными.

Но скоро начались будни.

С домашними делами понятно. Лена донашивала ребенка. Я продолжил учебу во ВТУЗе. 4-ый курс.

Встретившись в институте, мы решили отпраздновать удачную шабашку в ресторане. Кто-то предложил недорогой, недалеко от нашего ВТУЗа. Взяли с собой порядочно водки. И в ресторане для видимости пару бутылок. Заказали еды, не заглядывая практически в счет. А когда выпили, прилично уже, бойцы стали заказывать всё подряд, раза три - красной икры, горячего мяса и рыбы, всяких закусок. После шабашки с макаронами без тушенки все сильно изголодались.

В общем, пир шёл горой.

Но всё хорошее когда-то кончается. Наевшись, напившись, мы попросили принести счет. И тут… народ неприятно был удивлён. Нам выставили сумму астрономическую. По мнению бойцов, запредельную. Пытались спорить с официантом. Но тот показал всю раскладку. Пока мы с Жестоким вникали, народ засобирался на выход. Кто-то крикнул: Давайте вообще не будем платить! Пошли, мужики!

Это было ошибкой. Мы с командиром, Сергеем Соловьевым пытались остановить. Но все были пьяные, бросились в гардероб, рассчитывая быстро уйти.

И тут откуда-то появились трое или четверо крепких трезвых парней, которые методично начали бить. По-настоящему, просто как кукол. Сопротивляться никто был не в состоянии. Били всех, за исключением нас с Жестоким, мы оставались в зале, договариваясь с администрацией. Когда вышли, увидели жуткую картину. Половина бойцов валялась на полу. У кого-то лицо было разбито, у кого-то одежда разорвана. Ничего не сломали, но отметелили здорово.

Требуемой суммы у нас с собой не было. Чтобы разрулить ситуацию, Жестокий отдал свой паспорт. Договорились деньги привезти через день.

А на завтра во ВТУЗ пришли не все, на некоторых синяки оставались больше недели. Но деньги кое-как Жестокий собрал. Один только категорически отказался платить – Юра Иванов. У него всё лицо было сильно разбито. Пришлось его долю разделить на всех.

Обошелся нам этот ресторан рублей по 16. И это без алкоголя! Стипендия, напомню, была 40, повышенная – 46 рублей.

Хорошо погуляли. Запомнилось!

ВТУЗ при ПО ЛМЗ, наша группа. В верхнем ряду:
Виталий Иванов, Сергей Соловьёв, Шура Смирнов.
А также Юра Абакумов, Боря Головкин, Шура Изотов, Миша, Шура Никишкин, Сергей Шевченко, Юра Иванов, Валера Васюков, Игорь Козлов

Отдыхают: Юра Абскумов, Шура Никишкин, Сергей Соловьев.

02.1979 Виталий Иванов. Стихи

* * *

Давите подлости змею!
Давите, гадкую, давите!
Рубите подлость на корню,
Пока не выросла, рубите!
Зверёныш маленький, она
Лишь чуть видна - уже страшна.
И так гадка, как паука
В тарелке с супом копошенье…
А суп был просто - объеденье!

22 февраля 1979

* * *

Сегодня исполнилось Саше полгода,
И я от души поздравляю Мамашу
За то, что она родила не урода,
А нашу чудесную, славную Сашу!!

18 марта 1979

* * *

Разве счастья вопрос
……...прост?
Ну, хотя б, как рождение
……звёзд!
Ведь какая-то
……ерунда
Нас разводит
……с тобой
……навсегда!

Или жребий такой
……дан?
Время –
……лживый туман…
Там,
……за обманами, -
……та
……ты,
Мне дарила
……мечты!..

1979

06-07.1979 Малошуйка 2

Сергей Соловьёв (Жестокий), Сергей Самойлов, Юра Абакумов, Оля (повариха), Валера Каминский, Шура Изотов, Николай, Виталий Иванов, Юра Иванов

Медведь.

(Теперь вот так вспоминается. Через 40 лет! Записывал, пока не перечел текст в письмах. Какова разница! Привожу из любопытства сравнить.)

Как-то однажды, работая на дороге в нескольких километрах от базы, один из бойцов разглядел у кромки редкого, полу заболоченного леса медведя. Метрах в трехстах от нас. Крупный, больше двух метров, не коричневого, скорее темно бежевого цвета, не спеша, шел медведь по открытому пространству, на нас не обращая внимания.

Пространство в леспромхозе почти везде было открытое, лес вырублен напрочь, разве что кустарник да в заболоченных местах хилые отдельные деревца. И повсюду валяющиеся остатки деревьев, впечатление полного хаоса.

Встреча наша с медведем состоялась где-то в середине нашей шабашки, все были постоянно голодные. Работа физически тяжелая, с утра и до позднего вечера. А кормили нас макаронами, зараз 2 банки тушенки на 15 крепких бойцов и повариху.

Короче, решили мы медведя забить. Понятно, по дурости. Вооружились чем было – ломами, лопатами, топорами. И начали выдвигаться к медведю. Путь весьма неудобный, то яма, то канава, коряга, вперемешку брошенный лес. В общем, далеко мы не продвинулись.

Медведь вначале не обращал на нас внимания. Но потом все-таки повернулся, покрутил головой, встал на задние лапы, чтобы лучше нас разглядеть. Опустился и… затрусил чуть быстрее, не то, чтобы от нас, но в сторону, параллельно, куда шел. Видимо, не очень голодный был и не захотел связываться.

Мы, конечно, расстроились. Но некоторые вздохнули с облегчением.

Был еще случай прелюбопытный.

Шли затяжные дожди, мы почти не работали, отсиживались в вагончике. Однажды с утра дождя не было, и мы все-таки вышли к дороге. Но только дошли до места работы, опять полилось, как из ведра. Бойцы как могли прятались практически на голой местности, под грудами шпал. А я решил пройти на разведку. У меня была полиэтиленовая накидка.

Узкоколейка в этом месте делала широкий зигзаг, и скоро я потерял нашу рабочую точку из вида. Пути были сильно подмыты, рельсы перекошены, я видел как много работы. Не очень-то для нас выгодной. Прошел уже, видимо, два километра, дождь не переставал, только усиливался.

Несмотря на накидку, всё равно промок я насквозь. Очки залиты, запотевали, ничего почти не было видно… И вдруг я услышал голос, будто с небес: «Куда ты идешь?»

Я оторопел. Можно сказать, подумал о вечном – первая мысль. Действительно, куда я иду по… жизненной узкоколейке, изрядно запутавшись? В семейных делах, денежных, поэтических... Шагая по проложенной кем-то дороге, сильно разбитой, наблюдая кругом разор и разруху… милой моей Родины, всего дорогого.

Было совершенно голое место, невысокая, пол метра насыпь, вдоль дороги валяющийся гнилой лес, никого… И опять: «Куда ты идёшь?» Рядом совсем.

А ведь до ближайшего человеческого жилья, не считая нашей базы – десятки километров.

Под капюшоном полиэтиленовым понять, откуда голос было нельзя. Я скинул его с головы, снял очки, посмотрел вверх, ничего не увидел, конечно, кроме сплошных серых туч. И третий раз раздалось:

«Куда ты идёшь?» - громовой голос. Лишь тогда заметил некоторое шевеление неподалёку, в хаотической куче бревен. Буквально из неё вылез небольшой мужичок, прикрывавшийся плащ палаткой защитного цвета. Я вздохнул с облегчением.

Как выяснилось, он так представился, это обходчик. Ни до того, ни после ни о каких «обходчиках» на узкоколейке я ничего не слышал. Тем не менее, казалось, живой человек.

Мы обменялись коротко информацией. И он снова полез куда-то под бревна. Исчезнув через минуту. А я решил вернуться обратно. Идти дальше не захотелось.

Дождь так и шёл…

Эта шабашка оказалась для нас неудачной.

Первый наряд, как понятно по письмам, закрыли нам плохо. Шли сплошные дожди, мы были вынуждены ждать хорошей погоды. А её всё не было.

Ребята волновались. Наконец, Валера Каминский собрался уезжать. Ему было жаль пропадающего ни за что отпуска. И другие бойцы с ним засобирались. Не дождавшись даже закрытия второго наряда. А и закрывать было нечего.

Мы с командиром, Жестоким, как могли, уговаривали остаться, надеясь, что погода изменится, и мы еще заработаем. Но… не сложилось. Валера твердо стоял за отъезд, а с ним и большинство нашей команды.

Нам с Сергеем, в любом случае, надо было остаться. Закрыть то, что мы сделали, чтобы получить хоть какие-то деньги. С нами остались еще два человека, но и они вскоре уехали. Мы подготовили наряды и ждали оформления документов. Но они всё не приходили из каких-то вышестоящих инстанций. Буквально на последние деньги купили билеты на поезд домой. И не прямо, а с пересадками.

Последние несколько дней было нечего есть. Кроме тушенки, которую не доели в шабашке – рассчитывали то мы на большее количество дней. Не на что было купить даже хлеб. Давились тушенкой, запивая водой из-под крана. В том числе, в поезде.

В общем, добирался до дома я долго… приехал злой, голодный и грязный. Горячей воды не было. Залез под душ, час стоял под холодной, не замечая.

Финансами всегда занимался Сергей. Я только готовил наряды, указывал количество замененных шпал, насколько подняты рельсы (15-20 см), общий метраж и т.д., знал примерные расценки. Но получаемые нами суммы могли варьироваться. Тем более в данном случае нашего отъезда с разрывом договора. Об этом обо всем договаривался Жестокий.

Надо было уезжать по билетам, сдавать мы их не могли и жить было не на что совершенно, а денег всё не было…

Мы сели в поезд. И я спросил Сергея, сколько же все-таки мы должны получить? Он назвал сумму, выходило рублей по сто на бойца. И до того мы получили рублей по 50.

Это не радовало.

Причем надо было еще возвращаться в Малошуйку, чтобы получить деньги.

Мы ехали с пересадками, наговорились уже обо всем, протрезвели, было время подумать. И я прикинул, зная цифры наших работ в закрываемых нарядах и расценки, сколько мы должны получить по минимуму. Не сходилось с объявленным мне командиром. Совсем.

И вот, во время пересадки, ожидая нашего поезда, прохаживаясь по платформе, я изложил Жестокому сделанные расчеты. Командир молчал. Как раз подходил поезд, и я сказал.

- Ты можешь попробовать меня сейчас столкнуть под него, но не уверен, что это удастся.

Сергей всё понял и решил, лучше делиться, чем брать на себя статью. Мы договорились.

Через несколько дней после приезда в Ленинград, получив сведения из Малошуйки, Сергей выехал за деньгами. По возвращению через неделю, показал мне два чека телеграфных переводов. Один для всех, второй нам. Я получил по нему рублей 700, Сергей тысячи полторы. Меня это устроило, командира, вроде бы, тоже.

Сожалений, мук совести не испытывал, потому что не я и не мы с командиром решили прекратить все работы. Наоборот, как могли уговаривали остаться. Уехать до срока был не наш выбор. Нас подвели. Больше всех подвел, наверное, Валера Каминский, решительно собравшийся уезжать, а за ним потянулись и остальные.

А мы с Жестоким вернулись на 16 дней позже других, практически отработав положенное. Сергей Соловьев ездил еще на неделю. Один. За немаленькими деньгами. В том числе, общими. Сильно рискуя.

Ребята в результате получили рублей по 160. А это, кстати, 4 стипендии. Почти не работав.

С Валерой с тех пор наша дружба стала сходить на нет. Он, получив красный диплом ЛПИ, уже несколько лет работал в закрытом КБ Кировского завода, прочнистом расчетчиком, получал хорошую по тем временам зарплату. Я учился во ВТУЗе, общался в основном со своей группой. У нас были семьи, дети, но мы и семьями стали встречаться всё реже.

Последний раз хорошо посидели, поговорили вдвоем как раз в этой шабашке, Малошуйке 2. У меня была с собой спиртовая настойка, на калгане. И мы её выпили… как-то вечером, на берегу озера, в редком перерыве между дождями. Пока еще не было слов об отъезде.

08.1979 После Малошуйки 2

Когда появились деньги, я предложил Лене купить новый диван. Старый совершенно разваливался, ткань во многих местах порвалась. Как сказал Владимир Георгиевич, отец Лены, - «раздолбали диван»!

Да, бывало! Но надо сказать, когда я появился в Лениной жизни, диван был давно уж не новым. Чуть ли не от рождения Лены. Но основную нагрузку, понятно, он принял после женитьбы.

С диваном было всё хорошо. Хотя в те времена не просто было купить. В магазинах было или ничего или черт знает что. Если сравнивать с нынешними временами.

Но трудность ещё заключалась в том, как объяснить Лене – откуда деньги? В общем, пришлось рассказать правду, как всё, собственно, было. Обманывать не умею. Виноватым себя не чувствовал. Но!.. Лене эта история не понравилась. Мы немного выпили за покупку дивана. Нашли его, кстати, в комиссионном, радостного ядовито-зелёного цвета. И вот она в обычной манере стала развивать тему, что это неправильно, подло, жить надо честно, и… она не может молчать, всем всё расскажет. Чуть ли не прямо сейчас. По телефону, хватаясь за трубку. Или при первой встрече. В обсуждении этого, гневных обвинениях, сверканий глазами, криках прошел вечер и половина ночи. Заснули под утро на новом диване, устав от скандала. И, лишь протрезвев, поспав на мягких, упругих пружинах, после настойчивых просьб и объяснений, что она подведет не только меня, но и командира, Лена пообещала мне никому не рассказывать. Сразу, по крайней мере. Если я так больше не буду и обязуюсь вести себя хорошо.

В общем, попал я (или меня подвесили) на крючок. Зная Ленин характер, в любой момент можно было ожидать разоблачения. Это угнетало, конечно. Между нами пробежала еще одна черная кошка.

Ещё одна…

А их уже было несколько. Не сосчитать.

Перед свадьбой, за несколько дней до неё она вдруг заявила, что передумала, свадьбы не будет. А уже всё было организовано, куплено… И ничего, как говорится, не предвещало…

Я тогда дико вспылил. Что для меня вовсе не характерно. Разбил вдребезги любимый бокал, подаренный матерью. Выбежал из квартиры, это было у меня на Тихорецком проспекте. Час бродил по

улицам, вокруг дома. Вернулся. Лена ждала. Сказала, что всё нормально. Свадьбе – быть!

Но нервы то не железные…

Через несколько месяцев после свадьбы мы отмечали 7-ое ноября у Левитских, Лениной сестры Наташи и Володи, её мужа. Было много народу. Не помню, с чего началось, но в какой-то момент Лена залезла у открытой форточки на табуретку и крикнула, что сейчас выбросит обручальное кольцо. На улицу. Громко, несколько раз, в какой-то чудовищной экзальтации. Народ замер, перестал танцевать, пить и закусывать, музыка смолкла, все бросились отговаривать Лену. Человек 15. Я попробовал подойти.

- Не подходи! - закричала она. – Брошу!

Но я, конечно, стал подходить. И Лена, размахнувшись, со всей силы выбросило кольцо в форточку. Обручальное. Золотое.

Квартира была на 2-ом этаже. Левитские жили в 2-х комнатах коммуналки. Напротив Металлического завода. Все высыпали на улицу. Прямо под окнами огромная лужа, как выяснилось, глубиной по колено. Шел дождь. Было холодно, ветрено. Все, как могли, искали. Я, сняв ботинки, залез в лужу, бродил, пытаясь что-то нащупать. Но среди грязи, кусков щебенки, листьев и веток, понятно кольцо было не найти.

В Новый год, наступающий 79-ый, после свадьбы через пол года, Лена от меня убежала. Выпили мы прилично и по какому-то поводу стали ссориться. Не припомню, чтобы я был инициатором ссор. Обычно Лену что-нибудь не устраивало. В частности, по её словам, я её мало любил. И не так, как ей хотелось. Мало уделял ей внимания. Речь не о физиологии, здесь как раз всё было нормально, о составляющей чисто духовной между мужчиной и женщиной. Да, наверное, в чем-то я был виноват. Поэты не такие, как все. Но и я не чувствовал полной искренности.

В общем, Лена сбежала. Я бросился за нею, обыскал весь район – Тихорецкий, вокруг него, до её дома на Гражданском проспекте. Искал до утра – не нашёл. Исчезла!

Объявилась только во второй половине 1-ого числа. В грязной, разорванной одежде. Рассказывала потом сбивчиво, со слезами. Двое мужчин предложили ей продолжить праздник у них на квартире. Еще выпили. Дальше она плохо помнит. Но ничего хорошего не было! Это понятно.

Такие вещи забыть невозможно.
Были и еще случаи.

Квартира Лены с родителями находилась в полуразваленном состоянии. Небольшая двушка в хрущевке, первый этаж. Сантехника подтекала, на дверях туалета и ванны крючки давно сорваны. Их я повесил, конечно. Новые. Посуда, буквально вся, с толстым слоем копоти, жира, обои местами оторваны напрочь. Двери в комнаты перекошены, закрывались плохо. И всё в таком духе.

Я к этому не привык совершенно. Мы с матерью жили не богато, но чисто было везде и всегда. А здесь… никому не было дела.

Владимир Георгиевич, кандидат технических наук, во ВТУЗЕ занимался какой-то робототехникой. На кафедре. Так я и не узнал, какой именно робототехникой и на какой кафедре за все время нашего супружества с Леной.

Нина Евгеньевна, Ленина мать не работала. Не могу сказать, чем она занималась. Когда-то закончила ЛГУ. Какое-то время, вроде, работала в библиотеке. Недолго. И всё.

По семейным преданиям (честно сказать, я их уже плохо помню, да и никогда много об этом не говорили) её отец погиб в Гражданской войне. Два его брата стали академиками Новожиловыми. Если не ошибаюсь с фамилиями. Академиками точно. А третий брат отца Нины Евгеньевны эмигрировал за границу и стал известным музыкантом.

Однако никакие родственные связи, когда я познакомился с Леной, давно уже не поддерживались.

Нина Евгеньевна была человеком странным. Например, вырезала себя из всех наших свадебных фотографий. Сразу же после свадьбы. Совершенно для нас неожиданно. О себе была самого высокого мнения. За исключением внешнего вида, по возрасту. В доме ощущала себя генералиссимусом, так и называл её муж, Владимир Георгиевич, находившийся в полном ее подчинении. Без ума от жены, готов был ради неё на всё, выполнял малейшие её пожелания. Честно сказать, не знаю какие, потому что, повторюсь, в квартире был полный развал, жили они небогато и ничего им не было нужно.

Разве что летом дачу снимали, какой-нибудь самый дешевый сарай. Долго и тщательно выискивая его в пригородах Ленинграда все выходные весной, с марта по май.

Понятно, как трудно жить вместе в квартире, комнатах вплотную, с малюсеньким коридором и кухней пять метров.

Мы почти не здоровались. После нескольких разговоров при первичном налаживании общежития, в дальнейшем, завидев меня, Нина Евгеньевна шмыгала в свою комнату, прикрывая за собой дверь. Владимир Георгиевич что-то недовольно бурчал неразборчивое.

В самые лучшие времена, когда Лена вынашивала и потом родила, а я заработал приличные деньг в Малошуйке 1, Нина Евгеньевна стала ко мне несколько благоволить. Однажды даже предложила совместное творчество. Конкретно показала несколько листочков, мелко исписанных и предложила, чтобы я переводил её прозу в стихи.

Никогда ничем подобным не занимался. Я и свои-то писал совершенно спонтанно, никаких планов не составляя. Просто записывал, когда «снисходило»…

Попросил посмотреть. Прочел, не нашел ничего близкого. И вообще интересного ничего не нашел. Было что-то написано ни о чем.

Я отказал в мягкой форме. Она страшно обиделась. Как?! Не осознал чести! Это правда, не осознал.

И потом мы опять практически не разговаривали.

Я что-то делал в квартире по мелочам, но времени за учебой, работой катастрофически не хватало. Да и не чувствовал я эту квартиру своей. Естественно.

В нашей комнате настоял поклеить новые обои, покрасить окна и батареи. Мы с Леной сделали это. С новым телевизором, новым диваном, обоями получилось уютное гнёздышко.

08.1979 Курковицы. Совхоз

Курковицы. Сергей Шевченко, Виталий Иванов

16.08.79 г.

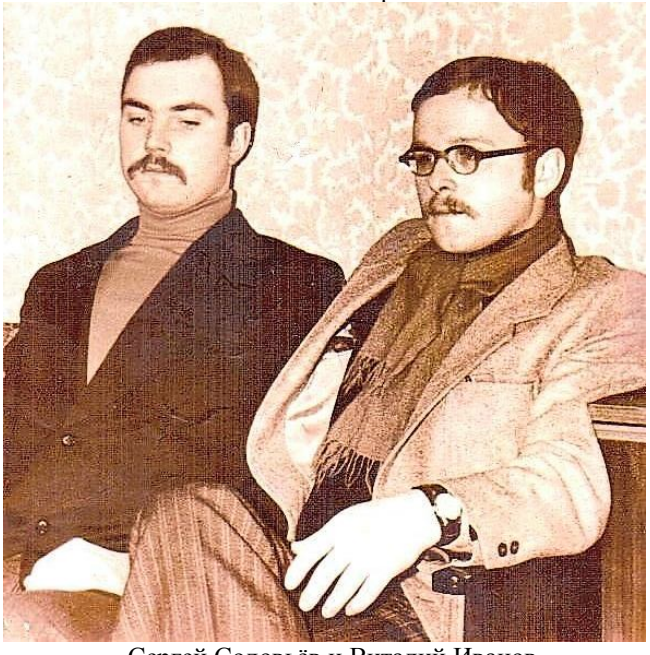
Курковицы. Ленинградская область.

В конце августа, после второй Малошуйки направили нас от ВТУЗа в совхоз. На месяц. До этого, после покупки дивана и «раскрытия моего преступления» - получения денег за работу в шабашке, Лена непрерывно трепала мне нервы, грозя в любой момент рассказать всё ребятам. Многих она хорошо уже знала.

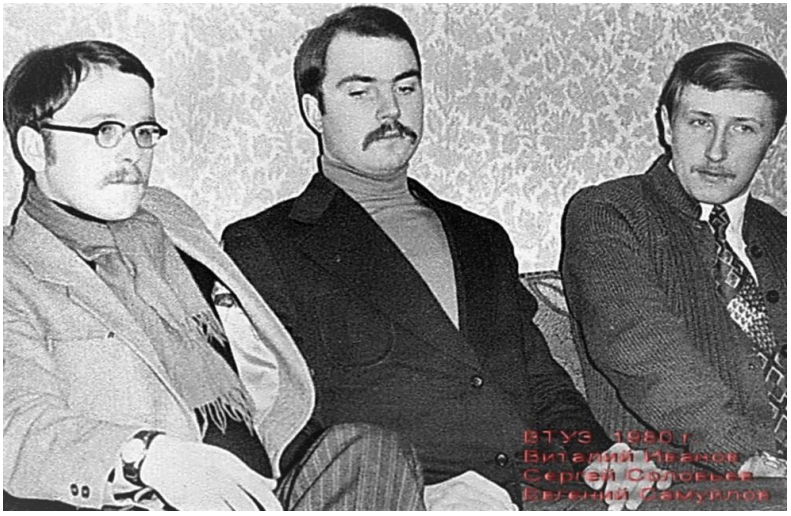
Её подруга, рыжеволосая, яркая, на пару лет младше Лены, Марина Шапот сошлась с Сергеем Самойловым, Сергеем Евгеньичем, как мы его звали. Во ВТУЗ он пришел после армии, учился в параллельной группе, но ездил с нами в шабашки, где мы близко сошлись. Это был человек с уникальным чувством юмора, аурою юмориста. Любая его фраза непроизвольно вызывала улыбки и смех. Кроме того, он прекрасно играл на гитаре и пел. Душа коллектива.

(Вспомнилось здесь почему-то. Сергей, после свадьбы, жаловался мне, что Марина любит голой ходить по квартире. Для меня это было неожиданное признание. Совершенно непохожее на всегда жизнерадостного Сергея.)

Елена Иванова и Марина Шапот



Сергей Соловьёв и Виталий Иванов



Виталий Иванов, Сергей Соловьёв и Сергей Самойлов

Еще встречались с Шурой Изотовым. Красивый парень с тонким блоковским не только профилем, но и фасом. Высокий, стройный, подтянутый. Коронная фраза: «Твой номер – шестнадцатый!» (или «Его номер…», по обстоятельствам) Тоже хорошо играл на гитаре и пел.

Жена его или сожительница, что, вероятно, точнее, - уже после ВТУЗа с ней познакомился, - тоже пела. Изумительной красоты, чистым ангельским голосом песни Аркадия Северного, о котором до того я вообще ничего не знал. Запомнилась особенно песня «*Дождь притаился за окном…*»

О наших песнях расскажу, пожалуй, в отдельной, следующей главе.

Продолжу воспоминания.

Конечно, Лена знала и Сергея Соловьева, Жестокого.

С другими ребятами из нашей группы, а также шабашек Лена тоже была знакома.

И вот она постоянно грозилась, что позвонит, прежде всего, Сергею Евгеньевичу, и расскажет «всю правду». Надо сказать, это доставало весьма. Но что-то возразить было опасно и трудно.

В такой обстановке недели через три после приезда из Малошуйки я был направлен в совхоз. Не помню, как это случилось, ведь учеба и работа не начинались еще, но я отказываться не стал.

И не принято тогда было отказываться.

Знакомых в совхозе оказалось по пальцам одной руки сосчитать. Было неимоверно скучно. Играть, пить и даже шутить было практически не с кем. Такая странная команда подобралась – с ЛМЗ и нескольких других организаций.

Поэтому я познакомился с девушкой. На танцах. Совершенно обычная, не красавица, оказалась приезжей. Работала в другой какой-то организации, а может, училась, не помню.

Мы несколько раз гуляли по вечерам. Я читал ей стихи. Она слушала. Предлагал искать сеновал, она только смеялась. Конечно, сил было невпроворот в эти-то годы. Но ничего серьезного у нас не было. Несколько раз поцеловались и всё. К большему она не стремилась.

Тем не менее, мне, понятно, хотелось чего-то серьёзнее. Получилось так, что уезжали мы в один день, и на одном автобусе даже. Я напросился ее провожать, категорически отметая все возражения. И в результате, купив немного вина, мы оказались у неё в общежитии. В многоэтажке на седьмом этаже. При входе вахтерша не преминула сказать, что допускаются посетители только до 21-ого часа.

Мы чудесно сидели, я читал стихи, что-то рассказывал. И вдруг в комнату, где мы были одни, постучали. Оказалось, что уже девять, пора уходить. Аргументы, возражения не принимались. Пришлось уйти.

Не знаю, как девушка, но я был сильно расстроен… мягко сказать!

И ведь как в песне поётся? «Если я чего решил, то выпью обязательно!» К тому же домой ехать было поздно уже. Мою задержку не поняли бы, да и не хотелось совершенно в этот момент домой.

Короче. Я стал искать пути взятия крепости.

Это была точечная девятиэтажка. Окна первого этажа зарешечены. Пришла в голову мысль найти длинную доску и дотянуться до пожарной лестницы, идущей по внешней стороне дома.

На поиски ушло часа два. Понятно, еще и бутылки вина.

Вино я достал. Сложнее оказалось с доской. Но в результате в каком-то дворике за пару километров от общежития я таки нашел подходящую скамейку. Длинную, её должно было хватить! И вот я ее притащил. Такова была сила желания! Поднял почти вертикально,

прислонил к металлической лестнице, она была метра три от земли. И смог, не с первого, конечно, раза забраться! С рюкзаком за плечами.

А дальше было всё просто. Поднялся до седьмого этажа, постучал в чье-то окно. Оказалась комната девушек. И они меня, конечно, впустили! После того, как я им всё объяснил. Силу желания, необходимость, любовь с первого взгляда.

Мне подсказали комнату, и я быстро нашел свою девушку.

Потом… понятно, что было потом. Подвиг мой оценили.

Но я быстро заснул, потратив все-таки порядочно сил. А рано утром тем же путем, по пожарной лестнице пришлось уходить. Скамейки, не было, конечно, уже. Бросил рюкзак, спрыгнул.

Поехал домой.

Лене сказал, что пришлось на день задержаться в совхозе. Она не очень-то верила. Но в этот раз я твердо держался, врать не люблю без крайней необходимости, но тут вот пришлось…

С девушкой той мы больше не виделись. Координат я не брал. Да и не хотелось уже больше встречаться. Это было не моё все-таки.

И она мне не позвонила…

1979 ВТУЗ. Наши песни

Во ВТУЗе. Наша группа: Ра Абакумов, Шура Никишкин, Виталий Иванов, …, …, Сергей Соловьёв, Шура Изотов. Сергей Самойлов с гитарой.

Малошуйка 1. Верхний ряд: Шура Смирнов, Самойлов Сергей, Шура Изотов, … Внизу: Юра Иванов, Володя Васильев, …

Пела Галя (если в имени не ошибаюсь), подруга Шуры Изотова. Гражданская жена.

Мы виделись 2 или 3 раза, больше 35-ти лет назад.

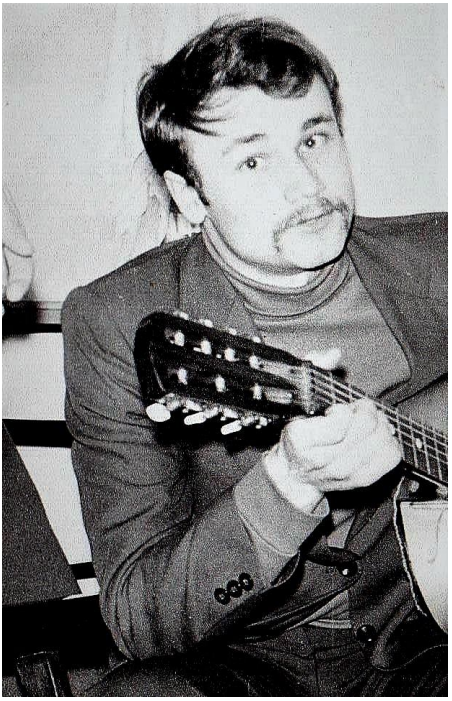
Дождь притаился за окном,
Туман поссорился с дождем
И беспробудный вечер,
И беспробудный вечер.
О чем-то дальнем, неземном,
О чем-то близком и родном,
Сгорая, плачут свечи.

Казалось, плакать им о чем?
Мы очень праведно живем.
Но иногда под вечер,
Но иногда под вечер...
Мы вдруг садимся за рояль,
Снимаем с клавишей вуаль
И зажигаем свечи.

И свечи плачут за людей,
То тихо плачут, то сильней.
И осушить горючих слез
Они не успевают,
И очень важно для меня,
Что не боится воск огня,
Что свечи тают для меня...
Так тихо тают.

Теперь уже только выяснил, это **«Баллада о свечах», написанная Александром Лобановским. Исполнял Аркадий Северный**

Боря Головкин, единственный из нас малопьющий, тоже пел и играл. Крепкий, спортивного телосложения.



Вспомню здесь нашу, можно сказать, отрядную песню, которую исполняли все, каждый по-своему. И пели все вместе, в обоих Малошуйках и ВТУЗе.

Пора в дорогу старина - подъем пропет,
Ведь ты же сам мечтал услышать, старина,
Как на заре стучатся волны в парапет,
И чуть звенит бакштаг, как первая струна.

Припев:
Дожди размоют отпечатки наших кед,
Загородит дорогу горная стена,
Но мы пройдем, и грянут волны в парапет,
И чуть звенит бакштаг, как первая струна.

Послушай, парень, ты берешь не нужный груз,
Ты слишком долго с ней прощался у дверей,
Чужими делает людей слепая грусть,
И повернуть обратно хочется скорей.

Припев:
Пойми старик, ты безразличен ей давно,
Пойми старик, она прощалась не с тобой.
Пойми старик, ей абсолютно все равно,
Что шум приемников, что утренний прибой.

А если трудно разом все перечеркнуть,
Давай разделим пополам твою печаль,
И я когда-то в первый раз пускался в путь,
И все прощался и не мог сказать прощай.

Припев:
Ну, что ж, пора, уже кончается рассвет,
Ведь ты же сам мечтал увидеть старина,
Как на заре стучатся волны в парапет,
И чуть звенит бакштаг, как первая струна.

Слова и музыка В. Ланцберга

Случалось, и я исполнял любимое, услышанное в школе еще. Негромко, в пол голоса. А чаще, про себя повторял.

Твои глаза подобны морю.
Я ни о чем с тобой не говорю,
Я в них гляжу с надеждою и болью,
Пытаясь угадать судьбу свою.

В них движутся лучи и тени.
Чем глубже в них - тем тише и темней.
В них силуэты зыбкие растений
И мачты затонувших кораблей.

Я знаю все, я не обманут,
Я ничего хорошего не жду.
Пусть мой корабль туда еще не втянут,
Я сам его на камни поведу.

И все страдания, и муки
Благословлю я в свой последний час.
И я умру, умру, раскинув руки,
На темном дне твоих зеленых глаз.

Музыка Бориса Полоскина
По стихам А. Саджая в пер. Е. Евтушенко, 1959
исп. Евгений Никитин

Тоже теперь только, при записи воспоминаний полюбопытствовал.

И еще две любимые песни. Сегодня они не слышны. И тогда не так часто можно было услышать. Такие вещи по радио и ТВ почему-то не исполнялись – ни-ког-да. А зря! Именно они брали за душу. И, может быть, разительное противоречие между блестящей мишурой публичной бездуховности и настоящим, любимым и вызывало глубокие внутренние протесты. У лучших людей, чувствующих живое, реального нашего потенциала страны, моей Родины. И почти все они умерли! И, может быть, потому что их любимые песни были чуть ли не под запретом! Выхолостить и предать забвению – вот политика. Так?

Не это ли одно из конкретных воплощений «плана Даллеса»? Подменить народную бардовскую культуру перьями Киркорова и скандалами Пугачёвой!

Подари на прощание мне билет
На поезд, идущий куда-нибудь.
Подари на прощание мне билет
На поезд, идущий куда-нибудь.
А мне всё равно, куда и зачем,
Лишь бы отправиться в путь.
А мне всё равно, куда и зачем,
Лишь бы куда-нибудь...

Подари на прощание несколько слов,
Несколько теплых фраз.
А мне всё равно, какие они,
Ведь это ж в последний раз.
А мне всё равно, какие они,
Это в последний раз…

Не видеть ни глаз твоих, не губ,
Не знать твоего лица.
Не видеть ни глаз твоих, не губ,

Не знать твоего лица.
А мне всё равно, где Север, где Юг,
Это ведь без конца.
А мне всё равно, где Север, где Юг,
Это же без конца.

Но, если ты скажешь: Ты нужен, вернись.
Поезд замедлит бег.
Но, если ты скажешь: Ты нужен, вернись.
Поезд замедлит бег.
А мне всё равно, что ждёт впереди,
Твой бы услышать смех.
А мне всё равно, что ждёт впереди,
Твой бы лишь слышать смех.

Подари на прощание мне билет
На поезд, идущий куда-нибудь.
Подари на прощание мне билет
На поезд, идущий куда-нибудь.
А мне всё равно, куда и зачем,
Лишь бы отправиться в путь.
А мне всё равно, куда и зачем,
Лишь бы куда-нибудь...

И тоже, только теперь нашёл в Интернете. Предполагается, это **песня Якушевой и Галича**. А может, даже первоисточник – от негритянского автора Ленгстона Хьюза (1902 – 1967).

И, конечно, пели песни Визбора, Высоцкого, Кукина… И не только.

И еще одна песня.

Текст песни **Юрий Визбор — Курсант**
Посвящается П. Шкляруку

Не пожелай ни дождика, ни снега,
А пожелай, чтоб было нам светло.
В полглобуса локаторное небо,
Полмира проплывает под крылом.
Плывут леса и города,

А вы куда? Ребята, вы куда?
А хоть куда, а хоть в десант.
Такое звание - курсант,
А хоть куда, а хоть в десант.
Такое звание - курсант.

И рассекая синее пространство,
Пересекая желтый свет луны,
Выходят на задание курсанты,
Летающие парни, летуны.
Мигнет далекая звезда,
А вы куда? Ребята, вы куда?
А хоть куда, а хоть в десант.
Такое звание - курсант,
А хоть куда, а хоть в десант.
Такое звание - курсант.

И никому об этом не расскажешь,
Как ветры гимнастерку теребят,
Как двигатель взревает на форсаже,
Отталкивая землю от себя,
Плывут леса и города,
И города, и города...
. . . . . .

1966

09.1979 – 06.1980 От Курковиц до Воркуты

Этот год пролетел незаметно. Первую половину – учился. Дома – маленький ребенок. Хлопоты. Саша часто плакала, много приходилось носить на руках. На руках успокаивалась, положишь кричит. Ночами всё то же самое.

Лена практически безвыходно дома. С ее жаждой общения, энергетикой, не имеющей выхода, возникали взрывоопасные потенциалы. И они порой прорывались. Слава богу, в это время мы не пили почти.

Вспомнить практически нечего.

Разве что, однажды, поссорившись с Леной, оказался в центре города, не помню уж почему. С бутылкой портвейна. Залез под Эрмитажный мост Зимней канавки. Другое место, где можно было спокойно пить, не просматривалось. И там её выпил один. Были, наверное, мысли топиться. Но это была всё же больше игра. С самим собой. Видимо.

Не хотело во мне этого что-то, не ясное самому мне.

Через несколько дней после этого, оставшись один - Лены не было, я её отпустил, замаливая вину, и я её ждал, - сам собою написался мой первый рассказ «Жизнь – одна!».

Так сложилось, что рассказов у меня очень немного.

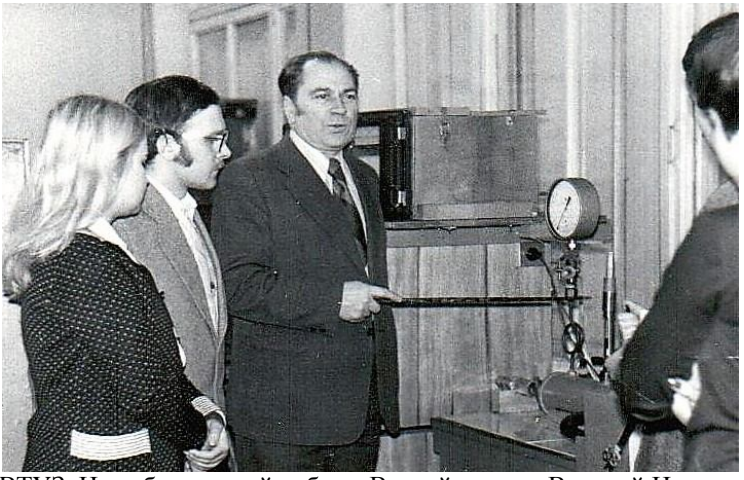
Осенью, когда был на дневном, во ВТУЗе на кафедре подрабатывал, делал расчеты. Получалось нормально, считал я всегда хорошо. Тем более, математическая подготовка физмеха. И платили неплохо, не меньше стипендии.

Второе полугодие четвертого курса учился и работал. Направили меня в ЛПТ, лабораторию паровых турбин при ПО ЛМЗ. Это была довольно странная часть Металлического завода. Я так и не понял, чем она занималась в те времена. На меня изначально не обращали внимания, студент и студент. Получалось так, что я мог оттуда сбегать в любое практически время. Не помню вообще, что я там делал, судя по всему, ничего. Мог вообще не приходить, и не приходил. Если когда вдруг спрашивали, отговаривался маленьким ребенком, собственно, так и было.

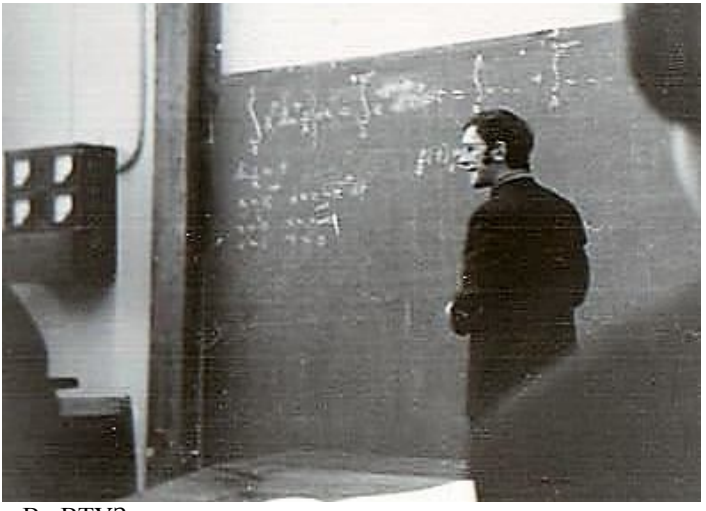
Не помню в ЛПТ ни одного человека. Какое-то странное, высотой в трехэтажный дом здание, внутри с высокими потолками, непонятным оборудованием, где никогда не было ни души. Кто-то офор-

мил мое поступление на работу, а через пол года дал справку о прохождении трудовой практики. Какую-то зарплату там получал, сколько – не помню, на удивление.

Еще припоминаю проходную на задворках завода, через которую можно было входить-выходить совершенно свободно в любое время. Хотя в других проходных был строгий режим.



ВТУЗ. На лабораторной работе. Второй слева – Виталий Иванов.



Во ВТУЗе.

Наша группа во ВТУЗе:

Первый ряд: Валера Васюков, Игорь Козлов.

Второй ряд: Сергей Шевченко, Юра Иванов, Шура Изотов, Шура Никишкин.

Третий ряд: (имен девушек не помню совсем, мало встречались), Юра Абакумов, …, Боря Головкин.

Верхний ряд: Виталий Иванов, Сергей Соловьев, Шура Смирнов, Миша.

Весной Лена неожиданно заболела, положили в больницу с высокой температурой. Видимо, сказались последствия аборта. «Криминального», сделанного в домашних условиях, с какими-то нарушениями.

На расстоянии любовь наша усиливалась. Когда были вместе, порой становилась невыносимой.

В обстановке очередного периода «невыносимой любви» в один июньский день, недели за две до отъезда в Воркуту, шабашку я заглянул по какому-то поводу к Левитским. Днем, увольняясь из ЛПТ или после каких-то дел во ВТУЗе, не важно.

В квартире была только Наташа. Стояла жара под 30 градусов, и она ходила в купальнике, очень открытом. Надо сказать, женщина она была очень эффектная, яркая брюнетка с прекрасной фигурой.

Слово за слово, она ходит передо мной, поворачивается, нагибается поднять или достать что-то… Как будто специально. Я не

удержался от комплиментов. Надо быть совершенно фригидным, чтобы не отреагировать. Сказал пару фраз, наверно, двусмысленных. Ничего больше не было. Никаких прикосновений, попыток, даже намеков агрессии. Наташа только двусмысленно улыбалась, однако давая понять, никакого продолжения невозможно

Я скоро ушел.

В тот же вечер всё рассказал Лене. Что зашел к Наташе, она ходила в купальнике, сделал пару комплиментов… посмеялись вместе.

Однако из этой мухи потом сделали большого слона, отвратительного огромного Муха.

Вспоминается любимая фраза Наташи. «Кругом одни сумасшедшие!»

Еще перед отъездом – может, в отместку? - Лена рассказала мне об одном недавнем случае с Серегой Немакиным. Который на неё совершенно запал. Мой друг! (Это, кстати, видно даже по свадебным фотографиям, он был у меня свидетелем. И уже тогда не слишком хорошо жил со своею супругой, подругою Лены. Ощущение, что он жалел о сделанном выборе. Правда, только теперь я обратил внимание, как он смотрит на фото. В сторону и сжав зубы).

Они выпили, у Сереги было. И он буквально стал приставать. А потом просто расстегнул штаны и показал все собственные достоинства. Лена брызнула со смеху. При мне тоже смеялась, рассказывая.

- Никогда, - говорит, - не видела маленького такого!

Откуда у нее опыт? – подумалось в некоторой растерянности.

- А Серега, - сказала, - обиделся и ушел.

Хорошая история! Перед отъездом… Да!

Вспомню еще высказывание Наташи и историю одну, случившуюся много позднее.

Наташа как-то сказала. Виталий обладает повышенным чувством собственного достоинства. И это настоящая правда, я сам именно так глубоко чувствую.

Помнится, правда, это было значительно позже, на свадьбе сына хозяина, Главного конструктора нашего КБ «Теплоэнергосервиса», я поцеловал ручку его молодой жене, совершенно незнакомой мне женщине. Порыв был странным, но совершенно естественным. Сва-

дьба, шикарная, проходила на трехмачтовом корабле-ресторане у набережной Невы.

Но это не помогло. Через год задолженность фирмы по зарплате, благодаря новому финансовому директору, этому сыну хозяина, Жене, составила 9 месяцев. Лично мне так и не заплатили 500 тысяч рублей. Тогда это было примерно 15 тысяч баксов.

Стыд за тот свой непонятный поцелуйный поступок жжет до сих пор. И всё больше…

Вот такие в характере противоречия.

09.1979 - 05.1980. Виталий Иванов. Стихи

* * *

Луну медлительные скрыли облака,
Уныло-тёмные, безвыходно-лиловые…
Как ты, любимая, сегодня далека -
Как звёздочка за тучами тяжёлыми!

Закрыто небо и темна земля.
Не ясно ничего на свете.
Так тихо, даже слышно – на ветвях
Во сне бормочет бедолага-ветер.

И мне заснуть давно уже пора.
Но я не сплю. И, верно, не засну я…
Во мне две звёздочки тихонько говорят
О женщине, которую люблю я!

Сентябрь 1979

Сердце во тьме

Нагая ночь. Живая пустота.
Голодная, как тигра, неизвестность.
Подкралась незаметно темнота
И разом проглотила всю окрестность…

Куда ступить? Большой ли сделать шаг?
Не потерять бы точку мне опоры!..
Вот так мгновенно обступает мрак
В минуту глупой, беспричинной ссоры.

Не вижу лиц любимых впереди…
И позади - лишь тусклые предметы.
Совсем один. И прячется в груди
В потёмках сердце… И боится света.

Сентябрь 1979

Несуществующий

Из глаз
повсюду
капает
свет.
Ведь жизнь - пуста,
и жизни-то – нет!
И бред,
он тихо -
капает,
капает…
Для чего
это всё?

Люблю,
люблю насмешить!
Для чего?
Для чего это – «жить»?
Испить бокал
не до дна -
Слаще
пьяного
сна!..

Плевать!
Везде - только ложь.
Умру
если я,-
ну и что ж?
Не надо
ни звёзд,
ни огня!
Всё фигня!
Нет меня!..
Без меня!

Октябрь 1979

Листок

Как тихо оторвался лист!
Спустился медленно на землю…
Вот так и я душою чист,
И жизнь, и смерть свою приемлю.

Октябрь 1979

Устроитель

Кивает пьяная Луна
Мне с неба пьяной головою.
Напьюсь сегодня допьяна
И что-то пьяное устрою!..

Октябрь 1979

* * *

Ты сказала: «У меня нет дома…» -
Это тоже мне немножечко знакомо…
Но зато у нас с тобой есть Сашка.
Счастья неуклюжего мордашка!
Глупым взрослым слёзам - промокашка!
Мы её накормим вкусной кашкой
У друзей, приятелей, знакомых…
Все ей рады, с ней везде мы – дома!..

Октябрь 1979

Непоследовательность

Мечтал я кусать твои губы,
С медвежьею силою брать...
И быть ненасытным и грубым!
А получалось... Лишь нежно обнять.

Октябрь 1979

Застольное поколение

Где же наши «друзья» и «любимые жёны» ?..
Наше время прошло, не начавшись, -
Чего же нам ждать?
И вперёд мы глядим,
Как глядят на стакан напряжённо:
Уж не хочется пить,
Но привычней и проще – «поднять» …

Ноябрь 1979

Воин любви

Меня ты научила лгать
И засыпать у края бездны,
Скрывать под панцирем железным
То, что хотелось бы отдать.

Ты научила жадно пить
Ласк неразбавленный напиток,
Искать не наслаждений - пыток
Любви… И счастья - не молить!

Ты научила танцевать
Простые чувства – дикий танец.
В любви неловкий новобранец,
Я научился воевать!

Ноябрь 1979

* * *

Читай страницу букваря
На букву «Я».
На остальные плюнь листы -
Они бездарны и пусты!

Ноябрь 1979

Приручённое сердце

Елене Митькиной

Когда-то ты жила
в обычном этом доме,
Но вовсе не похожем
на тысячи других.
Когда-то ты была
намного мне знакомее,
Дороже и знакомее
и близких и родных.

Когда на эту улицу
я прихожу, как в детство,
Забыв, что мне нельзя
ступить на твой порог,
Вдруг робко заволнуется
приручённое сердце:
Как будто мне
горит в окне
знакомый
огонёк!..

Тихорецкий проспект,
Декабрь 1979

Да…

- Я люблю тебя! Я люблю тебя! – мы с Леной в письмах повторяли, как заклинание. А на самом деле… я думал всё время о Лене Митькиной…

Правда, это были чисто поэтические волненья.

Времена любви

Я когда-то любил другую…
Только ты ревновать не смей!
Ведь ни капельки не ревнует
Месяц май голубой апрель.

Ты - мой май! Зеленеют ветки,
Хороводят в лугах цветы…
Майский свет - он настолько меткий,
Что в нём светишься только ты!

Ну, а если июнь поманит?
Значит, лета пришла пора.
Май чудесною сказкой станет,
Что случилась со мной вчера.

Ну, а если – июль, и август?..
Сколько месяцев ни листай,
Всё ж останется и да здравствует
Май любимый, единственный май!

Декабрь 1979

Новогодний подарок

Ах, как ясно, как остро
Светит месяц!
На него бы гирлянду
Золотую повесить…
А тебя бы повесить -
На эту гирлянду,
Непутёвую и окаянную.

Вот была бы игрушка! -
Новогодний подарок.

Декабрь 1979

* * *

Заглянула ты вчера печально
В глубину моих усталых глаз…
Мы однажды встретились случайно,
Потеряться хочется сейчас.

Декабрь 1979

Друг мой единственный

Мальчишка поэт, я считал себя гением,
Радовался этому, как не знаю, чему…
И был у меня друг - Серёга Есенин,
Единственный товарищ по сердцу и уму.

Года, как хищные кружатся птицы.
Я снова пью, неважно даже с кем,
И скоро различать чужие лица
Я разучусь, наверное, совсем…

И, отблевавшись розовой сивухой,
Опять кричу кому-то невпопад:
«Здорово, брат! Привет тебе, Сергуха!..
Да я тебе сердечно, парень, рад!..»

Голос

Пустынный мир… Пустыня позади.
И впереди – бескрайняя пустыня!
Куда идти?.. А слышу я: «Иди!» -
И не стоять же, правда, посредине?

Как мало в этой жизни знаю я!
Откуда шёл? Что сделал я доныне?
И кто зовёт настойчиво меня
Искать предел проклятой «середине»?

Январь 1980

Эпитафия на могильной плите

Жил-был в пространствах странный имярек.
Он делал только добрые дела.
В наш мир физических и нравственных калек
Его судьба обманом привела.

Не понял он случившейся беды.
Он со спасённой прилетел Звезды.
Но встретился с людьми… И вот -
Ещё один здесь идиот!

Февраль 1980

Душа города

Сегодня в городе холод и мрак…
Возьми меня и согрей!
Купи теплом меня, добрый чудак,
Навеки буду твоей.

Моя душа - хороша!
В аллеях она и парках.
А если ветер звенит в ушах
В пролёте под тёмной аркой,

И это я. Всегда и везде!..
По улицам города ночью
Огни горят… Ты видишь, где -
Мои озябшие очи!?..

Апрель 1980. Зимняя канавка

* * *

Я слышу стук каблучков
И думаю: она, не она? -
Вот развлечение для простачков,
Если вечером задерживается жена.

Май 1980

Колокола

Не знаю я, куда мне боль нести…
Но пепел долго не лежит у дома…
Мне всё равно, что будет на пути.
Все направленья равно не знакомы.

Уносят пепел вольные ветра.
Веди меня, заветная дорога,
Туда, где каждый вечер - до утра
Звонят, пока не дозвонятся Бога!..

Май 1980

Эти колокола звучали всё громче!

07-08.1980 Воркута. Шабашка

После второй Малошуйки стало ясно, еще раз туда ехать не стоит, и никто не хотел. К тому же у Жестокого были свои какие-то планы, которыми он не делился.

И я решил сам организовать шабашку. Представился случай. Кто-то вывел меня на человека, организующего целый кластер отрядов для работ в Воркуте. Этот командир командиров обещал предоставить работу, жилье, всё необходимое. То есть сам загодя обо всем договаривался с воркутинским начальством. За что ему по результатам работ каждый отряд должен был заплатить малую толику. Речь шла ориентировочно о ставке бойца.

Я без проблем набрал ребят. Из тех, кто уже ездил в Малошуйку, было немного. Валера Каминский, Самойлов Сергей. Сергей попросил взять в отряд товарища своего Федора. Попросился и Володя Левитский, который тоже двоих привлек. Своего друга Мишу, «полусумасшедшего запойного пьяницу», как его характеризовала Наташа жена Володи. И некоего своего троюродного брата, откуда-то взявшегося. Его никто раньше не знал, даже Наташа. А Михаила я до того пару раз видел, казалось, нормальный мужик. Набралось человек 16 – оптимальный состав. Всё шло хорошо.

Мне дали в Воркуте адрес, где мы должны были жить – в школе, это же было и место нашей работы - строительство спортивного зала.

Взяли билеты. Ехать надо было двое суток. По дороге, в поезде, понятно, народ вырвался из семьи, хотели все выпить. Я сказал, ладно. Но в Воркуте – будем работать!

И мы изрядно расслабились. Немного удивило поведение Володи Левитского. Он со мною не хотел разговаривать. А когда после первой ночи мы собрались в купе обсудить дальнейшую нашу работу, повел себя странно и даже весьма вызывающе. Я его таким никогда не видел. Чуть ли не поставил под сомнение статус мой командира. Я был в шоке. Но удалось разрулить ситуацию. Отнес это к тому, что Володя старше меня лет на восемь, остальных еще больше. Подумалось, обидно ему быть бойцом…

Но такие вопросы оговариваются заранее.

Потом в какой-то момент мы вышли с Сергеем Евгеньевичем покурить в тамбур. Выпившие уже очень прилично. И он вдруг начал меня пытать, что же все-таки было год назад в Малошуйке? Чем закончилось? Я отвечал, как обычно. А он мне - не вся это правда. Же-

стокий не все деньги раздал. Спрашиваю, откуда сведения? И он выложил мне, мол, Лена сказала.

Так!..

Хорошо! Отлично!!!

Пришлось, взяв с него слово никому не рассказывать, открыть толику правды, мол, действительно я получил небольшую сумму. Потому что мы с Сергеем Соловьевым задержались в Малошуйке еще на 16 дней в сравнении с остальными, закрывали наряды, жили черт знает в каких условиях, и было не сладко. Он стал настаивать – сколько? В отношении себя я назвал некоторую сумму, а сколько получил командир ответил - не знаю. Так и было, по сути.

Упирал на то, что нас всех подвели отъезжающие, мы с командиром получили что заработали. Остальные все – тоже. Не так уж и мало по вложенному труду. Типа, по три стипендии, отработав дай бог неделю.

Объяснились и пошли дальше пить.

Но я почувствовал возрастающее напряжение в отношениях.

На вторые сутки проснулись – тундра до горизонта, местами лежит снег. Между прочим, начало июля!

Прибыли в Воркуту. Нас встретили. Добрались без проблем до своей школы. Обустроились хорошо.

Но практически сразу выяснилось, с работой проблемы. Строительство спортзала надо было начинать с нулевого цикла. Был выкопан котлован под фундамент и в него свалена щебенка, Камазами – огромные кучи. Для начала, ее надо было разбрасывать и ровнять. Лопатами! Огромный объем. Я сразу понял, тут мы не заработаем ничего. Переброска куба – копейки, к тому же щебенка, лопатой ее не очень возьмешь. Тем не менее, на следующий день вышли все на работу. Расставил людей, оптимально, насколько возможно. Объяснил ситуацию, и сказал, буду искать дополнительные работы.

Виктор, командир командиров, пригласивший нас на работы и встретивший в Воркуте, как выяснилось, помочь ничем больше не мог. Я его уговорил выпить водки. Но это не помогло. В резерве у него никаких работ не было. Летом на заработки в Воркуту приехало много шабашек. Лучшие места были заняты. Мы поздно приехали.

Я стал один ходить по организациям, ЖКХ и прочее, всем подряд. Это продолжалось несколько дней. Ребята стали грустить, разравнивание щебенки двигалось слабо. И это понятно, нужны были не лопаты, а экскаватор с бульдозером. К тому же, выяснилось, завозить

бетонные блоки под фундамент и деревянный брус для стен вообще будут неизвестно когда. После нашего отъезда, не раньше.

Но мои походы увенчались успехом. Постепенно нашел и договорился дополнительно на несколько работ.

1. Изготовление утепляющих цоколей на одноэтажных домиках, построенных еще в 50-ые годы для ссыльных.

2. Восстановление, ремонт остекления совхозных теплиц.

3. Строительство одноэтажного дома, типа дачи.

На домик я поставил Сергея Евгеньевича с товарищем Федором. Он, как выяснилось, работал краснодеревщиком на мебельной фабрике и что-то смыслил в столярных работах. Владел инструментом. Плохо, что привык к тщательности и неспешности. А нам нужны были объемы и сроки.

На теплицы большие совхозные, высотой метров пять вызвался Михаил, друг Володи Левитского. У него оказался опыт стекольщика. Дело пошло довольно неплохо. Выделил ему пару бойцов, он быстро их научил.

Но самой перспективной работой показалась ремонт цоколей. Здесь были очень неплохие расценки. И я поставил на цоколя половину людей. Проблема была с подвозом материала. Досок и засыпки, шлака, который возили машинами. Но это удалось решить. И мы погнали.

На спортивном зале оставалось работать три, а то и два человека. Для прикрытия. В школе мы все-таки жили.

Еще в конце 40-х, начале 50-х на окраине Воркуты были построены деревянные щитовые барачные домики для выселенцев с Западной Украины, Молдавии, в чем-то провинившихся перед советской властью. Дома и тогда-то были не бог весть. А за 30 и более лет совсем стали разваливаться. Как выживали в них люди в 40-ка - 50-ти градусные морозы зимой я так и не понял. Рассказывали, что стены покрывались толстым слоем льда изнутри.

И вот добрая, сердобольная советская власть выделила средства для ремонта этих бараков. В частности обустройства метровой высоты ящиков, засыпаемых шлаком, от земли по периметру домика.

Что мы делали? По началу всё как положено. Ящик из новых досок, потом засыпали. Но скоро выяснилось, так много не сделаешь,

соответственно, не заработаешь. И я предложил способы повышения производительности труда.

Почти везде цоколя уже были, но старые. Часть досок сгнили, засыпка старая высыпалась. Мы стали менять только доски совсем гнилые, ломаные, а внутрь ящика класть доски под углом, уменьшая объем засыпки. Дело пошло, всё быстрей и быстрее.

Понятно, внимания старались не привлекать. Но находились жильцы дотошные, которым по понятным причинам такое дело не нравилось. Где-то мы переделывали. А некоторые прямо нам говорили, спасибо, что завезли материал - доски, засыпку, а сделаем лучше мы сами. И делали. Это тоже шло в нашу копилку.

Сегодня не совсем, конечно, удобно вспоминать о нашей халтуре. И людей жалко, тогда еще было жалко – как они будут зимовать дальше? Однако желание заработать преобладало.

Я решил рассказывать всё, как было, ничего не скрывая. Даже если рассказываемое, очевидно, говорит не в мою пользу.

Мне всегда хотелось быть честным и по большому счету я практически не обманывал, сознательно говорил неправду буквально раза два или три в жизни. И каждый раз мало того, неприятно, мне было буквально физически больно. И вот теперь, на склоне лет хочется рассказать всё, о чем не рассказывал раньше, потому что не спрашивали, не представлялась возможность, нужды не было… но и не только. Рассказать, как всё было там и тогда, где пришлось мне обманывать…

Как жили мы… на самом деле.

Не сомневаюсь, это кому-нибудь нужно. Вся правда. Если не людям, то небесам… Нашей земле.

И вот таким образом, прибивая одну или две свежих доски сверху к старому, сгнившему коробу цоколя и засыпая ящик лишь сверху, чуть-чуть, мы и зарабатывали наши «денежки». Как ласково называл их Сергей Евгеньич.

Где-то в середине срока работ, когда все еще было не ясно с нашими заработками, народ с явной инициативы Володи Левитского устроил мне что-то типа обструкции, чуть ли не окончательной.

Я, как правило, ходил по объектам, разбросанным друг от друга на порядочном расстоянии, договаривался по всем вопросам с заказчиками работ, искал новые, дополнительные, проверял ход работ, делал ценные указания, если это было необходимо (например, по цоколям). Покупал продукты. А если было время, то и готовил еду на всех.

Кстати, питались мы не как в Малошуйке одними макаронами на завтрак, обед и ужин с запахом тушенки. Я покупал нормальное мясо, печенку, овощи. Питались почти по-домашнему. Слава богу, продукты в магазинах Воркуты были, и мы не то чтобы шиковали, но и не слишком себя зажимали в питании.

Приходилось иногда делать замечания, подгонять народ. Сергей Евгеньевич с Федором не слишком усердствовали на строительстве домика. Зашел как-то, они распивают. Что, спрашиваю, сделано? По факту получалось, почти ничего. Пару досок прибили.

А вот, говорят, надо обдумать, как тут лучше положить брус. Пришлось объяснять, на раздумья времени нет. Если хотим заработать, надо гнать объемы работ.

Брат Володи Левитского и его друг Миша, Виталий Иванов

Брат Володи Левитского, оставленный на школьном спортивном зале. Как не зайдешь, сидит, курит, не делает ни черта. Я ему делал несколько раз замечания. А он мне вдруг говорит, все равно мы тут ничего не заработаем, какой смысл? Пришлось повышать голос, в резкой форме сказать, - если он так считает, может собирать свои вещи прямо сейчас и сматывать к чертовой матери из шабашки! Я редко разговариваю в таком тоне, но тут пришлось. Этот Володин брат таки уехал через несколько дней, и ладно.

И вот в такой обстановке, как-то вернувшись к вечеру со своих командирских дел, я обнаружил, народ, проводит нечто типа собрания. Без меня. За несколькими бутылками водки. Которые, кстати, как выяснилось, были взяты из нашего стратегического запаса, привезенного из Ленинграда, по моему распоряжению, 10 штук. Для закрытия нарядов, организационных мероприятий. Но были пока не востребованы, т.к. местное воркутинское начальство, на удивление, оказалось непьющим. Часть запаса была у меня, часть у бойцов. И вот…

Что это, спрашиваю, за дела? Почему не на работе? Откуда праздник?

А мне: мы твое поведение обсуждаем.

Выяснилось. Володя Левитский, который и организовал мероприятие, рассказал народу в ярких тонах, какие предложения я делал его жене. Какая я дрянь. Сергей Евгеньевич, со своей стороны, поделился о том, как мы кинули народ во второй Малошуйке, присвоив деньги с командиром себе. (!!!) Всю правду, которую я ему рассказал, взяв с него слово, народ не мутить. Добавил Валера Каминский, сказав, что и к его жене однажды я приставал. Честно, этого я припомнить не мог.

Ну, и, конечно, здесь в Воркуте я ничего не делаю, только болтаюсь где неизвестно и спрашиваю с других.

Надо сказать, харизмы руководителя у меня никогда не было. Мне неудобно людей напрягать. И я как бы чувствую, для меня это практически бесполезно, лишено глубинного смысла…

Но не буду здесь разводить философию.

Звучали и трезвые голоса, но они подавлялись более старшими, опытными и обиженными товарищами.

Я попробовал что-то сказать… Но Володя Левитский и еще некоторые бойцы были уже сильно пьяны. Такой злобы и пьяного ухмыляющегося эпатажа я не встречал по отношенью к себе. Еще не знал, почему и откуда он, что Володе всё рассказала Наташа. Приду-

мала. И вот Володя почувствовал сладость отмщения, полагая, вот он момент последнего моего унижения.

А я ничего не знал, и только мог удивляться. Увидел, спорить бессмысленно, и отошел в другой конец большой комнаты, где все мы располагались. Это был старый спортивный зал. Сел на свою кровать, достал тоже водки. Выпил грамм 300 и попытался заснуть. Поневоле слушая почти всё, что говорилось в мой адрес. С издевательским смехом.

Тем не менее, утром я попросил выйти всех на работу. Народ не возражал. Выяснилось, правда, что ко мне приставили надзирателя, проверять, правильно ли я всё делаю.

Им оказался Валера Каминский. Мой друг. Как я думал, ближайший.

И Валера дня три ходил за мной по конторам, бухгалтериям, всюду, где было нужно. Молча, ни в чем не участвуя. Надзирая,

Через три дня сказал ребятам, что я всё делаю правильно.

Дело шло уже к завершению нашей шабашки. Работы были налажены. Но оставаться, продлевать сроки никто не хотел или не мог. У Валеры, Володи Левитского заканчивались отпуска.

В последнюю неделю одна организация неожиданно предложила нам работы по расчистке дренажной канавы от квартала жилых домов, пятиэтажек за черту города. Длиной километра три.

Я сомневался, но решил рискнуть. На удивление, в этом поддержал меня Володя Левитский. Не помню уж почему. Он и стал командовать на канаве, взяв еще пару бойцов.

Канава, надо сказать, была сильно обвалена, в ней, видимо, для укрепления, давным-давно местами были вбиты деревянные сваи рядами, все было завалено упавшими деревьями и т.д. А расчищать ее надо было потому, что в эту канаву спускали канализацию и, так как она не работала, прямо рядом с жилыми домами образовалось зловонное озеро, немаленькое.

Получилось так, что за другими делами - я уже начинал закрывать наряды - на канаве не появлялся. Володю тоже не видел практически. А потом вдруг выяснилось, канава расчищена, озеро ушло, запах ещё есть, но уходит. И местные жители нам немеряно благодарны!

Оказалось, Левитский нашел экскаватор, подружился с экскаваторщиком, и они, сидя по очереди за рычагами, под немеряное ко-

личество водки, покупаемой Володей на свои деньги, прошли ковшом весь этот немаленький путь. И отступило зловоние!

Володя, вроде, даже ночевал в экскаваторе с экскаваторщиком.

Я предложил компенсировать потраченное на организацию работ из общественных средств. Но он отказался.

Эта работа оказалась очень удачной. Имея опыт закрытия нарядов в Малошуйке, попросив в ЖЭКе нормативы расценок по дренажным делам, я высосал из этой канавы гигантскую сумму, нарисовав совершенно фантастические наряды. В ЖЭКе сначала не поняли, увидев, что вынуты сотни, если не тысячи свай длиной до трех метров вручную и всё в таком роде, но… когда услышали благодарность жильцов, пошли нам навстречу. Наряды были подписаны!

Очень неплохо закрылись наряды по цоколям, где я тоже правильно посчитал. И по теплицам. Миша с ребятами, действительно, сделали очень не мало. Но количество замененных стекол было увеличено в несколько раз.

Мало получили за строительство, недостроенного, конечно же, домика. И копейки за нулевой цикл спортзала.

Но в сумме получилось очень неплохо. За месяц рублей по 800 каждому,

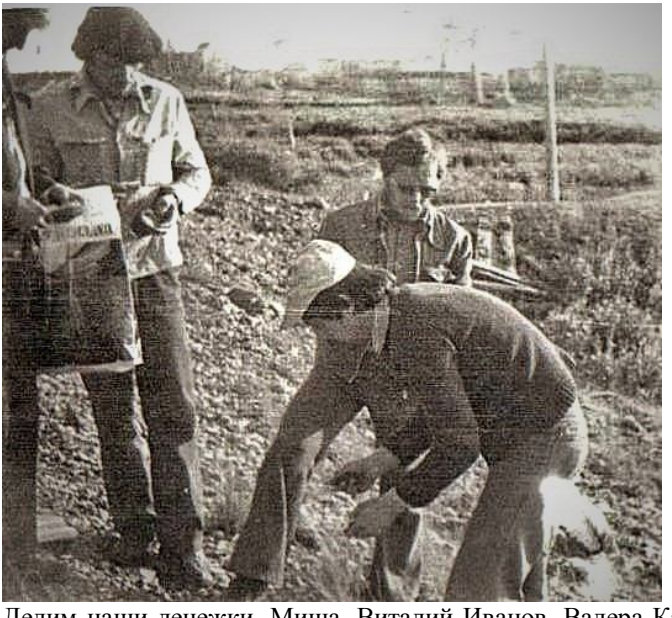
- Когда мы будем делить наши денежки?- спрашивал все время Сергей Евгеньевич.

И время пришло! Получать деньги пошли с Валерой Каминским. Ребята нас ждали недалеко от вокзала, у насыпи железнодорожной. И прямо на улице произвели расчет. Все получили поровну. Володя Левитский внёс предложение наложить на меня штраф или не платить мне вообще – из тех денег, что я принес! – но это предложение поддержано не было. Уехавшему Володиному брату посчитали по количеству отработанных дней.

Я предлагал пол ставки бойца выделить Виктору, благодаря которому мы здесь оказались, который нас разместил, правда, не предоставил работу. Это предложение не прошло тоже. В день отъезда Виктор появился, и у меня был неприятный с ним разговор. Сослался на мнение коллектива. По сути, действительно, платить ему было не за что. Хотя, как посмотреть. Я бы все-таки заплатил.

За несколько дней до отъезда я купил на всех билеты на самолет. Прямо до Ленинграда.

Сергей Евгеньевич, Виталий Иванов, Валера Каминский



Делим наши денежки. Миша, Виталий Иванов, Валера Каминский.

В последний вечер устроили шумную отвальную. Володя Левитский порывался меня побить. Подключился Миша. И они стали вдвоем на меня наседать. Все, конечно, и я тоже сильно выпившие.

Говорю, нечестно двое на одного. Меня поддержал коллектив, толпившийся вокруг нас. И Миша с Володей заспорили, кто же из них меня будет бить. Вроде, даже жребий кидали. Выпало Мише. И мы с ним сцепились. Я предложил все-таки без кулаков, а так, побороться. И мы с долго боролись с переменным успехом. Окончательной победы ни за кем не было. Он был довольно крепкий мужик, немного выше меня и постарше на несколько лет.

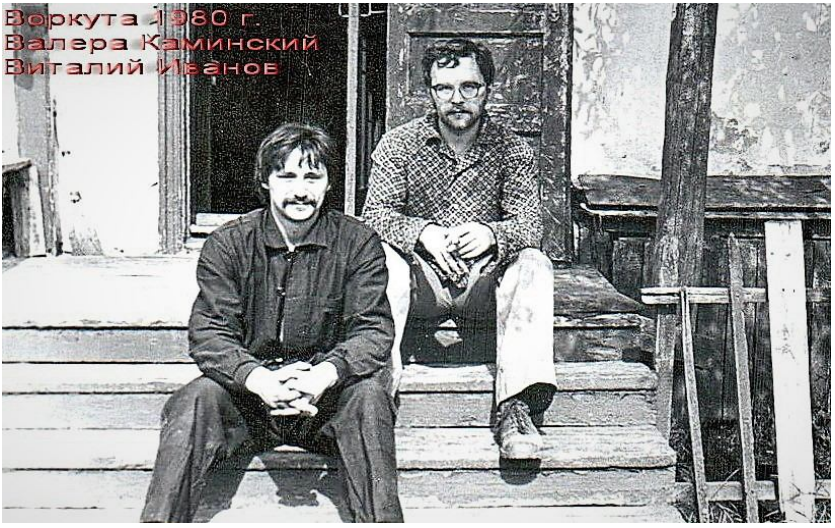
Но, в общем, закончилось без потерь.

Несколько человек искренне благодарили меня. Еще в Воркуте и, прилетев в Ленинград, при расставании. Для всех сумма была немаленькая. Из ребят тихих, не очень заметных в компании, но хорошо работавших, делавших своё дело, пришедших в шабашку не болтать, а работать.

Пожали руки, расстались.

Чуть не забыл рассказать. Работая на цоколях, познакомились и, можно сказать, подружились с семьей высланной из Молдавии после войны. Они давно прижились, обрусели на Севере. Очень добрые, гостеприимные люди. Мы пару раз с ними пили вино. Они сами нас угощали, потом мы их.

Слева 2-й Володя Левитский, 4-й Валера Каминский, 6-й Виталий Иванов



Валера Каминский и Виталий Иванов

Слева 2-й Володя Левитский, 4-й Виталий Иванов

На фото – с Валерой Каминским и Володей Левитским. Да, бывало и так. Самые светлые воспоминания. Люди не озлобились, жили с улыбкой и благодарностью миру за то немногое, что от него получали. Даже на советскую власть, вырвавшую их из теплого, благодатного края, их малой Родины они злобы не затаили. Это было удивительно!

В письмах проскальзывало, но скажу еще раз.

Володя Левитский на следующее лето поехал опять в Воркуту, по проторенному пути, уже командиром организованной им лично шабашки. Через месяц попросил Наташу, жену прислать деньги на обратную дорогу. Произошел полный провал.

Подробностей не знаю.

Не могу сказать, что я радовался. Но что-то нехорошее грело.

08.1980 Откровения после Воркуты

В Пулково меня никто не встречал. Приехал домой, к Лене на Гражданский проспект. Тоже никого не было.

После дороги, всех передряг я был еле живой. Залез в ванну под холодную воду. Помылся. Прошел час, другой, третий… никого нет. Родители Лены с Сашей на даче, понятно. Где она?

Наконец, зазвонил телефон. Сбивчивым голосом Лена сказала, сейчас приехать не может, срочные дела, потом всё объяснит. И повесила трубку.

Не помню уже сейчас, когда она появилась. Встреча была не радостной. Она мне опять стала пенять на историю с Наташей, её сестрой. Оправдания не помогали. Утром уехала и.. вернулась поздно вечером. Такая ситуация повторялась несколько дней, её или просто не было, или она звонила лишь изредка, повторяя, что потом всё объяснит.

Наконец, выяснилось, появились новые друзья, очень интересные люди, и у неё с ними какие-то общие дела. Появлялась Лена изрядно навеселе. Ну, этим нас не удивишь…

Настроение, понятно, было поганое. По всем направлениям полный провал. Но я, видимо, странный такой человек, не понимал до конца, что происходит. Или не хотел понимать.

Предложил Лене съездить на юг. Деньги были. Она как-то мялась, не соглашаясь и не отказываясь. Случайно выяснилось, что Валька, ее подруга новая, с которой она тоже познакомилась без меня, но я ее немного уже узнал, собирается с еще одной девушкой под Николаев, в Парутино на лиман. Они уже уезжали.

Говорю Лене, поехали с ними. И Валька тоже нас уговаривала, приезжайте, мы обустроимся и вас встретим. Лена не то и не сё. Говорю, как хочешь, беру два билета. И взял. Уезжать надо было через неделю.

Никаких близких отношений все эти дни у нас не было.

В один из этих несчастных дней я опять куковал дома один. Раздался телефонный звонок. Лена что-то стала мне говорить, снова задерживается. Но я почувствовал в ее голосе некую неуверенность. Говорю.

- Давай я приеду. Куда?

- Нет, не надо. Мы тут сидим…

- Давай, - говорю, - приеду! Давай! Познакомишь!

- Нет, это люди другого круга. – Что-то типа того. А сама, чувствую, сомневается. И голос редкостно трезвый.

- А я водки с собой привезу!

Она продолжала отнекиваться, но.. потом говорит.

- Спрошу.

И дальше.

- Ладно, - мол, - приезжай.

Назвала адрес на Петроградской.

Я взял четыре бутылки. Тогда еще не просто было достать, то есть купить. В магазинах ничего не было. Поймал такси и помчался. Мне открыл мужчина с бородкой, чуть повыше меня, крепкий, очень интеллигентного вида. С глазами умными и лукавыми, или чуть ироничными, но достаточно доброжелательными, без обид.

- Андрей. – Представился.

Это оказалась коммунальная квартира. У Андрея комната, но со своим туалетом и ванной, небольшой даже кухней, довольно просторная. С высоким потолком, с одной стороны комнаты было сделано что-то типа второго этажа - антресоли.

В комнате за столом с остатками какой-то еды, закуски сидели Лена и еще один товарищ лет тридцати.

- Гриша. – Представился он.

Тоже с бородой, темноволосый, курчавый, по виду сразу понятно, еврей. Но не это имело значение.

Я достал водки, и мы стали пить за знакомство.

Андрей и Гриша оказались сотрудниками Русского музея, несколько лет назад закончившими филологический факультет ЛГУ. Разговор шел непринужденный, веселый. С ними оказалось легко. В хорошей компании я тоже умею шутить. Так что все обхохочутся. Не знаю, не помню, над чем мы смеялись. Или над кем? Но мне казалось всё искренним.

Это были интересные ребята, рассказывали массу историй, коротко, весело. Они еще пели прекрасно. В особенности, Андрей - «Черного ворона».

«Черный ворон, что ты вьёшься
Над моею головой?
Ты добычи не добьёшься,
Чёрный ворон, я не твой!..»

Бархатный, тёплый голос с завораживающими интонациями. И всё так, между делом, непринуждённо.

Лена больше молчала. С удивлением разглядывая меня. А мне казалось, все мы на равных.

Когда водка кончилась, все изрядно были пьяны. Я предложил Лене ехать домой. Но она стала говорить, что у нее еще есть дела, а я

уезжал бы… Не помню сейчас, уговорил её или нет. Тем более потом много было подобных встреч и разных историй.

На следующий день мы опять встретились той же компанией. И так продолжалось несколько дней, у Андрея или в квартире Лены. Пили в основном за мой счет. Лена клялась, «они потом всё отдадут».

Подошел день отъезда на юг.

Мы типа праздновали отвальную, посошок на дорожку, еще посошок. Говорю, надо ехать, опаздываем. А Лена всё – рано, да рано. Подожди, посидим.

Дошло до того, что сорвался.

- Как хочешь, я еду! - Взял рюкзак и на выход. Догоняй, говорю.

- Да, - ответил Андрей, - мы догоним.

На Московском вокзале был за 10 минут до отхода поезда. Пьяный и злой до невозможности. Забросил вещи в купе и вышел на перрон курить. Лены нет, непроизвольно ищу глазами в сторону вокзала.

Проводник мне.

– Надо садиться, поезд отходит.

- Подождите, - говорю, - должен человек появиться.

А он мне.

- Садитесь, поезд отходит.

И действительно, поезд тронулся. Я зашел в тамбур. Выглядываю в открытую дверь.

Дверь, - говорит проводник,- надо закрыть.

И тут вижу, появляется Лена. Дикими глазами оглядываясь по сторонам, ищет.

- Я здесь! – кричу ей, - беги!

Она увидела меня и дернулась, побежала. Остановилась. Кричу ей.

- Беги! Быстрее беги!

Она побежала. Проводник, молодец, дверь не закрыл. Поезд уже набирал скорость. Но я протянул руку, и Лена в самый последний момент успела запрыгнуть в вагон. Буквально я ее подхватил и затащил на лету.

Это было нечто. Да.

Запрыгнула и забилась в истерике. Прямо в тамбуре. Я ее, как мог, успокаивал. А она порывалась выйти на ближайшей остановке. Твердила одно.

– Я предательница! Предала Андрея! Он ждёт в такси…

Слава богу, ближайшая остановка оказалась не скоро. Часа через три. К тому времени Лена немного уже успокоилась.

Ничего с собой у нее не было вообще…

08.1980 Виталий Иванов. Стихи

Когда тебя кто-то полюбит

На свете всё ясно - не ясно;
Привычно, а всмотришься – странно.
Жизнь кажется слишком напрасной,
Чтоб ей дорожить неустанно!

На свете всё просто – не просто;
Ничтожно - немыслимо сложно.
Не только далёкие звёзды -
Себя нам постичь невозможно!

Мы только обычные люди,
Но мы - всемогущие люди!
И жизнь ненапрасною будет,
Когда тебя кто-то полюбит.

А если мне что-то не ясно,
То это ведь вовсе не странно.
Обратное было б опасно -
Твержу я себе постоянно!

Август 1980

* * *

Осенний вечер грустно бродит в роще.
Ему я расскажу всё у пруда…
Тебя, любимая, я никогда не брошу,
Не отпущу из сердца никуда!

С костром прощальным заалевших клёнов
В холодном солнце хочется сгореть…
Бравурно марш играет похоронный
На пятки наступающая смерть.

Август 1980

* * *

Что происходит, мой условный друг?
Я вижу ясно, но не понимаю…
Мы точно в беличий попали круг,
В котором каждый душу поломает.

Остановиться, вырваться - нельзя.
В раздаче карты – пьянка и романы…
Нет дела разуму. А уши и глаза -
Любви незаживающие раны!

Август 1980

Умирает любовь

Мы все пред тобой виноваты…
Но я больше всех виноват! -
Не время, а кукла из ваты.
Не молодость, а листопад…

Летят помертвелые листья,
То наши надежды летят.
Как будто, сознание чистят…
Зачем? - не вернуться назад!

Что вспомним? Похмельную ломку?..
В какой-то кошмарной стране
Я был безнадёжно искомкан,
Любовь умирала во мне…

Август 1980

08.1980 Парутино

Добрались до Николаева. На вокзале нас встретила Валька. Я давал ей телеграмму о нашем приезде. Лена уже успокоилась, но держалась со мной отстраненно.

На автобусе доехали до Парутино. К тому времени денег у меня оставалось не так чтобы много, куда-то ушли. Или взял я с собою по минимуму. Но нам удалось договориться с хозяевами комнаты, которую Валька снимала с подругой. Это была немаленькая комната, нам дали матрасы, и мы расположились на полу. Заплатив минимальные деньги. Девушки были не против.

Место оказалось унылым. Делать в Парутино нечего совершенно. Есть тоже. В магазинах, не было практически ничего. В столовой кормили чем-то несъедобным совсем.

Днем ходили на лиман купаться в мутной, теплой воде, которая не охлаждала почти. К вечеру искали вино, с ним тоже были проблемы. Найти сложно. Тем не менее, это нам удавалось. С вином становилось несколько веселее, учитывая еще нашу молодость.

Лена к себе не подпускала, отговариваясь, что здесь неудобно. И действительно, спали мы в одной комнате, ходили везде вчетвером. По местам совершенно голым. Там практически ничего не росло.

Через несколько дней я предложил проверить, что находится в почти полной двадцатилитровой бутыли, которую заметил еще в первый день в нашей комнате под столом. Симпатичная бутыль была заполнена прозрачною жидкостью. С некоторым трудом открыл пробку, понюхал. По запаху в бутыли был чистый спирт. Так и оказалось потом, когда я попробовал.

Этот спирт скрасил наше бедное существование. Но заедать его было практически нечем. В магазинах не было колбасы, сыра, хлеба, мяса… честно сказать, не помню, что в них было на полках. Да и денег на вино еле хватало.

И я предложил пойти на охоту. Приведу здесь написанный раньше рассказ.

Опыты смерти

Когда-то, будучи еще студентами, весьма небогатыми, мы с женой и двумя ее подругами были на юге, под Николаевом. Очень хотелось есть. В магазинах ничего не было, а рядом в лимане плавали гуси… Большие стаи гусей.

Как-то само собой вызрело желание поохотиться. Набрали камней в подолы рубашек и платьев. Я зашел в воду и стал обходить гусей с тыла. А девушки готовились на берегу. Зашел так, чтобы гуси были между мною и берегом, и стал к нему прижимать гусей. Гуси оказались окружены, от меня - на расстоянии нескольких метров. Начал бросать камни и, наконец, подбил одного, подранил. Поплыл, поднырнул и поймал гуся за ноги, не без труда. Вытащил на берег… гусь, живой еще, вовсю трепыхался. Надо было добить. И совершенно не ясно – как?

Пришлось прибегнуть к каменному оружию. Положил голову гуся на камень, держал за шею. Женщины - за ноги. В другой руке поднял над головою еще один камень… и взглянул на гуся.

Никогда не забуду смотрящий на меня глаз. Ударил. И с первого раза практически не попал… так, потекла струйка крови. Немного. А гусь смотрит на меня глазом, красным, кровавым…

Удалось добить с третьего раза.

И потом он еще трепыхался, с раздробленной головой, мёртвый уже…

Пока ходил в магазин за портвейном, девушки ощипали теплое тело. Первый раз в жизни ощипывали.

Ничего. Захочешь есть, сообразишь - как. Даже будучи женщиной.

Шутка.

Я разжег костер, и мы наделали на прутиках шашлыков. Не стошнило – гусь пах застоявшейся водою лимана - видимо, только из-за портвейна, его было много. И гуся много. Мы даже его не доели… Оставшееся закопали там же, на берегу.

Однако на следующий день, когда мы пришли голодные… гусь уже сильно пах. Не только лиманом.

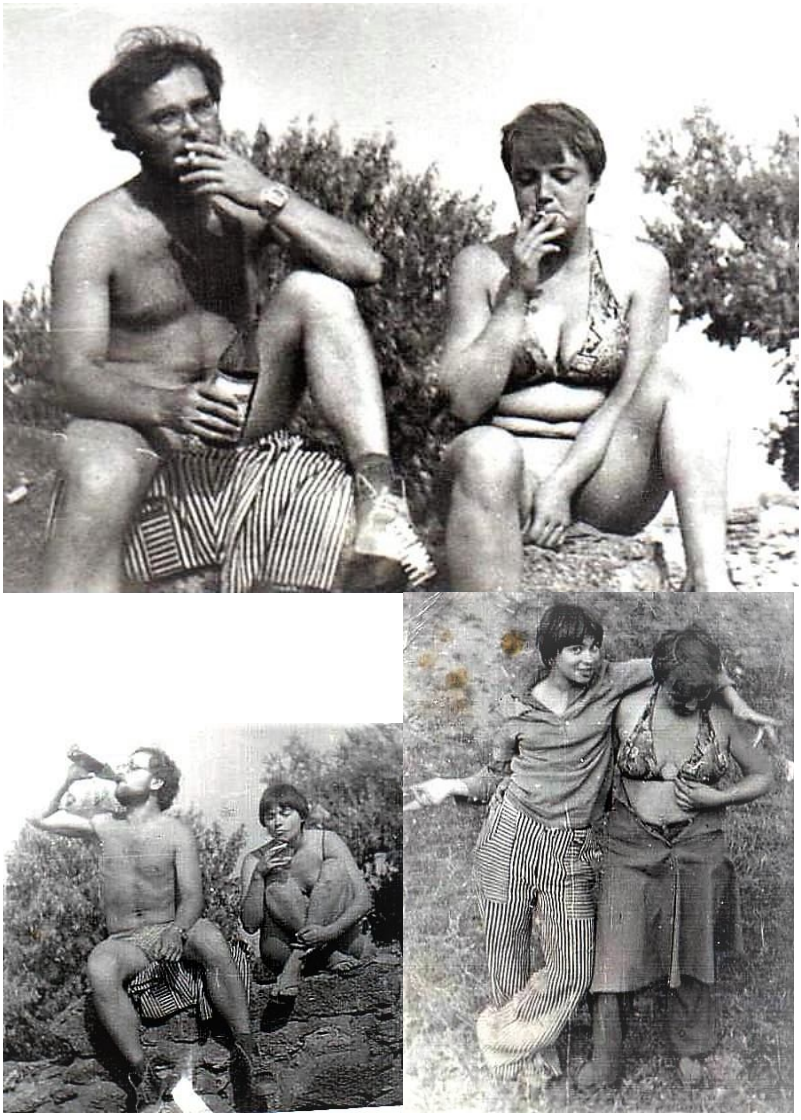
И тут нас стошнило.. бы. Было бы чем.

А красный глаз до сих пор видится мне, порой… по ночам. Гусь приходит ко мне…

Так в компании трех симпатичных девушек незаметно прошли две недели. Было несколько эротических моментов. Конечно, в такой компании, ночью и днем, я не мог обитать спокойно. Но ничего существенного не произошло.

Перед отъездом хозяева обнаружили, что в бутыли прозрачной жидкости осталось около трети. И мы еще доливали воды! Был небольшой скандал, но мы уехали и забыли.

Не интересное это место Парутино, но потом вспоминали его все-таки с радостью. В сравнении с последующими кошмарами.



Под г. Николаевым, Парутино. Лена, Валька и Виталий

09.1980 После Парутино

Вернусь к семейным делам.

После возвращения из Парутино Лена стала опять пропадать у Панкратова. Там оказалась большая компания. С которой и я познакомился постепенно.

Центром, вокруг которого всё вращалось, был Боря Довлатов. Родной брат Сергея Довлатова. По матери. Квартира его была тоже на Петроградской, ближе к реке Карповке по Каменноостровскому проспекту. А у Андрея Панкратова между метро Петроградской и Горьковской. Это были два основных места силы, притягивающих, если не всю пьющую, то очень значительную, интеллигентную часть Петроградского острова. И не только.

У Бори была жена Алёна (Сахарова) и дочь Юля. Когда познакомился с семьей Бори, Юля училась в младших классах, втором или третьем. Они потом подружились с моей дочкой Сашей.

Боря - легендарная личность. Кроме известного брата, где-то за год до нашего с Довлатовыми знакомства эмигрировавшего в Штаты и получившего уже некоторую известность даже и там, он был тоже

писателем. Одну его повесть вроде однажды даже опубликовали в журнале «Звезда». Или обещали публиковать.

Боря участвовал в съемках «Белого солнца пустыни», был вторым режиссером.

В квартирах Андрея и Бори, по сути, шла непрерывная пьянка. Прошло уже более 30-ти лет, многое смазалось и забылось, слилось в одно действо.

Из знаковых лиц помню Валеру Грубина, тоже филолог. Но еще и бывший штангист. Несмотря на постоянную пьянку, тело, будто, литое.

Это тот самый Грубин, о котором Сергей Довлатов рассказывает в изданных записных книжках «Соло на ундервуде», впервые опубликованных в 1980 году.

Ирина Сюзева. Её представляли как пианистку, входившую в первую десятку лучших пианистов России. Не знаю. При мне она никогда не играла, хотя одно время я частенько бывал у нее. Просил, конечно, сыграть, но она наотрез отказывалась, говоря, что не в форме.

Познакомились мы у Бори, но у него она редко бывала.

Гриша. Я у него однажды купил два кресла. И еще как-то однажды свитер, хороший, я его долго носил, из шерсти ангорской кошки, если не ошибаюсь. Деньги, понятно, были пропиты. Тут же. А покупал я лишь потому, что надоедало просто так ставить. Но такие покупки в семью были единичными случаями. Собственно, других не было.

Кроме как, по необходимости, через Борю с Аленой продал мамину коллекцию марок. Не маленькая коллекция, несколько тысяч, в основном дореволюционных. Нам тогда нужно было найти 1800 рублей на обмен однокомнатной квартиры на Тихорецком на двухкомнатную на Васильевском острове, Тучков переулок. Алена с Борей сказали, у них есть знакомый филателист. В результате, со скрипом, не сразу, я получил рублей 300. сколько было пропито, неизвестно. Деньги несколько помогли матери. Обмен устраивала и оплачивала она, за что я матери благодарен безмерно.

А Гриша.. как-то спросил у него, когда случайно остались вдвоем, ожидая товарищей с бормотухой из магазина, почему он так

пьет? Ничего не нашелся ответить филолог.. И больше о нем вспомнить нечего.

А теперь, я думаю, понял причины. В соответствии с последующими моими философскими разработками, это обыкновенный случай приведения личных возможностей к потребностям общества. В данном случае так же, как и в большинстве таких случаев, - бессознательный. Человек чувствует, потенциалы его никому не нужны, и их гасит. Например, алкоголем.

То же делали и мы все.

Мало кому повезло вырваться из этого ада. Не сгорев полностью.

Андрей Панкратов. Среди известного мне круга на Петроградской был первым филологом. Сколько помню, всё время говорилось, он пишет статью. В какое-то издание Русского музея или чего-то еще. Года через три, как утверждала Лена, которая помогала Андрею всем, чем могла, было написано страниц 20 совершенно уникального текса, который он никому не показывал, даже Лене.

Мне грустно шутить на эту тему. Понятно, статья была в нашей жизни совершенно не главным. Андрей обладал чудесным чувством юмора, исключительно был умен. Иногда мне казалось, не будь нашего треугольника, Андрей мог бы стать моим лучшим товарищем. Мы понимали друг друга без слов, а на слова реагировали похоже.

Родители Андрея жили на севере. Отец – капитан 1-ого ранга, командир большой атомной подводной лодки. Регулярно помогал Андрею материально. Купил квартиру, которую Андрей обменял на большую комнату в коммуналке. А потом второй раз, на еще меньшую комнату в коммуналке. Где и закончил свой путь, не проснувшись однажды. Деньги, естественно, шли на пропой.

Несколько раз лечился от алкоголизма. Подшивался. Как известно, после подшивки нельзя пить, смертельный исход. Но Андрей умудрялся постепенно, оперируя малыми дозами, подшивку рассасывать.

И вот после очередного курса лечения, отдохнувшего, в неплохой физической форме его и встретила Лена, случайно, в каком-то кафе, куда они зашли вместе с Валькой. С которой потом ездили мы в Парутино.

Андрей был исключительно эрудирован, начитан, весел и в разговоре легок до необыкновенности, внимателен, умел слушать и слы-

шать. Одни достоинства! К тому же в тот момент у него были деньги, которыми он всегда сыпал абсолютно легко.

И вот.. памятуя еще услышанное от старшей сестры, Наташи о муже, обо мне, то есть, Лена, решилась себе позволить поддаться очарованию филологии. Людей из сфер высших, молодых сотрудников Русского музея, казалось, полубогов.

Сейчас я, конечно, не помню всего, что мне Лена рассказывала. Чисто по-дружески. Когда мы не ссорились. И первый раз рассказала мне о Панкратове после Парутино, как они познакомились и их первую ночь, когда вместе легли. Это была середина сентября 1980-го года.

Рассказала в подробностях, включая интимные. Я был в шоке.. мягко сказать.

В сухом остатке остались стихи, написанные за эти несколько дней. Они приведены в 1-ой части Книги 2-ой «ИСПОВЕДЬ. Любить сильнее возможного».

И ещё несколько стихотворений – ниже.

10.1980 Виталий Иванов. Стихи

* * *

Жить не хочется…
Не потому, что жить надоело очень
Или болезнь точит,
Просто - не хочется!

Жить - не для кого.
Никому не нужны голова моя и душа.
Может быть, жизнь и хороша,
Да жить - не для кого…

Октябрь 1980

* * *

Что-то с психикой моей стало.
Пьянство, говорят, не излечимо.
Хочется женщину обнять устало:
Моё и точка, остальное – мимо!..

Мимо – стихи, карьера, слава,
Друзья, родные, дела, мечты…
Что со мною такое стало?
Одно желание - ты!

1980

Пустой

Я загораюсь от чужого огня,
А своим зажечь - не умею.
На любовь не хватает меня,
Ненавидеть - не смею…

И убываю с каждым днём,
Нигде и никому не нужен,
С ничем не занятым умом,
Душой, не вылезшей наружу…

Декабря 1980

09.1980-06.1981 Диплом

В Ленинграде у меня начался последний учебный год во ВТУЗе. Преддипломная практика и защита диплома.

Для абсолютного большинства студентов последнего курса практика проходила на ЛМЗ: в конструкторских бюро – инженером-конструктором или в цехах - мастером. Обычные дипломные работы. Единственное исключение сделали для меня. Надо сказать, несмотря на беспорядочный образ жизни, я неплохо учился. Экзамены в сессии сдавал на пятерки, получал повышенную стипендию. После физ-меха ЛПИ это давалось легко. Уровень требований здесь был существенно ниже. Теория, расчеты попроще. А у декана нашего турбиностроительного факультета, доктора наук, Сафонова Леонида Петровича, известнейшего в отрасли паровых турбин человека возникла идея защиты дипломов как научно-исследовательских работ. Обычно были только дипломные проекты.

Первый эксперимент решили провести на мне. И на практику направили в НПО ЦКТИ – Центральный котлотурбинный институт, отдел паровых турбин.

Почему нет?

На практику я почти не ходил. За полгода был несколько раз, никто мной не интересовался. Но зарплату получал по минимальной инженерной ставке. Рублей 90. А когда пришло время защищать диплом, соответственно, сдавать дипломную работу, пришлось подсуетиться и быстро скомпилировать нечто исследовательское. Мне, конечно, помог научный руководитель Сафонов Леонид Петрович. В основном добрым словом, уже на защите диплома. А по существу - курирующий сотрудник отдела, готовящий себе кандидатскую диссертацию. Часть её, более ста страниц, я и переписал, с графиками, картинками, чертежами. Чертежи и картинки – на дралоскопе скопировал через стекло. Это заняло некоторое, не критичное время. В общей сложности, наверно, неделю.

Весной благополучно защитился на 5 баллов. У комиссии были некоторые сомнения. Но после блестящей речи декана, доктора наук Леонида Петровича, чьей идеей и была исследовательская работа студента, у комиссии все сомненья отпали.

Распределили меня на работу в НПО ЦКТИ. По моему желанию, на заводе работать мне не хотелось. Хотя, наверное, сильно об этом я не задумывался.

Выяснилось к тому же, что в ЦКТИ начальниками отделов работали двое знакомых. Патентного – отец Валеры Каминского и метрологического – дядя Володя. Родственник, сын сестры моего дедушки, тети Люси.

Но это ни тогда, ни потом не имело реально значения. Однако несколько согревало.

Расскажу здесь коротко то, что знаю об их судьбе, что касалось меня.

Валерин отец, начальник патентного отдела через несколько лет умер. Я был у него на похоронах, пригласил Валера Каминский. Рассказал мне некоторые подробности жизни отца. Сам Валера еще в студенческие годы заработал на кооперативную трехкомнатную квартиру, хорошую, на Богатырском проспекте. И жил от родителей отдельно. А мать с отцом тоже в трехкомнатной квартире в начале Гражданского проспекта, в точечной девятиэтажке. Где мы играли не раз. В преферанс, гусарика и деберц.

Не буду расписывать, приведу стихотворение, написанное после рассказа Валеры. Правда, не сразу. Оно о его отце.

Шансон одинокого хроника

«Захлебнуться бы в пьяном угаре,
Мой последний, единственный друг.»
Сергей Есенин

Это, верно, предел желаний –
Так мы жили, и все умрут.
Наглотался какой-то дряни
Мой последний, единственный друг.

Я не знаю, с кем пил он, зараза,
Только мне с ним уж больше не пить.
Лишь ночами в бачке унитаза *)
Одиночества шкалик ловить.

Выйду ночью, запрусь в туалете…
Спит жена, дети спят… А я
Разложу на стульчак на газете
Свои радости бытия…

_____

*) Некоторые прячут бутылку водки в смывном бачке унитаза. **)

**) Просьба не путать ЛГ с автором.

А мой дядя однажды, тоже через несколько лет после начала моей работы в ЦКТИ, не вернулся с зимней рыбалки на Финском заливе. Его искали несколько дней и потом, когда сошел лёд. Не нашли.

09.1980-06.1981 Зима. Парголово

И вот начались самые сложные годы жизни моей.

Лена то уходила к Панкратову, то возвращалась ко мне. Когда терпеть пьянку было невозможно уже совершенно, Панкратоф был совсем никакой, родители приезжали и клали его в больницу, Лена возвращалась ко мне. А когда Андрея подлечивали немного и отпускали, к нему.

Это несколько упрощенная схема, но в целом было примерно так.

Где-то в октябре-ноябре мы решили с Леной соединиться, и я снял комнату в Парголово. Малюсенькую, 9 метров. Пол часа от автобусной остановки, тогда вообще трудно найти было комнату, а может, я не знал где искать. Мне кто-то подсказал - на Светлановской площади. Ездил туда несколько раз и нашел, наконец, договорился. С деньгами, понятно, было не очень, что тоже имело значение.

И вот втроем с Леной и Сашей мы обосновались на зиму в этой комнатке, где кроме нашей узкой кровати и Сашкиной кроватки, был маленький столик и шкафчик. Всё. Пол метра на метр, где можно было стоять. Один стул. Деревянный одноэтажный домик с котлом, было тепло. Это да.

Снимались еще две комнаты. В одной жил Володя, я о нем расскажу. В другой неизвестная нам семья, был другой вход, мы с ними не пересекались.

Саше было два годика. Удалось устроить ее в садик. И я каждый день по будням, в любую погоду, зимой бывал мороз больше 20-ти градусов, на руках нес её до автобуса километра 2,5. Потом автобус не так часто ходивший, еще пол часа или больше до Гражданки, садик был недалеко от Лениной квартиры на Гражданском проспекте. А потом ехал во ВТУЗ или ЦКТИ. Вечером забирал из садика и обратно в Парголово. Иногда забирала Лена.

И вот мы ютились в этой комнате длинными зимними вечерами и по выходным. Если удавалось пристроить Сашку бабушкам, вырывались на свободу. Бывало по-всякому. А так читали, играли в карты, не на деньги, конечно.

В Парголово, по дороге к автобусу.

Сосед Володя моего возраста или чуть старше. Лицо странное. Я не очень на лица внимательный, но не мог долго понять, в чем же дело. Оказалось, совсем лысое, ни ресниц, ни бровей. И парик. Он сам однажды признался, волос у него не было нигде вообще.

Оказалось, он из уральского или сибирского городка. Когда было ему три года, в городе или недалеко от него взорвался завод, небольшой атомный взрыв. В те времена, в 80-ом году, не говоря уже о 50-ых, ничего не сообщалось, никто деталей не знал вообще, даже про взрыв. Ничего с ним страшного не стряслось. Понятно, он мало что помнил. Однако в 16 лет неожиданно, чуть ли не за один день у него выпали все волосы. Абсолютно везде. А так всё было у него хорошо. С париком, если не присматриваться, ничего незаметно. Улыбка еще иногда только странная. Я не заострял на этом внимания, но, возможно, так улыбаются маньяки, слащавая такая улыбочка. Потом уже об этом подумал.

И вот однажды получилось так, что я вернулся в Парголово пораньше. Сашу должна была забрать Ленина мама. В нашей комнате Лены нет. Захожу к Володе в соседнюю спросить и вижу, они сидят на диване, кофточка у Лены расстёгнута, Володя держит в руке Ленину обнаженную грудь и ей что-то показывает внизу. Как потом выяс-

нилось, порнографические картинки. У него их был чемодан средних размеров.

Я его сразу стал бить. Лена - кричать. Всё, как в кино, мол, ты неправильно понял. Мы чисто по-дружески.

Ага. И я тоже – по-соседски, по-дружески.

Володя лишь прикрывался. Вообще-то физически он мне не уступал. Но правда была на моей стороне. И понятная ярость.

Нескоро я успокоился… Тогда Володя достал две бутылки вина. Мы вышли на морозную улицу, выпили по стакану, другому… и неприятность развеялась… ненадолго.

В начале лета Володя заговорил о шабашке. В Ленобласти есть объект, на котором можно было бы заработать. Деньги, понятно, нам были нужны. Мы довольно быстро договорились. Я предложил Валере Каминскому, и был с нами кто-то еще, всего человек пять.

Некоторые споры возникали, кто будет руководить. Но это оказалось неглавным. Главное был – объект. Строящийся коровник. Причем бетонный, а не деревянный. Скелет из железобетона уже был поставлен. Нам надо было укладывать крышу. Все бы хорошо, работа, возможно, была денежной, но… Когда я залез по шатающейся приставленной лесенке на крышу с железными стропилами, меж которых зияли дыры в несколько метров, а внизу, метров десять под собой увидел угловатый бетон столбиками и торчащую толстую, острую металлическую арматуру, мне стало нехорошо. С большим трудом я спустился. Сказал ребятам, это не для меня.

Я всегда не любил высоты. Не то, чтоб боялся, но меня непреодолимо тянуло вниз, завораживало. Боролся с трудом.

Интересно, что Володя заранее не рассказывал об объекте, но отношение моё к высоте знал. По какому-то случаю ему я об этом рассказывал.

В общем, мы не стали работать на этом объекте. Взяли с Валерой вина, мы давно с ним не виделись, сели в электричку и играли в гусарика преферанс. Валера, конечно, расстроился, чего не скрывал… Но этот объект, на котором явно кто-то из нас мог остаться нанизанным на арматуру, как на шампур, или разбившись о бетон в лепешку, тоже ему не понравился.

Мы никогда не были альпинистами.

После этого прошло несколько дней, и Володя предложил нам с Леной экскурсию в Саблино по пещерам. Буквально нас заманил рассказами как там интересно и здорово. Я в пещере однажды был – на

реке Белой, в походе. После 9-ого класса. Капова пещера. Да, это было тогда хорошо, интересно. И мы согласились. Почему нет? Саша была на даче с Лениными родителями, на выходных мы свободны.

О маньяках я как-то не думал… Оказалось, напрасно. Случай с крышей свинарника должен был насторожить. Но я всегда до последнего верил людям, не подозревая в них худшего.

И вот… Володя завел нас - куда, дальше некуда. Фонарики погасли один за другим, осталась только толстая свеча, прошло часов шесть как мы вошли в пещеры, если не больше. Пришлось отобрать карту пещер, нарисованную примитивно, условно – как в ней разбираться и какова её подлинность? До этого Володя говорил, что всё знает, куда нам идти, надо только забраться поглубже, в самое интересное место. А потом неожиданно заявил, что на самом деле он заблудился… и… нам лучше расстаться, чтобы порознь искать выход. Он, мол, с Леной направо пойдет, а ты (то есть я) налево попробуешь… поискать. Будем перекликаться.

Но свеча-то была одна!

Пришлось всё взять на себя. Володю я старался за спиной не держать, памятуя, что у него большой нож, который, как он сказал, «колбасу нарезать». Во мне уже прорезались сомнения.

Итак, Володя шел первым. За ним Лена со свечкой. И последним я с картой, осуществляя общее руководство.

Предложил идти, всё время поворачивая направо, держась за стену правой рукой.

И мы выбрались! К утру. Свеча давно не горела, мы шли в полной тьме, держась друг за друга. Я попросил Лену, чтоб она Володю не отпускала, держала покрепче.

Еле выбрались, проползав практически сутки.

Мне всё было ясно, Володя хотел оставить меня в пещере… избавиться от соперника, мужа.

Но в этом деле он не был профи. Поэтому не довел до конца.

Больной на голову человек! Куда бы не ездил, у него всегда с собою был чемоданчик с порнографическими открытками. Это мне Лена рассказывала потом, с его слов. Она тогда, надо сказать, пару раз помогла мне реально, а то бы я там мог остаться стараниями этого чудика.

Такие пещеры…

Вскоре мы съехали с этой комнаты. Не из-за Володи, а потому что Лена собиралась уезжать в Керчь. К тому же мать моя на месяц уехала в отпуск на юг. Квартира на Тихорецком оказалась свободной.

Приезжал как-то к нам в Кавголово Боря Довлатов. В разгар зимы, покататься на санках.

Представьте себе динозавра на санках.

Я об этом узнал, когда выяснилось, что Борю положили в больницу. Сломал ногу на первой же горке.

У Бориса была редкая аристократическая болезнь «волчанка». Говорили, следствием её слабая кость. И действительно, нога сразу сломалась после падения с санок.

По этому поводу написалось стихотворение. Которое я показал тогда только Ирине Сюзевой. Она была в восторге, но предостерегала, не дай бог, Боря узнает. И на костылях он был страшен, если что не по нем. А так очень мил. В ярости я Борю не видел, но, только глядя на него, легко было представить…

Он - огромный и грубый,
С красными прыщами на волосатом лице.
А голос его подобен трубам,
Поющим на заблёванном крыльце!

Глаза его, пронзительные и маленькие,
Смотрят сердито и строго,
Как у моего начальника,
Который - бурбон и недотрога.

Нельзя назвать его алкоголиком,
Но водку он любит не меньше жены.
И походит, скорей, не на кролика,
А на бегемота, одетого в тренировочные штаны!

На самом деле он – добрый мишутка
С весьма остроумным и злым языком…
Но, если ему не понравится шутка,
Он больно дерётся своим костылём.

Больная нога не помеха герою.
Он горд и на битву не с каждым готов.

Раскройте глаза – и узнаете… Горе,
Я знаю, кропателю этих стихов!

Февраль 1981

Это фото – Борин подарок.
На съемках фильма «Белое солнце пустыни»

Мы действительно у него, бывало, изрядно смеялись. Случалось, что именно я веселил всю компанию, когда был в ударе и еще только слегка под хмельком.

А случалось, пьянка затягивалась на дни. У меня несколько лет после военных сборов и начала работы в ЦКТИ, по сути, слились, и мне сейчас трудно восстановить хронологию тех событий, которые были все как одно.

У Бори случалось так, что уже сильно устав, то есть выпив столько, что трудно было себя контролировать кто-то уходил в соседнюю комнату, маленькую и отдыхал на диване часок, другой, третий. А потом возвращался к столу. В этот ближний круг приняли и меня. Мы с Леной, отчасти каждый по-своему, можно сказать, стали родными в доме Довлатовых. И не раз оставались там ночевать, где удастся.

Однажды, например, я проснулся в одной кровати с Аленой, женой Бори Довлатова. Оба раздетые. Нас разбудили друзья. Вставать было неудобно, но и лежать тоже. В любой момент мог очнуться и Боря, находившийся где-то недалеко. Алёна смотрела круглыми, удивлённо-испуганными глазами. И мне было совсем не до шуток. Это у присутствующих – Лены, Панкратова и кого-то еще вызывало веселье, бурное.

Ни Алена, ни я не помнили, как так случилось, что мы легли вместе. Что, кстати, не так часто со мною бывало. В смысле беспамятства. То есть это был один из пределов.

Мы как-то оделись, и только после этого зашел Боря. Он так и не узнал ничего, или не захотел знать. Хотя любовь у Бори с Аленой, рассказывали, была сильной и трогательной, большой. Но откатывалась постепенно всё дальше.

Очнулись мы тогда и продолжили. С песнями.

И у Бори пели, порой. Чаще романсы… Один, любимый Борин, вертится, спрятался в голове глубоко где-то, не вспомнить никак.

А был случай особенный. Когда после почти недельного пьянства у Бори, я таки вырвался, подсознательно решив добираться домой. Спасаться. Но как это было, не помню. Просветление недолгое произошло на площади Мужества. Видимо, мне нужно было сделать там пересадку. Помню, что шёл, шёл, вроде, по площади Мужества, и вдруг вежливо кто-то сказал: «Вам сюда». - И я спокойно зашел, дверь закрыли, куда-то поехали.

Потом еще одно просветление в отделении милиции.

Нас было несколько. Вызывали по одному в центр комнаты. Я как раз очнулся, когда меня вызвали. Спросили имя, фамилию, адрес, занятие. Я все ответил. Сосчитайте, попросили, до десяти. Сосчитал.

А теперь в обратном порядке. Я справился, с математикой было всегда у меня хорошо.

- По какому поводу праздник?

- День рождения. – Говорю.

- Ладно, - сказал старший милиционер, - идите и так больше не делайте.

И я пошел, да не в ту сторону помещения. Внутрь. Посмеялись они и направили куда надо, на выход.

И опять полный провал. Утром проснулся дома на Тихорецком.

Но голова у меня отключалась не часто. И весь этот кошмар постоянно держался в голове.

Помню, перед отъездом на военные сборы на три месяца в Ромашки мы с Леной договорились провести вместе последний вечер. У неё дома. С деньгами было туго. Но я раздобыл. И удалось купить утку! С детства любил ее, приготовленную в латке с картошкой или кислой капустой. И без латки было неплохо, просто пожарить, стушить на сковороде. Купил две бутыли вина. Всё приготовил.

Но только мы сели с Леной пировать, предвкушая чудесный ужин и ночь вместе, явился вдруг старинный Ленин друг Лёня. Я его никогда раньше не видел, но Лена о нём много рассказывала в самых восторженных выражениях. Исключительно умён, понятлив, умеет слушать, Лена может рассказывать ему всё-всё-всё абсолютно. Это «единственный человек»!

И вот этот необыкновенный Лёня, еврей, Лена его пригласила тут же к столу, сразу набросился на нашу тощую утку. Надо сказать, в магазинах тогда ничего почти не было, купить что-то мясное, приличное было не просто. Не то, чтобы мы голодали, но мясное ели не каждый день. И с алкоголем, конечно, были проблемы. Надо было побегать, по нескольким магазинам, отстоять сумасшедшие очереди, чтобы что-то купить, водки или вина.

И вот этот Лёня - он вёл себя совершенно свободно, естественно - съел почти всю нашу утку, пока Лена что-то ему рассказывала взахлёб. А у меня кусок в горло не лез. Я всё ждал, когда ж он уйдет? Но, пока была утка, Лёня не уходил. Слава богу, он не пил много!

Пришлось помочь ему доесть утку и несколько раз совершенно прямо сказать, что завтра меня забирают на сборы и мне очень рано утром вставать. Он как будто не слышал. Этот «умнейший и понимающий»! В двенадцатом часу только ушел! У нас с Леной времени оставалось немного совсем. Но мы его использовали полноценно!

Может быть, и неплохо, что приходил Лёня, будучи вдвоём, мы могли бы поссориться. Вдруг. Как это бывало не раз. А так… остались не только плохие воспоминания.

Можно здесь улыбнуться. Если захочется.

И еще добавлю, скажу.

Я почувствовал тогда ужасающее одиночество и чуть не заплакал над съеденной другим уткой и испорченным вечером. Потом, правда, Лена разглядела мое состояние, и было всё хорошо. Так хорошо, что мы заснули только под утро, и я опоздал на автобус, везущий на сборы. Пришлось догонять на метро. На электричку успел.

01.1981 Виталий Иванов. Стихи

Лабиринт отчаяния

Иду, а выхода всё нет!
Что, если и не будет?..
Вдали мелькнул неясный свет,
Быть может, это - люди?

Но - нет! Сто тысяч новых «нет»!
Кругом лишь мрак могилы…
Хоть ощупью - ступай, поэт,
Пока хватает силы!

Шагнул вперёд, а тверди нет,
Провал перед тобою.
И, падая, ищи, где свет
С надеждою живою!

И, если глаз нет сил открыть
На тёмном дне колодца,
Ты всё равно обязан жить,
Умом, талантом дорожить,
Покуда сердце бьётся!..

Январь 1981

Отчизна любви

Давным-давно тебя я полюбил…
Наверное, прошли тысячелетья.
Каким счастливым я в тот вечер был,
Когда тебя впервые в жизни встретил!

Летят года. За мутной пеленой
Мне виден берег, недоступный жизни.
К нему несёт корабль разбитый мой,
Оторванный от милой мне отчизны…

Январь 1981

* * *

Я знаю, не позвонишь ты…
А если и позвонишь,
То голос твой будет тише,
Чем самая страшная тишь.

Растеряно спросишь: «Как ты?
Скучаешь? Опять хандра?..
А я разучилась плакать,
Кажется, позавчера…»

Январь 1981

Осень 1981 г. После сборов. ЦКТИ

Ко мне в Ромашки Лена приезжала несколько раз. Это были хорошие встречи. О них достаточно полно рассказано в переписке.

А после окончания сборов, помнится, встретились мы.. втроем с Панкратовым. Я угощал в чебуречной. Лена с Андреем весьма удивлялись, как это мне удалось из армии вернуться еще и с деньгами. А я там выиграл приличную суму в последний месяц. Её мы благополучно и пропили за несколько дней.

Всё вернулось на круги своя.

Но! Было все-таки одно «но»! Я начал работать в НПО «ЦКТИ», Центральном котлотурбинном институте, имени И.И. Ползунова. Это была серьезная организация, более 3000 сотрудников. Научных сотрудников! Порядочно кандидатов и дикторов наук. Был свой опытный завод. Не сразу, но достаточно быстро мне сделали на нем прекрасный потеем временам аппарат. Самогонный, из нержавейки.

Опережая события лет на 10, скажу. На нем же мне сделали по моему собственному проекту прекрасные, самые красивые в Выборгском районе ворота. Когда я купил дачу на заработанные в ЦКТИ деньги.

Да.

Приняли меня в отдел паровых турбин, лабораторию паровых турбин, где я, собственно, и писал диплом. Дипломную исследовательскую работу. Это был самый большой в институте отдел – более 200 человек. И самая большая лаборатория, более 50-ти человек.

Возглавлял отдел молодой доктор наук Сафонов Леонид Петрович, который курировал мой диплом. Было ему лет 40. а лабораторию – тоже молодой кандидат наук Юрий Алексеевич Марченко, немногим за 30.

Для начала, я попросил повысить несколько мне оклад в сравнении с другими сокурсниками, их было трое, тоже принятыми в ЦКТИ. Мотивируя тем, что я старше и опытнее. К тому же у меня оптимальная подготовка. Математика, физика, общие предметы с физмеха ЛПИ, а специальность с лучшей группы и факультета ВТУЗа. К тому же в дипломе у меня были почти одни лишь пятерки. В особенности по специальности, полученные во ВТУЗЕ, уникальная исследо-

вательская работа. И я на 4 года старше товарищей. Семьянин, имею детей. Дочь. За 4 года перерыва в учебе получил несколько рабочих специальностей. Про академку, карты и псих диспансер, естественно, умолчал.

Это было убедительно. Марченко подсуетился, что было не просто.

И мне положили сразу 145 рублей оклад, в отличие от менее опытных товарищей, получавших обычные 110 рублей.

Иногда у меня убеждать получалось.

Конечно, нам нужны были эти деньги!

Кстати, Боря Довлатов тоже на какое-то время устроился в ЦКТИ. Кинооператором. Правда, на другую площадку Политеха. И долго не продержался.

А меня распределили, как потом выяснилось, очень удачно, в группу Володи Шкляра. Он был на годили два старше меня. А главное, занимался вычислительной техникой. Писал программы, работал на ЭВМ. Тогда это дело только лишь начиналось.

Дал мне учебник фортрана и предложил изучать. Я читал месяца два, других дел никаких не было.

Да, в группе нашей были еще Радомира Ивановна, женщина лет за 40. умная, в общении лёгкая. И Ивашкин Кирилл тоже молодой специалист, после института работавший года два. С ним мы сразу сошлись. Не дурак выпить, но в тоже время любитель зимой горных лыж, летом походов в горы по достаточно серьезным маршрутам. Как выяснилось, у него была прекрасная библиотека фантастики, и не только фантастики. А также музыки. Он был весел, бесшабашен и смел. В то же время, всё это было все-таки в рамках приличий. Не так как в Русском музее, с сотрудниками которого, к несчастью, мы познакомились с Леной.

Кира познакомил меня со своею компанией, друзьями в ЦКТИ, среди которых был первым Володя Шевченко, работавший тоже в нашей лаборатории, отвечавшем за стенды. Уникальные, кстати, огромные, на которых испытывались натуральные ступени лопаток и целые блоки.

И с друзьями, работавшими в других организациях.

После предварительного изучения фортрана, Володя Шкляр предложил мне в качестве тренировки написать программу расчета биоритмов. Не простая, кстати, задачка! Но я с нею справился. Машина посчитала биоритмы у всех. И Володя организовал мне доступ к

большой вычислительной машине ЕС. Персональных компьютеров тогда еще не было.

Прослышав о моих успехах в программировании, Юрий Алексеевич Марченко предложил мне помочь разобраться с подготовкой программ для станка с ЧПУ (числовым программным управлением).

Как раз незадолго до этого в ЦКБМ пришел станок для изготовления шаблонов лопаток. Лопатки для паровых турбин, как известно, обычно закрученные, с сильно криволинейными профилями. Их изготовление достаточно сложное, а контролируется плоскими шаблонами, контурами, каждый из которых располагается на определённой высоте. Лопатки бывают длинной до метра. Потом мы стали проектировать и более длинные, до 1,5 метров. Но об этом я расскажу позже. Может быть.

Шаблоны маленькие, а станок был большой, шириной и высотой несколько метров. Со сложной вычислительной и исполнительной техникой. Для изготовления шаблона надо было вставить в него бумажную ленту с дырочками. В дырочках зашифровывались команды станку – траектория режущего инструмента, скорость подачи и прочее.

Команды были известны, в смысле названия их. Но в применительно к конкретному шаблону конкретной лопатки, надо было их записать, сначала в тетрадку, а потом и на ленту. Весь этот процесс не был разработан. Не то что детально, никак.

Таких станков в Ленинград пришло 8 штук. На крупнейшие заводы, где изготавливались лопатки – Кировский, Металлический, Невский и какие-то еще, не помню уже. Но, как мне сказали, нигде станки эти не работали. Часть была сломана по дороге, с остальными не знали что делать. Специалистов не было. И только у нас в ЦКТИ нашелся рабочий энтузиаст, пытающийся сам сочинять программы и главное, поддерживать станок в работающем состоянии. По крайней мере, когда включали его, лампочки все мигали и он жужжал.

Да. И вот я стал разбираться,

Скажу коротко. За несколько месяцев я написал программы, которые позволяли после внесения в ЭВМ данных контура профиля – точками или дугами (2 способа задания) получать на входе из ЭВМ ленту с готоою программою для станка. С ЧПУ.

И всё работало! Станок стал изготавливать профиля. Для любых абсолютно лопаток, с любым профилем, самым сложным. Практически без участия человека. Надо только было ввести сечения лопатки.

Специалисты понимают, что контур профиля и траектория инструмента связаны, но это разные вещи. Надо было вычислять эвольвентную кривую и прочее.

Над этим, автоматизированным написанием программ для СЧПУ, между прочим, бились тогда целые институты. Безрезультатно.

Это был первый успех! И мне даже заплатили премию небольшую, 10 или 20 рублей, не помню уже. Предложили доложить на НТС, т.е. сделать доклад. И оформить потом создание программы научным отчетом. Что я и делал. Это был мой первый отчет! Страниц на 150.

Всё было хорошо. Но, к сожалению, вскоре, заболел пожилой рабочий, станок сломался. Нужную деталь было не найти. Никто, наверно, и не искал. Починить не смогли.

Рабочего этого я больше не видел.

И вот так закончилась первая моя научная работа. Программа моя, конечно, никуда не пошла. В профильных институтах по программированию для станков с ЧПУ было своих специалистов достаточно. Видимо. И никому ничего не было нужно.

И так, как я видел по своему именно опыту, было везде. Всегда ли? Не знаю.

Впрочем, некоторые части моих наработок пригодились мне потом при создании САПР, системы автоматизированного проектирования лопаток.

1981-1982 Продолжение с Довлатовыми и Панкратовым

Всё это время, конечно, продолжались наши встречи на Петроградской. И новая компания в ЦКТИ у меня появилась. Обычно мы пили втроем с Кирой и Володей Шевченко. После работы или же на работе.

Мне показали дыры в заборе, через которые можно было входить-выходить в любое нужное время. Например, в магазин. Это после того, как ужесточили режим, и через проходную не по распорядку ходить стало сложнее. А когда еще больше ужесточили режим, заколотив дырки в заборе, стали перелезать через высокий трехметровый забор. Слава богу, территория большая была, всю контролировать невозможно.

Продолжались встречи с Борей и Андреем Панкратовым. Мы все лучше узнавали друг друга. И уже без друг друга не могли обойтись.

Помнится, как-то поздно вечером, может, после работы и продолженья с Кириллом, я поехал к Панкратову, зная, что у него Лена. На звонки настойчивые в дверь не открывали. Но, если я чего решил…

Стал искать окно его комнаты во внутренних колодцах-дворах. Пытаясь постучаться во все горящие окна. Где было не достать, бросал камешки. Залезал по каким-то, лежащим в кучах металлическим строительным лесам, сваленным кучей под окнами, искал окно Андрея Панкратова. Не открывали на звонок в дверь.

Наконец, через час или два, в одном из окон появилось интеллигентное лицо Андрея Панкратова. Нашел. Открыли дверь. Мы уже спим, говорят. И я хочу спать.

Спал в ванной. И потом, мы часто оставались втроем. Лене на ночь всегда доставалось лучшее место. Если у Панкратова, Лена спала на кровати с ним, я в ванной. Если у меня, со мной на широком диване, Панкратов за шкафом.

Никаких интимных отношений, когда были втроем, понятно, не было. Всё чисто по-дружески.

Поздно вечером и ночью, когда кончалось вино, ходили покупать его у бутлегеров. На Петроградской было несколько мест, где можно было купить в любое время по приемлемой таксе, чуть дороже,

чем в магазине. Или же у таксистов тоже можно было водки купить. Были бы деньги.

Разговаривали обо всем. шутили, смеялись. Не помню, чтоб на темы политики или высоких искусств, так, обо всем… Иногда я читал стихи. Андрей пел. Красивый был у него голос. Очень!

Это был разговор тонких, умных людей, понимающих всё с полуслова. Ни до, ни после в живом общении ничего подобного я не встречал. Даже у Бори Довлатова не всегда.

Тем не менее, продолжалась моя работа в ЦКТИ.

Марченко, зав нашей лаборатории, после удачной работы со станком с ЧПУ предложил мне подготовить несколько статей в ведущие научные журналы нашей отрасли. По разработкам отдела. Обычная практика, готовит молодой специалист, авторами вписываются все руководители из тесного круга. Вплоть до директора института, если ему это нужно.

Я подготовил. Ничего выдающегося в статьях не было, на мой взгляд. Эти статьи были постепенно, в течение нескольких лет опубликованы. На них потом я ссылался при поступлении в аспирантуру.

У Киры Ивашкина с компанией было интересное развлечение - забираться на «маяки», небольшие башни на крышах самых высоких домов в центре города. В годы войны с них отслеживали бомбежки. Выпив предварительно или в процессе по литру портвейна, народ выбирался на крыши и бродил по железным и кирпичным конькам.

Помню художника с девушкой. Они любили подойти к самому краю дома над улицей и постоять там, обнявшись, вниз метров 20, а на верху бессмертное звёздное небо. И вид, конечно, прекрасный на ночной город. Отговаривать их было бессмысленно.

На маяках я бывал много раз. А вот выбираться на крыши желания не было. С детства не то что боюсь - не люблю высоты. Меня непреодолимо тянет вниз спрыгнуть. Удерживаюсь с трудом.

11.1981 Виталий Иванов. Стихи

*** * ***

Есть женщины, которые – любят.
Есть женщины, которые – не очень.
Есть женщины, которые – будут!!!
Но только, обязательно, - ночью…
А есть - совсем порченные.

Всегда можно поломаться,
Кончать быстро - безбожно.
Но, право же… .... так ....!!
Даже простое с некоторыми – сложно!

Ноябрь 1981

Клад

Я в этот мир дебильный
Зря отпустил глаза.
Из всех я - самый сильный,
Но бьёт в себя гроза!

Замучили пластинки.
Людей – ни одного!
Поэты – невидимки?
Изыди колдовство!

Смешно мне, что не прячу
Свой драгоценный клад.
Но даже самый «зрячий» -
За тысячью оград!..

1981, Июнь 2000

1980-1983 Стихи и песни на Петроградской

О поэзии.

Не часто, но иногда случалось, я читал свои стихи в этой компании на Петроградской. Понемногу. Воспринималось, как правило, молча. Никому это было не нужно.

Однако был случай, я прочел «Зимнюю сказку».

Искринки на тропинке
Сверкают и блестят,
Как будто не снежинки,
А звёздочки горят…

А что, - оживился Валера Грубин, - неплохо. Даже очень неплохо!

И заулыбался своей обаятельною улыбкой штангиста-филолога. Бегемота-Гиппопотама.

Другой случай действия настоящей поэзии.

Однажды утром, проснувшись после тяжелого вечера, Боря Довлатов с некоторым недоумением заметил за собой, что повторяет вслух: «Я марсианин. Я иду по городу. Мне притяжение земное тяжело…»

- Откуда это? Или я сам? – спросил он жену.

- Так это, - говорит Алёна Довлатова-Сахарова, - Виталий вчера читал, Иванов. Поэму свою «Инопланетянин».

Боря весьма удивился.

- Будто про меня. – говорит.

Да. Очень неплохо читал стихи Андрей Панкратов. Особенно запомнилось Иосифа Бродского «На Васильевский остров я вернусь умирать…» и «Лестница» ….

И очень хорошо он пел на стихи Мандельштама «Я вернулся в мой город, знакомый до слёз..»

Я слышал потом разные исполнения этой вещи. Но такой мелодии и исполнения – никогда.

И надо сказать, я впервые тогда услышал стихи Бродского и Мандельштама.

Приведу здесь полностью. Замечательные стихи!

Осип Мандельштам. Ленинград

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.
Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей,
Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.
Петербург! я еще не хочу умирать!
У тебя телефонов моих номера.
Петербург! У меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.
Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,
И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

Иосиф Бродский. Одиночество

Когда теряет равновесие
твое сознание усталое,
когда ступеньки этой лестницы
уходят из-под ног,
как палуба,
когда плюет на человечество
твое ночное одиночество, --

ты можешь
размышлять о вечности
и сомневаться в непорочности
идей, гипотез, восприятия
произведения искусства,
и -- кстати -- самого зачатия
Мадонной сына Иисуса.

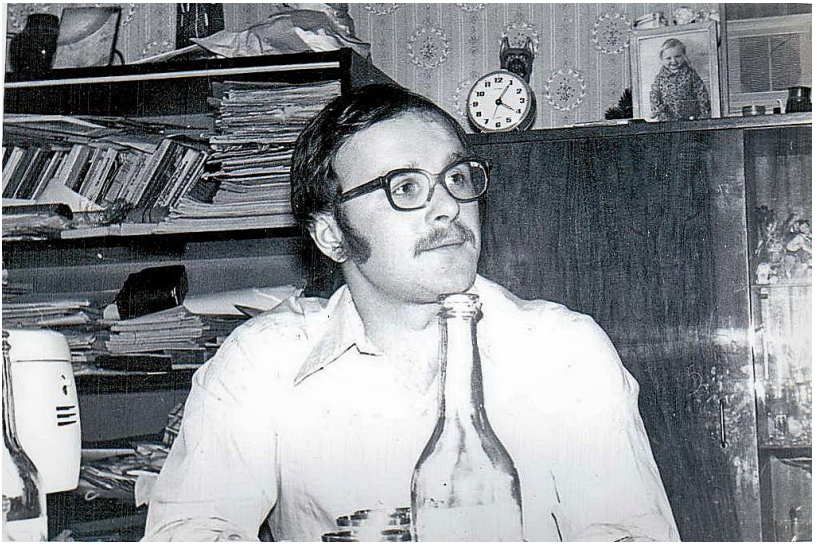
Но лучше поклоняться данности
с глубокими ее могилами,
которые потом,
за давностью,
покажутся такими милыми.

Да.
Лучше поклоняться данности
с короткими ее дорогами,
которые потом
до странности
покажутся тебе
широкими,
покажутся большими,
пыльными,
усеянными компромиссами,
покажутся большими крыльями,
покажутся большими птицами.

Да. Лучше поклонятся данности
с убогими ее мерилами,
которые потом до крайности,
послужат для тебя перилами
(хотя и не особо чистыми),
удерживающими в равновесии
твои хромающие истины
на этой выщербленной лестнице.

Пели песни и у Бори Довлатова. Обычно, романсы. С пленительною, неизбывной русской тоской. Чаще всего – один, вертится в подсознании, не вспомнить никак…

Лето 1982



Решили опять жить вместе, у моей мамы.

Тем более у Лены жить было уже нельзя.

В этот 1982-й год мы окончательно поссорились с Володей Левитским. Он даже однажды попытался меня бить.

Я зашел к Лене забрать вещи – свою одежду и книги матери, чтобы отвезти на Тихорецкий. Вдруг появился Володя по своим каким-то делам, увидел меня и впал в дикую ярость. С пеной у рта крича обо мне всё, что знал плохого о людях и мог только вообразить. Практически сплошной мат с нечленораздельными междометиями. Я хотел просто уйти, оставив вещи, забрать их в другой раз. Вышел на лестничную площадку. Но Володя попытался меня пнуть сзади ногой, сверху вниз лестничного пролета. Не получилось. Тогда он вернулся бегом в квартиру и вышвырнул пару приготовленных мною пакетов на лестницу. Продолжая бушевать и пытаться, держась рукой за перила, ногами достать меня.

Но не получалось. Близко подходить, он, видно, боялся. Я собрал разбросанные книги, это были книги моей матери, которые Лена брала читать. И ушел.

Больше в этот дом не возвращался.

Володя вскоре ушел от Наташи. Лена говорила, жил с какою-то женщиной, у неё. Через несколько лет он умер. Подробностей я не знаю.

Фото. Володя Левитский. 1978 г.

А Наташа вышла замуж за успешного человека. Я никогда особенно не интересовался её делами. Но одна линия знакома мне хорошо.

Наташа с мужем, его звали Виктор, если не ошибаюсь. Он был завлабом в отделе, где Наташа работала на ПОЗИТРОНЕ, кстати, где работала и моя мать Главным художественным редактором, оформляла выставки. И я тоже год работал на ПОЗИТРОНЕ и 7 лет ходил на ЛиТО.

Наташа с Виктором сняли дачу в Юкках, недалеко от Ленинграда. В большом деревянном доме, в приличном вполне состоянии,

участок 12 соток. Хозяин, мужчина лет сорока, жил один. Не помню сейчас, как звали его. Знакомы мы были не долго.

Дом этот достался ему от родителей, которые умерли. Сам он нигде никогда не работал. Жил на содержании родителей. Когда они умерли, стал сдавать комнаты дачи, продавал ягоды, яблоки, их было много. Деньги шли на портвейн. Пьяным он был практически постоянно.

Наташа с Виктором заняли почти весь дом. Мы с Леной и Сашей приезжали к ним на выходные, отдохнуть загородом.

Помню, летом, видимо, в 1983-ем для хозяина собирали малину. Её было порядочно, крупнющая, хоть и заросшая, неухоженная. Я, честно сказать, полагал, часть малины достанется нам. Но всё, литров 10, пошло на продажу, деньги - хозяину.

Наташа с Виктором хорошо помогали ему с обеспечением алкоголя. Он был у него постоянно. И до такой степени скорешились с хозяином, что стали для него, как родные. В результате, не прошло и пол года, как он оформил на Наташу наследство – дом и участок. С условием, что они будут его во всем обеспечивать до конца дней.

Долго ждать не пришлось. Несколько месяцев.

В последний, очередной раз купили ему бутылок 10 бормотухи. Он заперся у себя в комнате. Не выходил несколько дней. Решились, наконец, вскрыть, нашли мертвым. Везде валялись пустые бутылки самого дешевого вина. По сути, отравы.

Примерно так же умер Панкратов. Но это было несколько позже.

Единственным увлечением Миши, назовем его так, было чтение. У него в комнате, а также почему-то на захламленном чердаке нашли порядочно книг, многочисленные подписки литературных и научных журналов, сваленных в кучи. Я потом разбирал, часть досталась и мне.

После смерти Миши объявились какие-то его родственники. С претензиями на наследство. Но документы у Наташи оказались в полном порядке, и дача осталась за ней.

На даче стала жить Нина Евгеньевна с Сашей. Владимир Георгиевич к тому времени умер. «Покойничек.» Как любил прибавлять Серёга Немакин. Которого тоже теперь уже нет…

Мы с Леной, приезжая, обитали в хозблоке, отдельно стоящем в дальнем углу участка дырявом сарае с небольшой комнаткой, где стояли стол и кровать.

Виктор был хозяйственным мужиком. Они с Наташей даже затеяли какой-то ремонт доставшегося им дома.

Мы с Леной чем могли помогали. Например, как-то прилично выпив вина, Виктор угощал, он предложил пойти за навозом. Где-то на поле за поселком приглядел огромную кучу. Сказано сделано. Тем более, он мотивировал, что уже несколько дней нас поил. Правда, первый день поил его и всех я, привезя с собой полные сумки портвейна. Но это неважно. Взяли холщевые мешки и пошли. Ошибкою оказалось то, что по дороге Виктор предложил зайти к какому-то его другу. А тот, извинившись, что самогона готового нет, достал огромную бутыль браги, почти что дошедшей… и, в общем, я выпил несколько кружек. Больших поллитровых. Брага оказалось пьяной весьма. В таких количествах я ее и не пил никогда, тем более, после литра портвейна, или же больше.

До поля мы как-то дошли. Это я потом понял, когда обратно тащил на себе мешок, полный навоза. Слава богу, Лена не пошла с нами.

Почему-то я потерялся, или все от меня потерялись. Запомнилось одно. Меня начали бить, пытаясь отнять мешок. Но я его не отдавал. Падал, держась за мешок, и с ним поднимался, пытался уйти. Меня настигали и били…

Потом полный провал. Временами, казалось, куда-то иду. Уже без мешка. Где я был, неизвестно. Возможно, пошел не в ту сторону по шоссе. Временами фиксировались совершенно незнакомые мне места.

На даче меня не было много часов. Оказывается, стали искать по всем Юккам и в окрестностях немаленького поселка. Поиски организовали Лена с Наташей. И, наконец, я нашелся. Неожиданно пришел со стороны поля, лежащего между Юкками и Ленинградом. С несколькими огромными белыми грибами, которые где-то нашел. Измазанный весь в навозе, конечно. В разорванной одежде и синяках.

Но всё так или иначе заканчивается. Эта история закончилась еще тем, что, пока мы добывали для грядок навоз - пару мешков Виктор с товарищем все-таки спёрли - у него в теплице сгорели все помидоры. Он забыл теплицу открыть. А стояла жара.

Очень сильно расстраивался! Помидоры уже были крупные, хоть и зелёные.

Теперь, когда много лет у меня собственная теплица, свои помидоры, я понимаю, какая это трагедия.

А летом 1982-ого, перед Лениной археологической экспедицией под Керчью, моя мать уехала на месяц в отпуск на юг. Мы с Леной

уже стабильно жили на моем Тихорецком. В однокомнатной квартире, с маленькой кухней, совмещенным санузлом.

Так получилось, что с нами, пока матери не было, стал жить и Панкратов. Мы с Леной спали на мамином большом диване, Панкратоф за шкафом. Днем по будням я ходил на работу в ЦКТИ, а вечером выпивали. Было довольно весело. С Панкратовым не соскучишься.

Однако. С деньгами, конечно, возникали проблемы. И однажды я обнаружил случайно, заглянув в книжный шкаф… у нас был большой встроенный шкаф с полками, метра чуть ли не полтора в ширину, глубокий. Книги плотно стояли в три ряда на каждой полке, 7 или 8 полок. Мать купила в 50-ые, 60-ые годы полные собрания сочинений практически всей русской и советской классики. Изданные в том числе и в Германии, Лейпциге, после войны. Были и дореволюционные собрания сочинений, например, Льва Толстого. Дореволюционные журналы. Редкие книги 20-х, 30-х годов. Полные собрания сочинений Жюль Верна, Беляева, Драйзера и другие. 10-ти томная детская энциклопедия, исторические энциклопедии, альбомы, энциклопедии по искусству. И много в розницу, отдельными книгами.

Кстати, я почти всё это прочёл. Ещё до знакомства с Леною и Панкратовым.

Так вот, обратил внимание, при Андрее некоторые полки заметно опустели. Пригляделся. Нет нескольких любимых книг. И даже отдельных томов из собраний сочинений. Например, не хватало 3-х томов Чехова, лучших. Выяснилось. Пока я работал, Панкратоф продавал на Тихорецком книги моей матери и мои. Это рассказала мне Лена и признался Андрей. А что, говорит? Я верну! Куплю и отдам. После экспедиции, через месяц.

Я его выгнал к чертовой матери со скандалом.

Стало скучнее.

Да, была еще история с дворничихой. Симпатичная женщина, лет 30-ти. Познакомился с ней случайно, возвращаясь с работы, слегка выпивший. Слово за слово, она пожаловалась на жизнь, я ответил. И, короче, стало понятной общая наша проблема. Которую мы и решили тут же в парадной. И не один раз.

Это оказалась очень горячая женщина! С немереными, неиссякаемыми потребностями. И возможностями. Нормальный человек. Но… она прямо так говорила, нет у неё достойного мужика, а ей нужно. Чисто физиологически, ничего с собой поделать не может. Я, когда трезвый или не слишком пьяный, очень ее понимал. Меня буквально тянуло ко всему шевелящемуся женского пола. Но, как я уже

не раз говорил, это противоречило моим принципам и на духовном уровне было для меня неприемлемым. К тому же я всегда был очень застенчивым.

Ну, и вот. Встретились мы еще один раз. Желание у меня буквально было невыносимым. Она тоже хотела, но был ранний вечер, люди возвращались с работы, в парадных и повсюду народ.

- Пойдем, - говорю, - в Сосновку!

- В Сосновке холодно, мокро…

В общем, мы нашли одно место, буквально логово с тряпками на помойке. И… это меня так поразило, что мы тут же расстались. После случившегося.

На следующий день, вернувшись с работы, застал Лену с Андреем в приподнятом настроении. Глядят на меня, смеются. Андрей говорит, и Лена, перебивая друг друга, тебе женщина звонила раз сто, телефон покраснел. Я отнекивался, но пришлось сказать, будет еще звонить, скажите, ошиблась номером. Случайно познакомились. Дворничиха. У нас ничего не было.

Ага, говорят. И хохочут… Не было, значит? Да она про тебя уши все прожужжала! Лену хотела побить!

Еще потом звонила несколько дней. Но я строго попросил отвечать, что меня нет по этому адресу…

А может, и зря. Это был человек светлый и преданный.

Кстати, Лена как-то, будучи в хорошем настроении и подпитии, разоткровенничалась со мной о своей первой ночи с Панкратовым. Упирая в основном на то, что шесть раз.

Это запало.

И как-то, опять-таки, будучи в дружеском настроении, я предложил ей пойти на рекорд. Жена нехотя согласилась. Две трети пути мы прошли, но рекорда не получилось. Потому что не было уже никакого энтузиазма. А так... Не хочется даже говорить, как.

Даже заготовленное специально для случая хорошее лёгкое вино не помогало...

Только испортилось настроение... В очередной раз.

Потом Лена уехала вместе с Панкратовым в Керчь. Утверждала, чисто по-дружески.

А я к приезду матери занялся уборкой квартиры. Пришлось не просто мыть полы, но драить паркет, циклевать. Потом покрывать мастикой, как делала мама, и натирать несколько раз. Ну, и всё остальное…

Лето 1982. Гомель с Сергеем Потоцким и Керчь

С Сергеем Потоцким мы сошлись на сборах в Ромашках. Во ВТУЗе он учился в параллельной группе, мы мало пересекались. На военных сборах тоже были в разных взводах, по взводам нас разделили в соответствии с институтскими группами. Три взвода, человек по 15-20.

Сергей оказался любителем играть в карты. Играли мы в основном в буру и очко. Это не мои игры, есть интереснее – преферанс, покер, но… Почему нет?

Он, как и я, в основном выигрывал.

Не дурак выпить. Это нас тоже объединяло.

Помнится, как-то летом, до Гомеля, и Лена еще не уехала в Керчь, стояла жара. Напились мы до такой степени, что вместе с Сергеем залезли в ванну, прямо в одежде. Сели внутри по краям, набрали воды. А я зачем-то снял запонки, дорогие с полудрагоценными камешками, которые подарила мне мать, и стал запихивать их в сливное отверстие. И запихал. С концами. Зачем? Видимо, смеха ради.

Трудно что-то вспомнить еще, а это запомнилось. Потом я, конечно, жалел. Не в деньгах дело, а в памяти. Запонки были подарены мамой на окончание 8-ого класса, мне нравились. Не так много вещей нравилось мне.

И вот Сергей предложил съездить с ним за компанию в Белоруссию, Гомель, где у него было много родственников.

Дополню здесь, о чем не рассказано в переписке.

Родственники оказались исключительно гостеприимными. Нас усиленно все время кормили, но и не только. Поили. Утром, только проснувшись, нас ждал уже завтрак, с бутылкою водки. Откуда они брали ее в таком количестве в те трудные времена, я не знаю.

И так с утра и до вечера.

Однажды в жаркий день, ближе к вечеру потянуло нас с Сергеем купаться. Недалеко от пятиэтажки-хрущевки, где мы гостили, протекала река. Видимо, Сож. Где-то километра полтора от дома. Причем на подходе к реке были плавни, заболоченные места, небольшие и большие ямы с водой и вокруг них повсюду высокий кустарник. Дорогу надо было знать. Сергей, вроде, знал, но мы были к вечеру уже в очень приличном подпитии. К тому же было темно. Заблудились. Стали искать проходы, еще и потеряли друг друга.

В какой-то момент, продираясь через кусты, я рухнул в топь, воду, не знаю куда. Надо было реагировать быстро. И я заработал ру-

ками, куда-то поплыл. Через некоторое время ноги нащупали дно, я слегка протрезвел. Огляделся. Ничего не было видно вообще. Спустилась полная тьма. Ни звезд, ни огней. Я крикнул.

- Серёга!

И тишина. В общем, я оказался на небольшом островке, несколько метров, на нем рос куст или два. Вокруг вода, что дальше не видно. Я стал кричать громче, и громче. Прошло порядочно времени, сколько, не знаю. Пока я различил голос Сергея. Он тоже меня услышал. Слава богу! И постепенно приблизился. Видимо, насколько было возможно. Дальше – вода.

Что делать? Сергей кричит.

- Подожди, схожу за кем-нибудь.

- Какой подожди? Надо решаться.

И я прыгнул в воду, поплыл на звук голоса. Не так оказалось и далеко. Доплыл, вылез. Всё закончилось благополучно. Выбрались из западни.

Единственно что… когда вышли на свет фонарей, увидели, что я с ног до головы в черном иле и водорослях, весь перемазан, естественно, вместе с одеждой.

В таком виде мы пришли к Серегиным родственникам. Нам, конечно, дали согреться и стали меня отмывать.

Так прошла примерно неделя.

Потом выяснилось. У какого-то родственника Сергея намечается свадьба. В деревне под Гомелем. Но на нее я уже не попал, слава богу.

Был куплен билет до Керчи. Надо было встречаться с Леной.

Лена встретила в Керчи на вокзале. На удивление, не возникло проблем. Встретила радостно. Наш поезд до Ново-Михайловки уходил на следующий день. Целый день бродили по городу. На ночь разбили палатку в парке, на газоне. Всё было хорошо. Утром, правда, нам сделали замечание. Но мы разобрали палатку, ушли.

Долго, часов 7 или 10 стояли на паромной переправе. Успели искупаться.

В этой поездке почему-то ничего не запомнилось. Неделю жили в палатке, на горе над лагерем Политеха. Хотя с этим было значительно строже, чем 6 лет назад, когда мы были в Ново-Михайловке с Воронцовым Серегой. Но мы поставили палатку несколько дальше, и никто нас не трогал.

Днем купались. Вечерами пили вино. Знакомых никого не нашлось, было довольно скучно. Радости не ощущалось. Или же не запомнилось. Но не запомнилось и плохого. Что само по себе было радостью.

В Ленинград возвращались без сожалений о юге. К Сашке. Домой!

05.1983 Тучков переулок

Жить вчетвером в однокомнатной квартире с Леной и Сашей было невозможно, естественно. Это понимала и мать. И мы стали искать варианты размена однокомнатной квартиры на двухкомнатную. И нам повезло! Довольно быстро. Уже весной, 23 мая 1983-его года мы переехали на Васильевский остров, Тучков переулок, дом 3, квартира 1.

Доплачивала – мать, 1700 рублей.

Это были по тем временам деньги немаленькие. Пенсия матери 132 рубля, немного подрабатывала на старой работе в ПОЗИТРОНЕ. Я через Довлатовых продал почтовые марки рублей на 300, остальное мама как-то нашла, наверное, продала драгоценности.

Большое ей спасибо!

В квартире были две отдельные комнаты. У мамы метров 16, у нас метров 13, наверное. И ещё большой, огромный, можно сказать, коридор, где мы поставили стол. Это была столовая, по сути, третья комната, пусть проходная. 9 метров кухня, просторные ванна и туалет.

У нас была своя комната!!!

И мы, в общем, зажили нормально.

Это был первый этаж, окна невысоко. Чтобы не беспокоить мать, частенько входили и выходили через окно, то есть со своего отдельного входа. Особенно, когда было не слишком холодно.

Рядом на Петроградской, через Тучков мост плюс несколько остановок жили Довлатовы и Панкратов. С Андреем я стал реже встречаться. Он часто болел, клали в больницу. Или был почти невменяем, с ним стало неинтересно. А вот с Борей Довлатовым часто встречались. У него или же у меня, если не было матери.

Но и эти встречи с Довлатовым становились всё реже, Боря тоже был уже плох. И как-то у меня дома… а я, надо сказать, тогда наладил заготовки домашнего вина – из малины, черной смородины, ягод, которые собирал летом. Из части их мать делала варенье, другую оставлял на вино. Использовал также для закваски жмых от ягод и старое варенье, которое мы явно уже не будем есть. Таких старых запасов было порядочно.

Вино получалось отменным! У меня было несколько, до 10-ти штук 20-ти и 10-ти литровых бутылей.

Делал вино и из дешевого винограда, случалось, он продавался по 10 копеек за килограмм! Именно на вино, подбродивший.

Кроме этого, я узнал способ, как изготовить простейший самогонный аппарат. Инженерная жилка была уже тогда! И сделал его из какой-то металлической банки, в нее влезало литра 4 браги. Стащил со стенда ЦКТИ трубку из нержавейки на змеевик и вакуумных резиновых трубок на спиртоводы, соединения.

Дело пошло! Вечерами и по выходным.

И Боря ко мне зачастил!

Понятно, когда не было матери.

Так вот. Однажды, уже никакой он вдруг решил писать прямо в столовой, где мы сидели, в углу. Рядом со мною и Леной.

Это было уже выше человеческих сил. И я его пинками выгнал на улицу. Хотя Лена мне возражала.

- Ничего, - говорю, -доберется.

Я в этом не сомневался. Боря не пропадет! Это был человек с железным характером.

После такого случая мы реже стали встречаться. Хотя формально не ссорились. Но я больше проводил времени на работе и после неё с новыми друзьями из ЦКТИ.

Ну а Лена часто пропадала на Петроградской. К Панкратову она несколько охладела, появились новые фавориты. Дома иногда рассказывала мне некоторые интимные подробности, дружески.

Например, как лежала с уставшим Борей Довлатовым, а он заснул, просто положив ей руку на грудь, потому что ничего другого не мог. Ей это казалось трогательным. И, возможно, «крутым».

Потом был Валера Грубин, бывший спортсмен, штангист и тоже филолог. Этот был весь «налитой».

Всё не вспомнить и не хочется вспоминать.

1983 Виталий Иванов. Стихи

Застольные друзья

Осталось нам всего полшага…
Но пили мы всегда до дна.
И вот к безумию преграда
С последней стопкой - сметена!

Мы не одной пошли дорогой,
Но вышли вместе – в никуда…
Мы обещали слишком много,
Не исполняя никогда.

Давно устала ждать надежда,
Не захотела ждать беда…
Безумства час искали прежде?
Нашли безумье – навсегда

Январь 1983

*** * ***

Ты меня уже не беспокоишь
Блеском глаз и линией груди.
Что объединяло нас с тобою -
Навсегда осталось позади.

Если мне когда-нибудь приснится
Жуткий сон, в котором ты - мечта,
Лучше будет сразу утопиться,
Жизнь не стоит больше ни черта!

Январь 1983

1983-1984. Работа в ЦКТИ

Я работал в ЦКТИ. Довольно часто приходилось ездить в командировки, порою на месяц. Сначала посылали в Свердловск (ныне Екатеринбург), потом раз десять ездил в Иркутск. Отправляли на ТЭЦ проводить эксперименты, снимать данные с работающих турбин. Я в деле, понимал мало и разбираться, честно сказать, не хотелось. Принимал всё, как данность. Сказали раз в 5 минут снимать уровень воды в трубках, записывать, значит, снимал и записывал. И не более.

В Иркутске на ТЭЦ рядом с нами работали зэки. Худющие. Однажды мы залезали вместе в выхлопной патрубок. Надо сказать, это огромная конструкция. Пришлось спускаться на несколько метров в полную тьму с переноской, фонарем, который иногда гас. Узкое замкнутое пространство. Что-то мы там осматривали. Потом один зэк попросил меня принести им что-нибудь из столовой. Общаться с зэками было строго запрещено. Работать можно, общаться нельзя. Но я согласился. Мне передали спичечный коробок. В нем буквально в виде спичек были свернуты трубочками бумажные деньги, рубли. И я в столовой накупил большой пакет булочек и еще какой-то еды. Потом оставил пакет в условленном месте. Больше я этого зэка, который передавал деньги, не видел. И ко мне вопросов никаких не было. О случившемся я никому не рассказывал.

В самом Иркутске мы никуда не ходили, только на ТЭЦ, работа и обратно в общагу, магазин по дороге. На почту еще.

Один раз съездили на электричке в Ангарск и пару раз на Байкал, в Листвянку. Но как-то ничего особенного не запомнилось. Разве что при поездке в Ангарск ближе познакомился с одной девушкой, довольно красивой. Читал ей стихи. Вернувшись в Иркутск, сходили на Иркут, где река сливается с Ангарой. Поцеловались несколько раз, но больше ничего не было. Зима, холодно. И, видно, я повел себя опять как-то не так.

Рядом с женщиной я возбуждался мгновенно, но почти никогда это ничем не кончалось. Потому видимо, что ухаживать планомерно я не умел. Или же не хотел. Мне надо было сразу всего. Однако при первом сопротивлении я отступал, не настаивая.

Да и в общежитии держались все вместе, девушка меня избегала, толком было даже не поговорить. Особенно и не хотелось.

Осталось стихотворение.

* * *

Помнишь этот январский час,
Как мы ехали на Ангарск?
Поезд рельсы считать устал,
Я глаза лишь твои встречал.
Мне дарили глаза твои
Чудеса и леса любви!
. . . . . .

Звёзды ярко горят, влекут.
Мы с тобою идём на Иркут.
Видишь, с неба летит звезда?
Ты уже загадала, да?
Под ногами - то снег, то лист,
Ну, а воздух так свеж и чист!
Двести метров пройти и тут
Открывается сам Иркут!
Ну, а если идти не врозь -
Эх, морозец, не заморозь! -
И забыть про стрелки в часах,
Открываются - чудеса!..

Иркутск, январь 1983

А это в Иркутске написал Лене.

* * *

От зари до зари - далеко.
От зари до зари мне не спать…
Ты приснилась опять.
Как тебя узнавать
Через тысячи вёрст нелегко!

Я люблю солнце ясного дня,
Дождь и ветер, метель и пургу.
Днём работа, друзья,
Днём живёшь на бегу…
Я один без тебя не могу!

Самым первым виденьем ночным
Ты сегодня приходишь опять.
И опять мне не спать
И тебя узнавать
Растревоженным сердцем своим…

Один раз летом в Иркутске получилось так, что мы работы закончили раньше, билеты на самолет были куплены. У нас оказались свободными целых пять дней! И мы решились пойти в поход. На прокат взяли палатки и поехали на поезде вокруг Байкала, на другую, южную его сторону. Объехали примерно половину периметра! Места красивейшие, конечно! Поезд шел прямо вдоль берега озера-моря. Слева Байкал, справа - отроги гор, скалы.

Вышли где нам понравилось - на какой-то небольшой станции, переехав очередную речку. Вернулись к реке и пошли вверх по течению.

Природа необычайная! Все травы, цветы, если даже знакомые, в два-три раза крупнее, чем под Ленинградом. Иголки на соснах больше десяти сантиметров!!! Тропинок нет. Джунгли!

Поднялись по реке на несколько километров, нашли полянку и разбили палатки. Бродили три дня вдоль реки вверх, вниз. Один раз попытались переправиться на другой берег. Река порожистая, неглубокая, казалось, можно с камня на камень. Но камни скользкие и вода ледяная! С гор, стоящих недалеко. Дойдя до середины, еле потом вернулись на свой берег.

У нас с собой были рыболовные снасти, удочки. Попробовали, конечно. Но! Не поймали вообще ничего! Ни в речке, ни в Байкале, к которому возвращались. Рыбы не было! Видимо, это результат работы известного Байкальского Целлюлозно-бумажного комбината. В «чистейшем мировом озере», «мировой сокровищнице»! Это не радовало.

У руководителя нашего Володи Шкляра оказался с собой литр чистого спирта. «НЗ». Конечно, мы воспользовались «неприкосновенным запасом».

Было нас, вроде, четверо. Кира Ивашкин и еще кто-то.

А так вспомнить больше особенно нечего. Вдоль всей железной дороги полный развал, бардак советских времен, ржавое, рваное железо, битые бетонные блоки. Кучи мусора. Как будто после войны. Хотя там войны никогда не было… Со времён «нашествия Чингиз-хана».

Невольно вспоминались другие места милой моей Родины, где бывал, видел сам - истерзанной, насилуемой бездарными управленцами, «коммунистами», не верящими давным-давно в собственные слова и дела, ни во что!

Не буду в этой книге воспоминаний распространяться, довольно сказано в других моих книгах. Да и в те времена системно я не думал об этом. Но было жаль бесконечно… и свою жизнь, пропадающую бездарно, не только свою.. но, по сути, всех кого знал. Землю свою прекрасную и культуру, отданные на разграбление, уничтожение - черт знает кому! Вполне очевидно, после «октябрьского переворота».

Тем не менее, жизнь продолжалась. Продолжалась работа в ЦКТИ.

Получилось так, что после эпопеи с лопаточными шаблонами мне предложили заниматься лопатками. Автоматизированным проектированием лопаток. Постепенно стал входить в тему.

Выяснилось, что проектирование состоит из создания геометрии лопатки и проверочных расчетов на прочность, вибрацию, обтекание дозвуковое и сверхзвуковое. И многие программы расчетов уже были созданы или находились в завершающей стадии. Однако все это было разрозненно. Не сразу, конечно, но постепенно я предложил договориться о едином формате данных, описывающих профиль лопатки. В том числе профилей лопаток сильно закрученных. И это было принято в ЦКТИ. А потом мы договаривались и с другими организациями. Например, Харьковским политехническим институтом, у которого была куплена программа проектирования профилей по геометрическим характеристикам. И заинтересованными заводами, на которых изготавливались лопатки и ступени турбин - ЛМЗ и Ленинградский завод турбинных лопаток (ЛЗТЛ).

Лично моя разработка – создание трехмерной математической модели лопатки. Любой, самой сложной поверхности. В те времена, когда еще не было трехмерных программ проектирования, это оказалось достаточно круто. Ничего подобного не было!

Саша, пришедший к нам молодой специалист инициативно разработал программу сглаживания кривых, используя математический метод среднеквадратичного отклонения. Эта программа идеально, с заданной точностью убирала всплески, отклонения на кривой. И я догадался этой программой воспользоваться. Сначала при описании выпуклой и вогнутой частей плоского профиля, сводя набор дуг и прямых в одну кривую. А потом и по высоте, выравнивая любое ко-

личество плоских сечений. Не в смысле спрямления, но получения гладкой закрученной поверхности без уступов, ненужных выпуклостей и вогнутостей. До этого решение этой задачи проходило выстругиванием деревянных моделей. А я накладывал пространственную сетку, прогонял три раза в своей программе выглаживание и получалась идеальная лопатка. Которая показывала прекрасные результаты по обтеканию потоком до и сверх звуковым. Никто поверить не мог. Но это работало!

Сначала я набирал, отлаживал, запускал программы на большой ЕС ЭВМ. В другом корпусе, на десятом этаже стояла огромная машина. При ней в отдельной комнате штук 15 рабочих мест. Выделялись часы, монитор, и все пользовались. Можно было и не по графику приходить, если оказывались свободные места.

Пройдет не так много времени, и на этой машине, никому практически не нужной уже… я первый раз распечатаю 3 тома книги «Свободный полет». Поможет системный оператор Сергей.

Тогда мне казалось, что эта книга, в которой изложено новое, позитивное мировоззрение, утверждающее возможность нескончаемого познания и развития мира с доказательствами и предложениями конкретных шагов, по сути развивающее коммунистические идеи, должно тут же заинтересовать, увлечь всех… Изменить нашу жизнь!

Каким был я наивным, глупо как заблуждался…

Но это уже совсем другая история…

Через 2-3года работы в ЦКТИ стали появляться первые персональные компьютеры. Сначала почему-то болгарские «Правицы», потом, через год полноценные ПК-286.

Первоначально на одной машине по графику работали 3-4 человека. Даже в три смены, в том числе ночью. Это было удобно, особенно вечером, тем более время ухода не фиксировалось. И вообще постепенно у нас выработался гибкий график. Важно было делать свою плановую работу.

С Правицей был забавный случай. Как-то утром, у меня была смена дневная, сел за ПК, включил. Экран как будто взбесился. Всё моргало и прыгало в бешеном темпе. Включал, выключал, щелкал по всем клавишам - всё то же самое. Случайно приподнял, наклонил клавиатуру, из нее брызнула, а потом полилась бурным потоком вода. Буквально!

До меня работал Андрей Фершалов. На следующий день, когда встретились, я его стал пытать с пристрастием. Он сначала отнекивался, ничего мол не знаю. Потом все же признался, когда я сказал, что сообщу о произошедшем начальству, пусть оно выясняет. Оказалось, Андрюша умудрился вылить в клавиатуру стакан чая. Целый. Не знаю, как у него получилось.

Этот жизнерадостный, веселый Фершалов запомнился еще тем, что в колхозе, в который мы ездили каждый год, - у Ладоги, Междуречье, совхоз «Гражданский», на своем горбатом «Запорожце» 1-ой модели, куда обычным порядком помещались 4 человека, если хорошо подгибали колени, однажды поставил рекорд, загрузив в него то ли 13, то ли 17 человек, сейчас уж не помню. Они проехали до Ладоги и обратно, 5 километров. Лесными дорогами, по ухабам. Обратно влезло на 2 человека больше.

Через несколько лет, съездив куда-то в Восточную Европу, он умудрился в те безвалютные советские времена привезти вполне приличную четверку Жигулей. За 400 $. Сэкономив на всем, ничего не евши с женой 2 недели.

Талантливый математик, младший научный сотрудник Саша через несколько лет уехал в Израиль. Как и многие другие сотрудники. Лучшие. Те, кто не пил.

А в ЦКТИ работало треть, если не больше евреев. То есть порядка тысячи.

Уехал и Володя Рахмилевич, с которым дружили, можно сказать. Именно он, кстати, свел меня с доктором наук, у которого я купил дачу. Он тоже уехал в Израиль. Этот доктор наук был профессором Военмеха.

Что говорить… А в Израиле, передавали знакомые, Рахмелевич устроился завхозом при школе. Способный был научный сотрудник.

Не буду сейчас тут вспоминать. Это всё было позже…

1984 Боря Довлатов

Я дома успешно гнал самогон с помощью примитивного аппарата, о котором уже рассказывал. Емкостью была железная банка, от чего я не знаю, в ней раньше мама хранила гвозди и всякую мелочь строительную, шурупы, гайки, болты. Сверху банка закрывалась крышкой, просто в натяг, без резьбы. Отковыривалась отверткой. В крышке я сделал дырку, вставил в нее металлическую трубку, уплотнил, дальше резиновые трубки и змеевик, скрученный из трубки нержавейки. Банка ставилась на газ, и работа кипела, из змеевика капало. На удивление, получалась вполне приличная вещь, которая обычно сразу употреблялась.

На крышку банки для надежности клал кирпич.

Из банки за один раз получалось порядка литра около сорокоградусного питья, вначале шло даже горящее, чистое. Потом градус снижался, огонь приходилось прибавить и уже шло нечто мутное, однако же тоже вполне годное, с результатом.

Это мутное, когда была такая возможность, я отстаивал с добавлением активированного угля и марганцовки. Как меня научила мать, заботясь все-таки о нашем здоровье. Мы все равно бы делали это, но так продукт, безусловно, получался чище. И даже почти без запаха, вкуса.

Особенно - чистейший первач!

И вот однажды мы с Борей Довлатовым запустили в очередной раз процесс. Уже начинало капать. Запасов у меня на тот момент не было. И мы прямо пробовали, можно сказать, из-под змеевика. По очереди. Настроение самое радужное.

И вдруг, ничего не предвещало, как говорится… произошел взрыв. По кухонным масштабам практически атомный. Боря повалился под стол. Как потом говорил он, со смеху. А я стоял весь фиолетовый. Фиолетовой была и вся кухня. Точнее, фиолетовой в крапинку – пол, стены и потолок.

Это была длинная узкая кухня, где-то 5х2 метра. Потолки в квартире высотой метра 4. Стены на половину по высоте и потолок побелены мелом.

А брага у меня в этот раз была из смородинного варенья, бродившего. Ну, и вот…

Кастрюля стояла на плите, а крышка, кирпич валялись, отлетев на несколько метров.

Боря вскоре, понятно, ушел, разочарованный. А я остался размышлять над содеянным.

Мать, слава богу, была в отпуске, где-то на юге. До ее приезда оставалось пару недель.

Пришлось делать на кухне ремонт.

Покрашенные зеленой масляной краской до половины стены отмыл. Побелку пришлось тоже всю отмывать. Лена помогала мне, как могла. В частности, тоже мыла высокие потолки со стремянки. Рискуя практически жизнью. Один раз ее сильно ударило током, и она упала с самого верха. На кухонную мебель и пол, с высоты метра два. Стремянка была высокая.

Дом старый. Проводка, соответственно, тоже, видимо, до революции еще сделанная. В доходном доме. Изоляция высохла, потрескалась, отвалилась местами. И вот… С мокрой шваброй, вся мокрая Лена получила удар, моя шваброй и провода, безрассудно и самозабвенно.

Электричество в квартире у нас отключалось частенько, под потолком, где шли провода, местами искрило. Но мы «до поры до времени» не обращали на это внимания.

Короче, пришлось мне менять проводку. На кухне надо было менять стопудово. И я поменял, первый раз связав себя с электричеством. Если не брать в расчет работу на ПОЗИТРОНЕ на испытательной станции с резисторами, конденсаторами, где я числился электромонтажником. Но там проводку менять было не надо.

Справился.

Вернувшаяся с юга мать удивилась нашему порыву и осталась довольна. Мы сделали на кухне вполне приличный ремонт. Как смогли.

Но! Работая под потолком, обратил внимание, что середина его несколько ниже краев. На узкой кухне было не так заметно. Полюбопытствовал в комнатах. Оказалось, в маминой комнате середина потолка, там, где люстра, на пол метра ниже углов комнаты!

Тогда закрались первые сомнения, куда же мы въехали… С хорошей квартиры на Тихорецком в добротном кирпичном доме. Пусть с совмещенным санузлом. И на 5-ом этаже, без лифта. С громыхающими трамваями под окном. (Стихотворение «Улица»).

Немного расскажу, что мы узнали, точнее, узнала мать, познакомившись с кем-то из соседей. Кстати, к ним у нас была дырка из ванной комнаты, еще одна из туалета. Мы их, конечно, заткнули. Но можно было открывать и переговариваться.

Так вот. Случай первый.

В соседней парадной мужчина, тоже в квартире на первом этаже, жил один. Однажды, незадолго до нашего переезда под ним провалился пол, и мужчина упал в подвал. Тот оказался довольно глубоким и выхода не находилось. Он таки нашел, изучая подвал, маленькое окошечко, и двое суток через него пытался позвать кого-нибудь. Но Тучков место тихое, народу немного, дома многие расселили. И только на третий день на слабеющие его крики обратил внимание случайный мальчик, пробегавший неподалеку. Он не испугался, позвал взрослых и пожилого мужчину каким-то образом вытащили.

Второй случай. Уже в нашей парадной, двумя этажами выше жила семья. Не важно, сколько их было там. Одна женщина, тоже пожилого возраста, встала с дивана, на котором спала. А через 10 минут на диван упал кусок потолка, как раз по размеру дивана, два метра на метр.

Кроме этого. Половина соседних домов были уже все-таки расселены. Место совершенно пустынное, окруженное развалинами. Однажды, вскоре после вселения, я возвращался из магазина с двумя сумками продуктов. И на меня напали с ножом. В буквальном смысле этого слова! То есть, я уже подходил к нашему дому по перпендикулярному маленькому переулку, и вдруг из-за угла ко мне бросился паренек, размахивая перед собою огромным ножом.

Обе руки у меня были заняты. Пришлось отмахиваться сумками. Он просто молча пытался меня зарезать. И даже поцарапал немного. Одну сумку я бросил и начал отходить в сторону 1-ой линии. Он тут же стал пинать мою сумку, мешок ногами, что было силы, разбрасывая продукты. Это мне совсем не понравилось, не так много у нас было еды, денег, и я пошел на него.

В общем, мы кружились довольно долго, так мне казалось. В результате убийца все же сбежал. А я в растрепанных чувствах и с половиной продуктов вернулся домой.

Тут же звонить стал в милицию. Первый и единственный раз в своей жизни! Через час дозвонился. Но, конечно, никто уже не приехал.

Неприятная история. Слава богу, подобного не повторялось.

Выяснилось, что дом признан непригодным для жилья. Не знаю, как нам разрешили в него поменяться. Но обратной дороги не было. Мы с Леной говорили уже о разъезде с моей матерью, но выяснилось, что из домов, признанных для жилья непригодными, размени-

ваться нельзя. Новое жилье тоже никому не давали. То есть из дома непригодного для жилья уезжать было запрещено.

Мать в этом доме прожила 5 лет, я несколько меньше. Забегая вперед, скажу. Без лишней скромности.

Мать писала во все инстанции, даже Председателю Совета министров СССР, сделать было ничего невозможно. В очередной поход к какому-то чиновнику, решающему такие вопросы, вызвался сходить я. Первый и единственный раз.

Чиновнику я доходчиво изложил, положив на стол толстую мамину папку с бумагами, что, мы с женой хотим разменяться, съехаться. А нам это запрещено. Поэтому мы писали, пишем и будем писать абсолютно во все инстанции, пока вопрос не решится по-доброму.

Чиновник на меня внимательно посмотрел и сказал.

- Хорошо. Вам будет квартира.

И, действительно, очень быстро, буквально месяца не прошло, нам выдали ордер на прекрасную, огромную двухкомнатную квартиру 56 метров! Улица Черкасова, на Гражданке.

Но это уже совсем другая история, второго моего брака. В котором я и сейчас состою, вот уже более 30-ти лет. Счастливо! Насколько это возможно.

Кстати, после нас еще лет пять минимум никого из этого дома, непригодного для жилья, не расселяли. Я бывал иногда на Васильевском, любопытствовал. Окна светились…

Встреча Нового 1984-ого года у Бори Довлатова.

Приехал часам к 10-ти вечера. Лена уже была там. Еще, кроме Бори, Алены, человека 2. Привез три бутылки водки. Оказалось, они всё уже выпили, ничего не было. И закуски тоже практически.

Открыли бутылку. Настроение невеселое. Выпили. Боря говорит, давайте еще. Я предложил оставить до Нового года. Какое там! Короче, за час до курантов у нас ничего уже не было. Все полутрезвые. Боря взялся кому-то звонить.

Настроение самое пакостное…

И что же… за пять минут до Нового года случилось Чудо! Кто-то принес алкоголя и даже денег каких-то.

Праздник таки удался!

Однако, как говорится, осадок остался. Весьма неприятный.

30 лет. 24 февраля 1984 года

Еще раз острое чувство одиночества я испытал в день рождения. Когда мне исполнилось 30 лет.

Мы сидели в квартире на Тучковом переулке вдвоем с Леной. В нашей мрачной столовой без окон. Приглашать было некого. Абсолютно. И денег с трудом я нашел на бутылку и закуску дешевую. Говорить было не о чем. Алкоголь не брал совершенно. Потом Лена уехала. А я лег и забылся тяжелым сном.

Так я отметил тридцатилетие.

Где была мать, я не помню. Мы почти не встречались, как-то так получалось… хотя жили в одной квартире. А когда встречались, ругались.

Однажды я ее даже толкнул…

1984 Больница Боткина. Гепатит

Где-то весной 1984-ого я попал в больницу. Если не считать Скворцова-Степаново, первый раз. Надо сказать, здоровье у меня неплохое. Было, по крайней мере.

Случилось это так. Появилось небольшое недомогание, температура. Всё заметила Лена. У неё был уже опыт в этом вопросе. На примере Панкратова.

- Виталя, - говорит, - посмотрись в зеркало.

Посмотрел.

- А что? - спрашиваю?

- Да ты, вроде, жёлтый!

И действительно, желтизна некоторая была.

Пошел на следующий день к врачу. До этого случая я к врачам относился нейтрально. Больничный брал редко, особо не сталкивался. В этот раз попал на матерого специалиста.

Женщина врач, средних лет, то есть лет сорока, когда я зашел в кабинет, спросила фамилию, нашла мою карточку и сразу стала в нее что-то писать. Минут пятнадцать писала. Потом, наконец, спросила.

- На что жалуетесь? – не поднимая на меня глаз. Я что-то сказал о температуре. Она продолжала писать…

- Да посмотрите вы на меня! Я же весь желтый! – не выдержал я.

Она, наконец, подняла глаза и испугалась.

- Что же вы делаете тут?! – чуть не завизжала она. – Вам нужно в больницу! Идите быстрее домой! Завтра за вами приедет машина!

Действительно, «скорая» приехала к середине следующего дня, ближе к вечеру. И меня отвезли в Боткинскую.

В этой больнице, большой палате, коек 12, я пролежал три месяца. Пока не опустились до правильных величин билирубин и трансаминаза. При гепатите, как сказали квалифицированные врачи, лечения никакого не требуется, только покой. В результате ты вылечишься. Или же нет. Если нет, значит, не повезло.

По сути, тебя просто держат в карантине с другими больными. В том числе и здоровых, попавших под подозрение на гепатит.

Запомнился один шустрый парнишка. Разговорчивый. Он както ко мне прикипел, сразу. Не глуп. Можно было поговорить.

Он через некоторое время открылся.

- Хочется жить, - сказал с дрожью в голосе. - А я тут уже второй раз. Третий будет точно последним…

Попытался его отвлечь, но… уже тогда видел я многое. Было несколько жаль, да и только. Что можно тут сделать?

Вот это равнодушие какая-то закоренелая черта у меня.

Вспомнилось тут. Серега Немакин любил рассказывать анекдоты. Хорошо рассказывал, артистически. А ещё всякие случаи из своей жизни, о товарищах по работе своей на заводе Охтинском, смешное. Каждый раз в конце прибавляя «покойничек».

И, действительно, люди сыпались вокруг нас, как домино…

И Серега тоже умер, недавно вот был на его похоронах. Но он все-таки 65 лет жил. Если так можно сказать…

О нем я расскажу в другой книге.

Иногда приходили Лена или же мать. Приносили что-то поесть вкусного. Кормили в больнице неважно. Что нас кормить? Если половина не выживет…

Лена делилась, что живет у Панкратова. Потому что, где же ей еще жить? Тем более что Андрей уже некоторое время не пьет, родители заставили снова подшиться. Живут чисто по-дружески, как брат и сестра.

Проблема одна. Трезвый Панкратоф совершенно невыносим! Жуткий зануда, скряга, педант! Но пишет статью, и Лена ему помогает чем может.

Статья, если не ошибаюсь, была о каких-то сложных приставках и суфиксах, редких правилах русского языка. Понятно, о чем еще писать в Русском музее?

Мать бодрилась.

Два-три раза приходили друзья из ЦКТИ – Кира Ивашкин, Володя Шевченко.

Книжки читал, ими меня снабжали все.

Через три месяца вышел. И мы с Леной, конечно, тут же, этим же вечером купили две бутылки портвейна и отметили дело.

Один раз Лена спросила.

- А ничего? - Перед второю бутылкой. - Тебе можно? Не повредит?

- Да, - говорю, - теперь можно! Если можно было в больнице, - она один раз приносила вина, я выпил стакан, где-то в середине срока. - То теперь то я на свободе, здоров!

И все закрутилось, как прежде.

Панкратов капсулу рассосал. Хватило его ненадолго. Через неделю он перестал быть похожим на человека. И Лена снова перебралась ко мне, в нашу комнату на Тучковом.

От этих подшитых капсул, как говорила Лена, при употреблении алкоголя, даже в минимальных количествах, жуткие боли и смертельный исход. Это и должно останавливать. Всех останавливало. Кроме Андрея Панкратова.

1984 Из дневника

Как дико и страшно, когда рядом храпит любимая женщина и от неё близко и далеко, ясно и очевидно до невозможности тянет перегаром какой-то гадости. А ведь немножко очнешься, подумаешь: «И от меня ведь – так же, то же, то самое же, и я пьян, пьяны мы, нам плохо. Отчего? Отчего же не хорошо? Ведь я люблю её, и она хочет любить меня. Хочет… Отчего же не может? Может, сам я не люблю её? Зачем же мы вместе? Зачем ложь? А может быть, ложь нас связывает? Та ложь, которую не понимают другие… Но что нам в этом? Разве можно врать в любви?

Может быть, когда я говорю, что люблю тебя, я лишь пытаюсь уверить себя в этом? Отчего? Зачем? Почему? Быть не может…

Любовь – сила земли, жизнь её, в любви природа не врёт, а я – часть природы, жизнь – я. Может, жизнь тяжела мне, а любовь невозможна?

Но страшно жить на острове одиночества, если знаешь или веришь, что есть где-то обитаемый материк любви.

Как тебе, милая моя, - тяжело очень? В безбрежных просторах неизвестности плыть и плыть. О, далеко как до земли обетованной!

Но солнце ярко расцветит паруса надежды, ветер надует их полно, и понесется корабль к кораблю, ищущему встречи, и, может, найдут они друг друга в море…

И будет – радость!

И вот невольно подумаешь… Лене чего-то не хватало во мне. О чем она, кстати, говорила не раз. А в Панкратове вот хватало… Но ему не хватало - абсолютно во всех!

И вот… нет ничего подлее обмана в любви… когда говоришь одно, а делаешь частенько другое…

Вспомнилось.

Мне чего-то не хватает на свете…
Друга?
Может быть, такого, как ветер?
Незримого света?
Тебя, любимая, где ты?

И мне не хватало… наверное, это нормальное ощущение. Но! Одни идут с ним по жизни, шаг за шагом достигая желаемого. А другие сдаются…

И что же было у нас такое за поколение? Когда сдающихся оказалось по стране большинство. 70-ые, 80-ые… страшные 90-ые… и вот к чему мы пришли. Начиная с развала наших душ и умов, к развалу страны. Всего, что было дорого нам.

Наверное, надо быть сильными. И не только перед очевидным противником, бросаясь на пулемет… Но! И перед невидимыми врагами. Каждый день, каждый час, всегда и везде отстаивая всё, что тебе лично дорого. Да, по мере сил. Но отстаивая! А не уходя в сторону… в небытиё. Полностью! Потому что никого нет за нами, это время нашей ответственности! И не будет никого, если мы не исполним того, что должны сами исполнить!

Не жалея живота своего!!!

О судьбе героев повествования

Заканчивая это невеселое повествование, расскажу коротко о судьбе основных героев.

Сестра Лены Наташа взяла на воспитание из детского дома мальчика Лешу. У неё детей быть не могло после перенесенных женских болезней, гонореи и чего-то ещё (ещё в замужестве с Володей Левитским, Лена говорила, у неё было много поклонников).

Леша оказался весёлым, активным мальчишкой. Чуть младше нашей с Леной дочери Саши. Это было, видимо, весной 1984-ого года. Мы с Леной по выходным иногда приезжали в Юкки. Парнишка очень ко мне привязался, можно сказать, не отходил от меня. И Саши, конечно. Лёша и Саша весьма подружились и были, как брат и сестра. Саша тоже постоянно жила в Юкках. Мы втроем или вчетвером с Леной бродили по окрестностям, купались в озере.

К сожалению, у Леши сразу почти, как говорила сама Наташа, стали проявляться неприятные склонности, что-то ломать или стащить. При мне этого не было, рассказывала Лена со слов Наташи.

С годами эти склонности лишь возрастали. Я не был тому свидетелем. Рассказывала мне Саша. Брат рано стал курить, выпивать, вроде, и наркотики употреблял. Неоднократно его ловила и забирала милиция в связи с различными мелкими кражами и хулиганством. Наташа каждый раз его вытаскивала из милиции, выкупала.

Она всё объясняла плохой наследственностью. Когда забирала Лешу из детского дома, ей показывали бумаги, по которым оба родителя Леши сидели, не в первый уж раз, и на долгие сроки.

После лета 84-ого года я с Наташей и Виктором не общался, соответственно, с Лешей. Это произошло, потому что встретил другую женщину, и мы стали жить вместе. Об этой другой, иной жизни, возможно, расскажу, но уже в другой книге.

А здесь коротко о людях, с которыми больше я не общался.

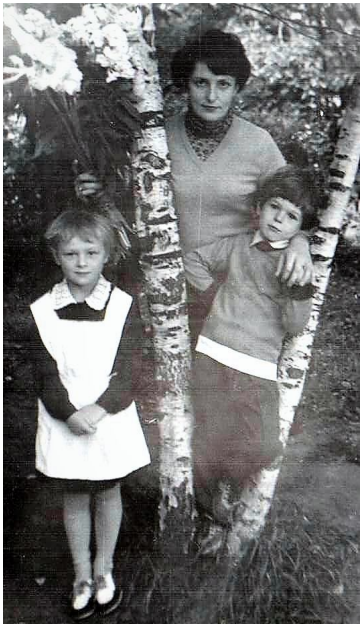
Не знаю причин, но Виктор, муж Наташи, где-то в 90-х годах умер. Наташа сразу же, в очередной раз, вышла замуж, за какого-то бывшего капитана подводника, довольно-таки состоятельного бизнесмена. По крайней мере, имеющего несколько квартир.

Но потом умерла и Наташа, в 53 года. На здоровье при мне не жаловалась никогда, и я ничего не слышал, вплоть до последнего времени. Возможно, от скоротечной неприятной болезни. Впрочем, болезни приятными не бывают. Было это в 2003-ем или 2004-ом году.

А Леша с Сашиных слов, в свои 25 лет уже 3 раза сидел, небольшими сроками. Наркоман, алкаш полностью опустившийся. Этот, как она говорила, подонок не пришел даже на похороны приемной матери. А в день похорон пытался продать одну из квартир. Чтобы рассчитаться за какие-то большие долги.

Его в очередной раз искала милиция. Наверное, взяли. Больше о нем ничего я не слышал.

Полагаю, не весёлая была жизнь у Наташи.



1 сентября. Саша идет в 1-ый класс. Саша, Лёша, Лена и Наташа Левитская.

Каждого небеса и земля благодарят или наказывают за что-то, в меру, видимо, совершенного. Заслуг и проступков.

Панкратов.

Как я уже поминал, Андрей продал свою неплохую, недешевую комнату на Каменноостровском, с отдельными туалетом и ванной, кухней на совсем маленькую, чуть ли не 7 метров комнатку. С какой-то

доплатой. Рассчитался с долгами, остальные стал пропивать. Денег хватило, видимо, ненадолго.

Лена с ним уже почти не общалась, как говорила. Это всё было уже после нашего расставания. У Лены возникали другие фавориты, например, Валера Грубин (легендарная личность по Сергею Довлатову).

Тем не менее, я еще один раз видел Андрея. Это было, наверное, в 1988-ом или 89-ом.

Я только что помог матери переехать в нашу новую двухкомнатную квартиру на улице Черкасова. А сам жил у Люды, мы уже поженились. Тем не менее, с Леной встречались регулярно, раз в месяц. Я передавал деньги на Сашу, алименты договорились не оформлять.

И вот однажды я был на Черкасова, позвонила Лена и попросила денег вперед. Ответил, у меня сейчас нет, зарплата на следующей неделе. Тогда она сказала, что очень нужно поговорить, дело жизни и смерти, и она ненадолго заедет. Мне совершенно не хотелось встречаться, но согласился.

Когда открыл дверь, увидел Лену с Панкратовым. Попытался тут же закрыть. Сразу не удалось. Панкратов стал вежливо уговаривать, что ему нужно в долг, он отдаст. Должны деньги прийти от родителей, завтра буквально. Но это мне было говорить бесполезно. У Панкратова случилась истерика. Он был совсем темный. Дошло дело до драки. Я его вытолкал, Лена тоже вышла. На лестничной площадке Панкратоф начал кидаться в меня всем чем попадя. Организовалась настоящая перестрелка. На лестнице были какие-то вещи соседей. Это всё продолжалось, пока я не захлопнул за собой дверь в квартиру.

Кстати, буквально до этого, я Лену не видел месяца три. А когда увидел, не сразу узнал, у нее, видимо, была сломана челюсть. И срослась неправильно. То есть одна скула была сильно больше другой, лицо перекошено. И только узнаваемые глаза горели все с тою же экзальтацией.

По косвенным намекам я понял, это дело Панкратова. Он её бил.

Умер Панкратов в своей грязной комнате, заваленной пустыми бутылками. Об этом вскоре сообщила мне Лена.

Лена

Где-то, видимо, осенью 85-ого, Лена предлагала родить от меня.

Мы встретились промозглым вечером, надо было передать деньги, алименты на Сашу. Лена предложила пройтись, у нее опять было важное дело, жизни и смерти. Встречались мы на Петроградской, у метро, прошли в какой-то темный переулок. И она почти сразу предложила родить от меня ребенка. Мол, Валера Грубин хочет ребенка, но у него не получается…

Я с ужасом отказался!

Она еще уговаривала…

Но… нет, нет, только не это!!!

Лена потом-таки родила еще девочку. Анастасию. Одновременно с нашей дочерью Сашей. Разница в две недели. Причем Анечка, Сашина дочка старше.

К тому времени, Лена рассталась с Валерой и сошлась со странным человечком, не помню, как его звали. У него уже было 6 или 7 детей, но из семьи он ушел и жил с Леной.

Мы несколько раз виделись. На свадьбе у Саши и еще каким-то делам, связанным с Сашей. Ничего из себя он не представлял. Невысокого роста, кругленький здоровячок, не помню от него никаких внятных слов. Занимался чем-то неясным. Я и не интересовался.

С Леной мы развелись через несколько месяцев после моей встречи с Людой. Познакомились мы в колхозе. Как-то сразу приметил, выделил по движениям, чему-то родному. Приглядывался, было приятно смотреть на нее.

А на отвальной, перед отъездом, это было 16 ноября 1984 года, устроили танцы. Мы с Кирой Ивашкиным и друзьями, конечно, выпили, но держались нормально. Пригласил Люду. И получилось так, что потом мы танцевали лишь вместе. Вышли на улицу, гуляли, разговаривали, поцеловались… договорились встретиться в Ленинграде. Выяснилось, что мы работаем вместе не только в ЦКТИ, но даже в одном отделе. Но в разных лабораториях и корпусах. Отдел-то огромный!

Встретились. И уже больше не расставались. Эта любовь на всю жизнь.

Людмиле Гребенщиковой

Ты дивную прелесть хранила,
Ждала повеленья любви
И сразу меня полюбила,
Объятья и губы мои!

У Ладоги тёмной, осенней,
Среди опустевших полей
Своё отыскал я спасенье
В любви драгоценной твоей.

Казалась нам встреча случайной…
Воистину, случай велик!
Какая-то высшая Тайна
Прозрела дороги свои.

Ты к жизни меня воскресила,
С тобою открылся мне Бог…
Отчаянно так полюбила,
Что я не влюбиться - не мог!

Пятиречье, октябрь 1984

С Леной встречаться сразу же я перестал. Однозначно решил разводиться. Лена не возражала. И через несколько месяцев, зимой-весной 1985-ого мы оформили развод. В ЗАКСе на вопрос о причинах сказали, уже несколько лет не живем вместе. Отношения дружеские, делить нечего, претензий нет.

Процесс прошел быстро. У меня была с собой трехлитровая банка самогона. И мы поехали праздновать наш развод к Боре Довлатову. Там нас уже ждали Боря с Валерой.

Валера Грубин потом повторял, такого весёлого развода в своей жизни не вспомнит еще. Я непринужденно шутил… И действительно, мне было радостно и легко. Всем нам легко…

Можно сказать, я освободил Лену. И она освободилась от каких-то обязательств ко мне.

В следующий раз видел Борю на его похоронах.

Мне сообщила Лена. Пригласила приехать. Сомневался. Но все же поехал.

Было отпевание в церкви на Петроградской. Долгое, часа полтора. Народу - полная церковь.

Потом **поминки в квартире у Бори**. Меня опять-таки уговорили пойти. Народу не протолкнуться. Но лица все почти незнакомые. Из узкого круга, который я знал практически никого.

Я выпивал, ни с кем не общаясь.

Потом какие-то женщины, незнакомые, предложили переговорить. И после нескольких вопросов зашла речь о моей «коронации». Типа, на место Бори. Вокруг него всегда крутилось несколько женщин, он часто с кем-то созванивался. Но я этого не касался совсем.

Нет, говорю, спасибо. Не смешно. Выпил еще несколько стопок, быстро захмелел. И ушел.

Слава богу, ни с кем больше не пересекался! Это было уже после смерти Панкратова. И Саше больше 16-ти лет.

С Леной последний раз встретились на Сашиной свадьбе, в 1996-ом.

Судьба дальнейшая **Валеры Грубина** мне неизвестна. В Интернете нашел, что его уже нет в живых.

После нашего развода Саша осталась с мамой. Но фактически жила с бабушками, у Нины Евгеньевны или моей матери.

Два раза, летом 1986-ого и летом 1988 почти по месяцу мы вместе ездили на Черное море. С Людиной дочкой от первого брака Надей и моей дочкой Сашей. Надя на два года старше Саши.

Все были счастливы.

Потом, однажды я предлагал Саше жить вместе с нами, не очень настойчиво, правда, честно скажу. Саша, без тени сомнений, сказала, буду жить с мамой.

Но мы и потом встречались, по праздникам, дням рождения. В 90-ом году купил дачу на заработанные в ЦКТИ деньги, немаленькие 50 тысяч получил за один год. Тогда средняя зарплата по стране была 200 рублей, а у меня получалось 4000. Такой успех продолжался года три – 88-ой – 90-ый года, я продавал свои программы Металлическому заводу, через временные творческие коллективы оформлял договора.

Пока Горбачева не сместил Ельцин. Практически сразу же все творческие инженерные коллективы умерли. А вместе с ними и все новейшие разработки. Мы, например, проектировали самую большую

в мире лопатку – 1,5 метра. Для самой большой и мощной в мире паровой турбины. Всё развалилось или было развалено специально.

Но не буду здесь об этом подробно рассказывать. Произошло очередное разочарование.

Утешало одно.

За несколько месяцев до обвала успел основную сумму потратить, купив дачу и необходимые материалы на первое время для обустройства.

Саша приезжала к нам на дачу не один раз.

А потом она стала взрослой. У нее появились свои интересы, проблемы. Но у нас всегда были хорошие отношения.

После смерти Нины Евгеньевны Лена разменяла развалённую хрущёвку, первый этаж на две комнаты, себе и Саше по комнате.

Муж Лены, звали его, может быть, Вася, умер. И Лена жила с каким-то уже совсем неизвестным мне человеком.

Умерла Лена, если не ошибаюсь, в 2007-ом. От цирроза печени. Саша мне позвонила. Но на похороны я не поехал. Уже не знал никого, все знакомые умерли. Лет 20 уже она жила с чужими людьми. И воспоминания не доставляли никакой радости.

Шура Изотов. Приехали навестить его с Леной, где-то в 1983. Он уже почти не вставал с кровати. Постоянно пьяный. С ЛМЗ, из цеха, где работал он мастером после ВТУЗа, уволили, выгнали.

Месяца за два до нашего приезда сливал в раковину горячую воду из кастрюли с картошкой, только что сваренной. В одних трусах, по-домашнему. Умудрился вылить кастрюлю не в раковину, а на себя, ниже пояса. Всю. Жуткие ожоги. Больница.

Жена его, сожительница, - любила его, даже такого! Замечательно пела песни Аркадия Северного. Брала такая тоска!.. И что-то светлое, высокое, ускользающее виделось в отдалении… уходя в небеса, за прокуренный потолок. Туда, где нас нет…

Мы выпили, как всегда, и уехали. Нас ничем уже было не удивить… Просто немного жаль.

По дороге домой заснули, забывшись…

Больше я Шуру не видел.

А какой красавец! Блоковский не только профиль – и фас! Стройная белокурая бестия с выразительными до боли глазами!

Меня он называл почему-то «мышонком Тарасиком»… А всех остальных отшивал, не раздумывая:

- Твой номер шестнадцатый!

И это говорилось, как приговор. Окончательный.

Великолепно играл и пел на гитаре.

Жаль. Искренне жаль! Что такие люди уходят… Как будто их и не было ни-ко-гда…

После 1980-ого года я практически перестал писать стихи.

В 1981-ом – 3 стихотворения, скорее черновика.

1982 – 1.

1983 – 7.

И только после встречи с Людмилой Гребенщиковой ко мне опять пришло вдохновение. А в 1987-ом я стал записывать первые свои философские опыты «Диалоги с самим собою». Что вскоре вылилось в целостную позитивную мировоззренческую систему. Нескончаемого познания и развития мира, нашей Вселенной, устремленной в бесконечное будущее!

О судьбах других друзей, встречи с которыми продолжались, расскажу в следующей книге воспоминаний-исповеди.

Послесловие

Это была шумная, весёлая, хмельная компания «полубогов».
Все они умерли…

Скажу общее своё ощущение того времени.

Как мне хотелось умерить силы свои! Избыток которых ощущал я во всем, всю свою жизнь.

Порою казалось, скажи: «Расступись!» - водам, и воды расступятся. Можно пройти через стены, летать… и делать практически всё, что помыслишь. Но я всегда сдерживал в себе такие желания, подсознательно зная, черту преступать нельзя. Гасил избыточные возможности… Может быть, чтобы сохранить жизнь. Не для чудес, а чего-то иного. Наверное - Слова!

Внутреннее знание не выливалось в примитивное хвастовство или хамство, гордыню, презрение к людям, ближним моим. Нет. Каждого человека я всегда считал способным на всё, имеющим свой неповторимый талант, призванным в мир не случайно. Но!.. до какой же степени мы изуродовали наш мир, что оказались в нем не нужными никому! Сами же изуродовали.

Какая-то системная ошибка закрадывалась давно. Или закладывалась? Во всё большей степени мы жили неправильно!

И вот теперь так я думаю, по-крупному, в этом мире мы не нужны никому. Кроме Бога. Который для чего-то испытывает нас и спасает порой. Меня спасал не один раз… О таких, совершенно невероятных случаях я рассказывал в первой книге «Исповедь. Детство и юность». И не вся ли книга вторая – об испытаниях?

Для чего?

А может быть, именно для того, что я делаю все последние годы. Должен был сделать. И – делаю! Других мыслей «спасаем зачем» - у меня не возникает.

Бог в чем-то рассчитывает на меня. Возможно, как первого Председателя «Центра Вселенной». Нашей Вселенной! Которую нам надо строить - миллиарды, и миллиарды лет!

Даже если никто не понимал и не понимает важность и не знает даже о самом существованье Проекта, кроме Него. Тогда. Сегодня… И в будущем, наверное, - не скоро поймет.

Но! Начало положено. И зафиксировано. Идеи и мысли, если они представляют объективную ценность, не умирают. Передаются, пусть даже не осознающими или полностью не осознающими их носителями от поколения к поколению. И однажды найдется тот, кто оценит, поймет. А потом станет их двое… Двенадцать! Тысячи, миллиарды!.. И то, что должно случиться, произойдет!!!

В самом широком плане, в бесконечной вселенной процесс познания и развития мира, единого Целого, взаимосвязанного разумным началом, - не ограничен ничем! Кроме нашей глупости, безволия и пассивности.

Я сказал: «Не нужны никому, кроме Бога…»

А что же есть Бог? Это всё, что есть в нашей Вселенной. Познанное и непознанное. В том числе, и мы сами.

Да!

Иногда Бог спасает нашу Вселенную через нас. А иногда… и без нас. Но во всё большей степени с развитием мира рассчитывая все-таки именно на людей, созданное им разумное мировое начало. Оно должно быть разумным!

А вот, как Он определяет без нас, что же именно надо спасать, кого надо спасать, для чего… Тайна великая!

Но мы должны понимать с каждым нашим спасением, что «песчинка сия» имеет для Целого особенную драгоценность, уж коли спасают её, из раза в раз, несмотря ни на что! Чудесным, непонятным нам образом. Это – подсказка! Значит, именно она является тем кирпичиком, необходимейшим в здании нашей Вселенной… Возможно, одним из краеугольных камней.

И как же не ценить это, не ощущать меру ответственности? Неважно, ты Президент страны или никому неизвестный поэт, мыслитель. Мера ответственности определяется мерой твоего личного осознавания.

Я ни о чем не жалею, судьбу не изменишь… Однако есть все-таки ощущение, можно было сделать несколько больше.

70-ые, первая половина 80-х - «время застоя». Пора моей молодости заполнена в основном опытом негативным и потрачена почти что впустую.

А может, и нет. Кто знает?

Мера счастия нашего совпадает с мерой страдания. Без личных страданий - чужих страданий, порой, кажется недостаточно. И только

пройдя самостоятельно Путь, можно поделиться знаниями с другими. На основании личного опыта, в том числе негативного. А не фантазий.

Возможно, без личных трагедий создания Проекта «Вселенная» оказалось бы невозможно.

Это касается и моей личной жизни.

Любовь умерла. Да здравствует другая любовь! – Вот что я понял однажды, через 7 лет сложных отношений с Леной, первой женой. И 20 лет живу счастливо со второю. Зачем, теперь думаю, так долго мучился? С первой женой - нормальные дружеские отношения. С дочкой от первого брака – отличные. А от второго – сынишка растет.

Так что «делить» никого не обязательно.

Не все так просто по жизни, конечно… Но «терпеть» без конца – бессмысленно.

Это было написано в 2005-ом году. А ныне - 2019-ый. И я могу повторить эти слова. Единственно что… Лены давно уже нет.

Кто нас ставит в такую ситуацию? Да мы сами себя в неё ставим, снимая с себя всю ответственность.

Подготовка этой книги оказалась для меня весьма непростой, досталась достаточно тяжело. Есть, конечно, недоработки. Но я уже больше не могу вспоминать...

И скажу еще.

«Ненависть» в названии книги, конечно, не то слово… Но другого найти не получилось. Видимо, будет редакция.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
1976 – 06.1977 Виталий Иванов. Стихи перед свадьбой 4
03.1977 Елена Рягузова. Его я встретила нежданно 12
1977 Виталий Иванов. Стихи после свадьбы 13
1977-1978. Осень, зима. Отступление 18
01-06. 1978 Виталий Иванов. Стихи 22
06.1978 Пародилки Елены Ивановой 25
07-08.1978 Малошуйка 28
09.1978 Елена Иванова. Моё чудовище 39
09.1978 После Малошуйки 40
02.1979 Виталий Иванов. Стихи 42
06-07.1979 Малошуйка 2 44
08.1979 После Малошуйки 2 49
08.1979 Курковицы. Совхоз 53
1979 ВТУЗ. Наши песни 58
09.1979 – 06.1980 От Курковиц до Воркуты 65
09.1979 - 05.1980. Виталий Иванов. Стихи 70
07-08.1980 Воркута. Шабашка 81
08.1980 Откровения после Воркуты 93
08.1980 Виталий Иванов. Стихи 97
08.1980 Парутино 99
09.1980 После Парутино 102
10.1980 Виталий Иванов. Стихи 106
09.1980-06.1981 Диплом 108
09.1980-06.1981 Зима. Парголово 111
01.1981 Виталий Иванов. Стихи 120
Осень 1981 г. После сборов. ЦКТИ 122
1981-1982 Продолжение с Довлатовыми и Панкратовым 126
11.1981 Виталий Иванов. Стихи 128
1980-1983 Стихи и песни на Петроградской 129
Лето 1982 132
Лето 1982. Гомель с Сергеем Потоцким и Керчь 139
05.1983 Тучков переулок 142
1983 Виталий Иванов. Стихи 144
1983-1984. Работа в ЦКТИ 145
1984 Боря Довлатов 151
1984 Больница Боткина. Гепатит 156

1984 Из дневника 159
О судьбе героев повествования..... 161
Послесловие 169

КНИГА 1.

Исповедь. Детство и юность. Воспоминания и дневник/ Виталий Иванов. – СПб.: Серебряная Нить, 2018. –408 с.

http://russolit.ru/books/download/item/3756/

Листалка. Читать:
http://pubhtml5.com/eail/kkzu

ИСПОВЕДЬ. Книга 2, часть 1. Любить сильнее возможного. / Елена и Виталий Ивановы. – СПб.: Серебряная Нить, 2019. – 328 с.

http://russolit.ru/books/download/item/3958/

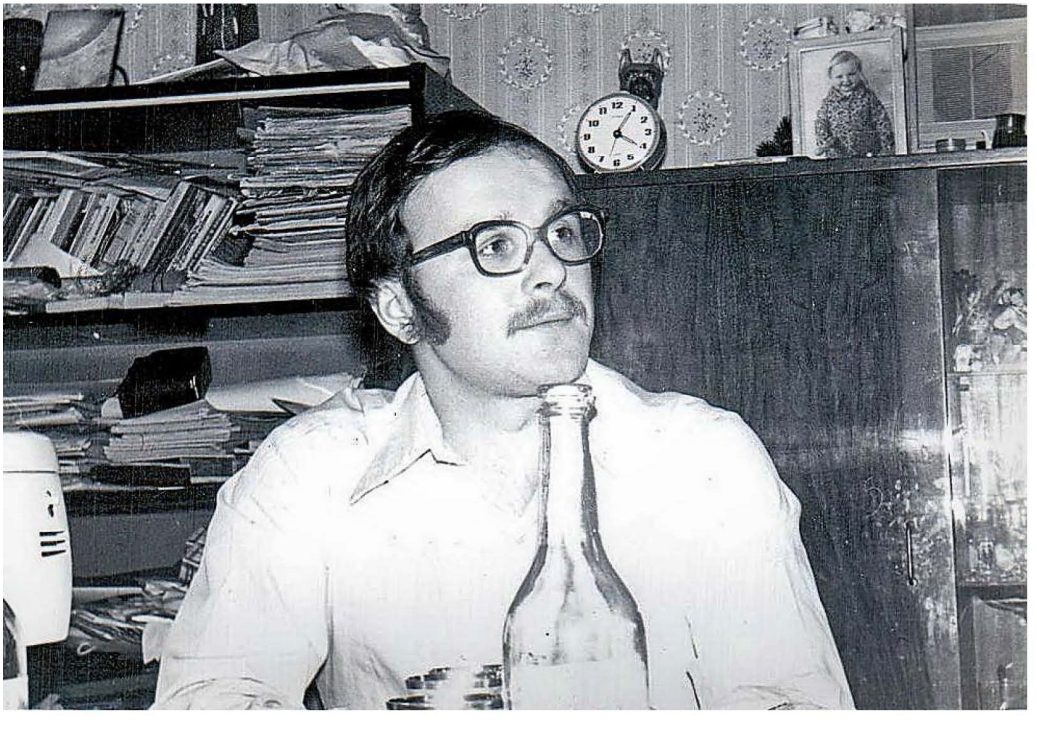
Листалка. Читать:
http://pubhtml5.com/eail/iwgx/

Виталий Альбертович Иванов

ИСПОВЕДЬ
Книга 2, часть 2.
Любить? Или… Ненавидеть?

Электронный адрес для отзывов: iva0@bk.ru

Страницы составителя в Интернете:
http://www.proza.ru/avtor/ivanov_v
https://www.proza.ru/avtor/vialiv
http://www.stihi.ru/author.html?ivanov_v
https://www.stihi.ru/avtor/ivanovvq
https://www.stihi.ru/avtor/vialiv

Книга представлена Творческим Союзом
«Серебряная нить»
serebryanaya.nitb@mail.ru
http://cereniti.ru/
http://kovcheg.ucoz.ru/forum/64
На базе Содружества
«Галактический Ковчег»
http://kovcheg.ucoz.ru/
В рамках проекта «Голоса Времени»
Координаторы проекта –
Людмила Жолнерович и Валерий Крайцев

Издание напечатано по технологии Print-on-Demand
(печать по требованию)
по индивидуальному заказу.